

К. Ш. ХУСАИНОВ

В. В. РАДЛОВ
И КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК

Л. 2004
3092к

В. В. РАДЛОВ (1837—1918)

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

К. Ш. ХУСАИНОВ

В. В. РАДЛОВ
И КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК

Издательство «НАУКА» Казахской ССР

АЛМА-АТА-1981

Хусаинов К. Ш. В. В. Радлов и казахский язык. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1981. — 172 с.

В монографии анализируется научное наследие одного из основоположников отечественной тюркологии — академика В. В. Радлова (1837—1918), развитие выдвинутых им научных положений в современной тюркологической литературе. Исследовательской части монографии предшествует очерк о жизни и деятельности В. В. Радлова. Отдельные главы посвящены исследованиям ученого по вопросам вокализма и сингармонизма казахского языка, лексическому материалу по казахскому языку, содержащемуся в «Опыте словаря тюркских наречий», который исследуется в диахроническом плане, в сравнении с современной лексикой.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов вузов, а также всех тех, кто интересуется историей изучения и развитием казахского языка.

Ответственный редактор

член-корреспондент АН КазССР

Г. Г. МУСАБАЕВ

X $\frac{70103--082}{407(07) - 81}$ 137.81.4602010000

ПРЕДИСЛОВИЕ

В истории каждой области знаний есть имена ученых, с деятельностью которых связаны целые эпохи в развитии того или иного направления в науке и капитальные труды которых стали прочным фундаментом здания современной науки. Есть такое имя и в тюркологии — Василий Васильевич Радлов. Изучение творчества любого ученого, как и вообще истории «любой дисциплины, не только напоминает о пройденном пути, успехах и неудачах тех, кто проделал его, но и указывает направление, а часто и способы дальнейших поисков и предостерегает исследователей от повторения ошибок, сделанных предшественниками»¹.

На исследования советских и зарубежных языковедов-тюркологов большое влияние оказали труды целого ряда русских ученых дореволюционного периода: О. Н. Бетлингка, Н. И. Ильминского, А. К. Казем-бека, Е. В. Вельяминова-Зернова, И. Н. Березина, П. М. Мелиоранского, Л. З. Будагова, Н. Ф. Катанова, Н. И. Амарины, Э. К. Пекарского и др. Несмотря на то что каждый из этих ученых внес ощутимый вклад в дело становления и развития русской тюркологии, эпоха, в которую протекала их научная деятельность, советскими тюркологами была названа радловской эпохой в истории мировой тюркологии². Объясняется это, на наш взгляд, тем,

¹ Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Л., 1972, с. 8.

² Кононов А. Н. Тюркское языкознание в Ленинграде. 1917—1967. В кн.: Тюркологический сборник. 1970. М., 1970, с. 6.

что В. В. Радлов является наиболее ярким представителем тюркологов XIX в. Изданные под его руководством «Образцы народной литературы тюркских племен» (в 10 томах) содержат огромный материал для исследования фольклора тюркоязычных народов, а также для синхронического и диахронического изучения конкретных тюркских языков.

В. В. Радлов создал первую сравнительную фонетику тюркских языков, с учетом которой в наши дни аналогичные труды написали тюркологи М. Рясянен³ и А. М. Щербак⁴.

В. В. Радловым был составлен четырехтомный (6 книг) словарь тюркских языков, в который он включил материалы, собранные не только им лично, но и его предшественниками, вследствие чего словарь представляет лексику большинства тюркских языков.

Кроме того, В. В. Радлов перевел, исследовал и издал все главные памятники древнетюркской письменности. Наконец, ряд трудов он посвятил изучению вопросов истории, археологии и этнографии тюркоязычных народов.

По утверждению А. Н. Кононова, «В. В. Радлов окончательно утвердил филологическое направление в отечественной тюркологии»⁵.

Изучению научного наследия В. В. Радлова в тюркологической литературе посвящено большое количество научных статей и биографических очерков, дающих представление о той или иной стороне его многогранного творчества, о различных периодах его жизни и деятельности⁶. Вместе с тем совершенно очевидна необходи-

³ Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.

⁴ Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.

⁵ Кононов А. Н. Тюркское языкознание в Ленинграде. 1917—1967, с. 6.

⁶ Штернберг Л. Из жизни и деятельности Василия Васильевича Радлова.— Живая старина, Спб., 1909, вып. 2—3; Самойлович А. Н. В. В. Радлов как тюрколог.— Труды Троицкосавско-Кяхтинское отд. Цэнтр. отдела ИРГО, Спб., 1914, т. XV, вып. 1; Он же. Радлов как тюрколог.— Новый Восток, М., 1922, № 2; Он же. Академик В. В. Радлов.— Вестник АН СССР, 1937, № 1; Ко дню семидесятилетия В. В. Радлова, 5 января. Спб., 1907; Убрятова Е. И. Академик В. В. Радлов.— Известия Сиб. отд. АН СССР. Серия обществ. наук, 1969, № 6, вып. 2; Афанасьев П. Выдающийся тюрколог.— Соц. Яку-

мость специального исследования творчества В. В. Радлова. Не случайно на четвертом пленарном заседании Советского комитета тюркологов был предложен ориентировочный список тюркологов, которым должны быть посвящены монографии, и в их числе В. В. Радлов. Подобные исследования, несомненно, будут содействовать скорейшему изданию полной истории тюркологии, необходимость которой отмечалась на III Всесоюзной тюркологической конференции в Ташкенте⁷.

Цель данной работы — рассмотреть теоретические положения В. В. Радлова, которые имеют непосредственное отношение к истории изучения казахского языка, а также для выявления особенностей развития казахской лексики в советскую эпоху, сопоставить лексические материалы по казахскому языку, собранные В. В. Радловым в начале второй половины прошлого столетия, с фактами современного казахского языка.

Поставленные задачи определили структуру монографии. Первая глава представляет собой очерк жизни и деятельности В. В. Радлова, состоящий из трех частей, соответствующих трем периодам жизни ученого: берлинскому и барнаульскому, казанскому, петербургскому.

Во второй главе рассматривается концепция В. В. Радлова о вокализме и сингармонизме казахского языка, предложенная им в «Фонетике северных тюркских наречий».

В третьей главе объектом исследования является «Опыт словаря тюркских наречий» В. В. Радлова: дается анализ его с точки зрения общей лексикографии, приводятся факты словоупотребления из него в современном казахском языке, особое внимание уделено вопросам заимствованной лексики, использования внутренних ресурсов языка в качестве источника пополнения лексики, а также архаизмам и историзмам казахского языка.

Дальнейшее изучение творчества В. В. Радлова наряду с трудами других дореволюционных тюркологов и ученых советского периода, последовательное определе-

тия, 1957, 31 мая; Кондуцалова С. Материалы по киргизскому языку, собранные В. В. Радловым. Автореф. Дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата; Фрунзе, 1964; Тюркологический сборник. 1971. М., 1972. [Сборник посвящен памяти В. В. Радлова. Здесь же приведена библиография литературы о нем].

⁷ Советская тюркология, 1978, № 2, с. 101.

ние преемственности и развития научных разработок по казахскому языку как в хронологическом, так и теоретическом отношении явятся серьезным основанием для написания истории казахского языкознания. Автор будет считать свою задачу выполненной, если книга хоть в какой-то степени послужит материалом для создания этой истории и явится толчком для исследований в данном направлении.

Автор выражает глубокую признательность членам-корреспондентам АН Казахской ССР Г. Г. Мусабаеву и Р. Г. Сыздыковой, а также докторам филологических наук К. М. Мусаеву и А. К. Курышжанову за замечания и пожелания, высказанные ими при подготовке монографии к изданию.

В. В. РАДЛОВ — ВЫДАЮЩИЙСЯ ТЮРКОЛОГ

БЕРЛИНСКИЙ И БАРНАУЛЬСКИЙ ПЕРИОДЫ

Василий Васильевич (Фридрих Вильгельм) Радлов родился 5 января 1837 г. в Берлине в семье запасного офицера, комиссара городской полиции. В 1846—1854 гг. он учится в гимназии. По словам современников, «из гимназического периода жизни Василий Васильевич больше всего любил вспоминать о своих учителях классических языков»¹.

После окончания гимназии В. В. Радлов поступает на философский факультет Берлинского университета, где первое время изучает вопросы теологии. Но первые же лекции по этому предмету охладили его интерес, и он оставляет теологию.

На выбор специальности студента Радлова повлияли вполне определенные обстоятельства. Как известно, середина XIX в. в Германии характеризуется бурным развитием языкознания, а именно становлением и расцветом сравнительно-исторического метода в изучении языков. Основателем сравнительного языкознания был выдающийся лингвист Франц Бопп, лекции которого посчастливилось слушать молодому Радлову. Помимо Франца Боппа лекции по языкознанию в Берлинском университете читали широко известные ученые Г. Штейнталь (впоследствии основатель психологического направления в языкознании), Греденбург, Ж. Мишеле и др.² Кроме того, недалеко от Берлина, в небольшом

¹ Штернберг Л. Из жизни и деятельности Василия Васильевича Радлова, с. III.

² Там же, с. III, IV.

городке Галле, жил и работал замечательный фонетист своего времени Август Потт, лекции которого В. В. Радлов ездил слушать два семестра³. Вполне естественно, что эти замечательные языковеды увлекли своими оригинальными идеями и смелыми гипотезами студента Радлова.

В те годы очень модным было изучение санскрита и его сопоставление с языками индоевропейской семьи. Казалось, что, следуя за своими учителями, В. В. Радлов примется за изучение именно вопросов индоевропейского языкознания. Но в этой области было сделано уже немало, во всяком случае, основные пути уже были проложены. А молодого, полного энергии, любознательного Радлова влекло к неизведанному, туда, куда европейская наука еще не проникла. Белым пятном в середине прошлого столетия была именно ориенталистика.

Первое знакомство В. В. Радлова с вопросами востоковедения происходило под руководством не менее известного, чем предыдущие языковеды, полиглота-ориенталиста В. Шотта, который в Берлинском университете читал курсы монгольского, татарского, маньчжурского и китайского языков (последним В. В. Радлов занимался также у Г. Штейнталя). Одновременно с этим В. В. Радлов изучает еврейский, арабский, персидский и турецкий языки. Еще студентом он знакомится с одной из первых классических работ по тюркологии — «Грамматикой якутского языка» О. Бетлингга. Эта книга, по словам современников, произвела на В. В. Радлова огромное впечатление.

Постепенно у В. В. Радлова складывается твердое решение посвятить себя изучению языков, истории и культуры народов тюркского Востока. Но для этого прежде всего необходимо было попасть в Петербург, так как там в 1854 г. был организован восточный факультет, там жил и работал знаменитый тюрколог О. Бетлингг и именно там снаряжались научные экспедиции по изучению Востока. И В. В. Радлов взялся изучать русский язык самостоятельно. К концу университетского курса он уже свободно объяснялся по-русски и бегло читал.

В мае 1858 г., защитив диссертацию на тему «По по-

³ Там же. См. также: *Тенишев Э. Р.* В. В. Радлов — фонетист и грамматист. — Тюркологический сборник. 1971, с. 32.

воду влияния религии на национальности и языки северозападных народов»⁴, В. В. Радлов получает докторское звание. Летом того же года с рекомендательными письмами от своего учителя Шотта он уезжает в Петербург.

Приехав в столицу России, представлявшую собой тогда главный научный центр Восточной Европы, В. В. Радлов для пополнения своих знаний восточных языков собирается поступить на восточный факультет, но затем отказывается от своего намерения и приступает к самостоятельным занятиям в библиотеке Азиатского музея.

Понимая недостаточность кабинетного изучения языков, В. В. Радлов ищет возможности непосредственного общения с носителями тюркских языков. Он пытается попасть в экспедицию Русского географического общества в Амурский край, во главе которой стоял Ф. Б. Шмидт.

По неизвестной нам причине В. В. Радлову не удается принять участие в этой экспедиции. Когда же П. К. Мейендорф, бывший посол России в Берлине, предлагает ему место учителя немецкого и латинского языков в Барнаульском горном училище с дополнительными к жалованию ассигнованиями на научные поездки по Алтайскому краю во время летних каникул, он без колебания принимает это предложение и, сдав необходимый экзамен на звание учителя гимназии, 14 мая 1859 г. получает официальное назначение в Барнаул.

В Барнауле В. В. Радлов, занимаясь основным делом — преподаванием латинского и немецкого языков в горном училище (которое впоследствии было преобразовано в гимназию), изучает и калмыцкий язык. Для этого он нашел калмыка, с которым просиживал целыми вечерами после уроков в училище. Об этих занятиях калмыцким языком Л. Штернберг писал следующее: «Это была, нужно думать, не совсем легкая работа, ибо учитель калмык — ни слова не понимал по-русски, а его ученик столько же мало понимал в языке своего учителя. За этими уроками Радлов снова, впервые после университета, вспоминал О. Бетлингга, который много лет перед тем точно так же засел с другим инородцем — якутом — и через полтора года создал грамматику якутского языка. К весне Радлов настолько овладел языком гор-

⁴ Там же, с. IV.

ных калмыков, что мог, наконец, предпринять свое первое путешествие»⁵.

В этом путешествии, состоявшемся в 1860 г., В. В. Радлова сопровождали его учитель-калмык и молодая жена — Паулина Августовна Фромм, с которой он был помолвлен перед самым отъездом в Петербург и которая лишь незадолго до этого приехала к нему в Барнаул. Маршрут экспедиции пролегал через Уруссул к р. Чуе и дальше до самой границы с Китаем. За время этой поездки по Алтаю В. В. Радловым были собраны материалы по языку и устному народному творчеству алтайцев, а также сведения о торговых отношениях русских с монголами⁶. Возвращаясь в Барнаул, В. В. Радлов встречает грамотного телеута Чевалкова, который соглашается помочь ему в изучении телеутского языка. Всю следующую зиму В. В. Радлов учится у Чевалкова телеутскому языку, а весной в 1861 г. вместе со своим новым учителем выезжает к телеутам и шорцам в Западный Алтай. По пути к Телецкому озеру он посещает и сойотов Саянского хребта.

В 1862 г. В. В. Радлов переходит к исследованию Восточного Казахстана, Илийской долины и добирается до Иссык-Кульской котловины. В результате этой экспедиции были собраны материалы не только по языку и фольклору казахов и киргизов, но и материалы по истории и археологии этих народов (последние собирались по поручению археологической комиссии). Кроме того, В. В. Радлов постоянно составлял географическое описание местностей, лежавших на пути.

В 1863 г. В. В. Радлов направляется в восточную часть Алтая к племенам, вошедшим позднее в состав хакасов, к чулымским тюркам через р. Томь и г. Минусинск.

Так как ассигнования на экспедиционные расходы были выделены лишь на пять лет, а сбор материалов по языку и устному народному творчеству народов тюркского Востока был далек от завершения, то летом 1864 г. В. В. Радлов был вынужден выехать в Петербург для продления этого срока. Просьба В. В. Радлова была удовлетворена довольно быстро, и он вместе со своей же-

⁵ Там же, с. X.

⁶ Радлов В. В. Торговые отношения России с Западной Монголией и их будущее. — Записки РГО. Отделение статистики. Спб., 1871, т. 2, с. 339—383.

ной отправляется в Берлин, чтобы навестить родителей. После Берлина они едут в Тироль, а затем вновь возвращаются в Барнаул для продолжения незавершенного труда, который буквально через несколько лет принес В. В. Радлову славу замечательного тюрколога.

В 1865 г., продолжая преподавать немецкий и латинский языки в Барнауле, В. В. Радлов по материалам экспедиции изучает язык и фольклор тюркских народностей западной Сибири.

В 1866 и 1867 гг., очевидно, для пополнения лингвистического и фольклорного материала и проверки собранного В. В. Радлов совершает повторные поездки по Алтаю.

В 60-х годах XIX века шел процесс присоединения Туркестанского края к России, и в начале 1867 года Совет Географического общества предложил В. В. Радлову научную командировку по городам Сырдарьинской области. В. В. Радлов с готовностью принимает это предложение и, отправившись в путешествие, в течение лета 1868 г. адресует Географическому обществу три письма⁷.

Первое письмо было отправлено 15 мая 1868 г. Это письмо содержит в себе в основном географическое описание местностей, лежавших на его пути из Барнаула в Верный. Второе письмо, посланное уже из Ташкента, к сожалению, обществом не было получено, так как, по видимому, затерялось в пути. Третье письмо, в котором указывается маршрут путешествия В. В. Радлова по Туркестанскому краю, было послано уже 9 сентября из Барнаула. Из последнего письма видно, что ученому удалось посетить не только Зеравшанскую долину, но и многие другие районы этого края. Собранные географические и этнографические сведения с подробной картой посещенных районов В. В. Радлов обещает представить Географическому обществу в том же 1868 г. Свое обещание он выполняет (правда, написанный в 1868 г. очерк был опубликован лишь в 1880 г.).

Очерк «Средняя Зеравшанская долина» автор начинает с географического описания рельефа местности. Здесь же приводятся сведения о Самарканде, Пенджикенте, о различных кишлаках и базарах, мавзолеях и ме-

⁷ Радлов В. В. Письма Радлова в Географическое общество во время поездки его в Туркестанский край.— Известия РГО, 1868, т. 5, отд. 2, с. 342—357.

четях. Описание Самарканда сделано автором самым подробнейшим образом с историческими справками и с регистрацией уровня экономического развития города. Кроме того, В. В. Радлов сообщает о горных селениях, окружающих Зеравшанскую долину, путях сообщения, о населении и некоторых других данных исследуемого региона.

Казахам и их языку в своем очерке В. В. Радлов дает довольно лестную характеристику. Например, он пишет: «Язык киргизов (казахов. — Х. К.) плавен и красноречив, они остроумны и часто колки и находчивы в вопросах и ответах, иногда даже удивительно ловки, и всякий, даже самый необразованный, киргиз владеет языком в той силе, в какой мы это в Европе замечаем только у французов и у русских. Если они рассказывают, оборот их речи свеж и приятен. Это ясно обнаруживается в образцах народной литературы, которые мною собраны и издаются Императорской Академией наук»⁸.

В мае 1869 г. В. В. Радлов вновь отправляется в степи Казахстана. В задачу путешествия на этот раз входило: 1) посещение китайской границы в Илийской долине и получение там более точных сведений о ходе дунганского восстания, 2) исследование племен киргизов в Чуйской долине и на берегах Иссык-Куля.

Отправившись из г. Копала по почтовой дороге до Алтын-Эмельского пикета, он переходит через Алтын-Эмельский хребет до пикета Тегерек. Отсюда он добирается до окрестностей с. Тургенъ, где занимается лингвистическими исследованиями языка местного населения. Кроме того, здесь В. В. Радлов собирает сведения о прежнем и современном ему положении жителей Илийской долины и о ходе восстания. После двухнедельного пребывания в окрестностях с. Тургенъ В. В. Радлов возвращается на Алтын-Эмельскую станцию и оттуда без остановки доезжает до г. Верного. Из Верного через Кас-текское ущелье он попадает в Чуйскую долину, в г. Токмак. Недалеко от города в юртах киргизов путешественник прожил почти месяц, собирая лингвистические и этнографические материалы. «Богатая эпическая поэзия этого народа, — писал В. В. Радлов в своем отчете о кир-

⁸ Радлов В. В. Средняя Зеравшанская долина.— Записки РГО. Отд. этнографии, 1880, т. 6, с. 70.

гизском фольклоре, — доставила мне обильную жатву, не только важную для лингвиста, но и весьма интересную для исследователя мифов и народной поэзии. У черных киргизов эпос цветет в полном смысле слова»⁹.

Из Токмака В. В. Радлов направляется на Иссык-Куль через Боомское ущелье. На пути к укреплению Караколь, в селении Тюп, он внезапно заболел и два дня пролежал в юрте киргиза; затем с большим трудом на телеге доехал до него. Из-за сильной лихорадки почти две недели В. В. Радлов вынужден был находиться в укреплении Аксу. Лишь 28 августа верхом он выехал в Верный, а оттуда в Барнаул. В заключении своего краткого отчета автор с грустью сообщает: «Болезнь моя была виною тому, что мое путешествие на Иссык-Куль, к крайнему моему сожалению, осталось совершенно бесплодным»¹⁰. О том, что эти же районы Киргизии в 1856 г. исследовал первый казахский ученый Чокан Валиханов¹¹, В. В. Радлову, по-видимому, не было известно, так как ни в его отчете, ни в других трудах сообщений об этом мы не обнаружили.

В 1870 г. В. В. Радлов выезжает в последнюю экспедицию алтайского периода своей научной деятельности. На этот раз путь его лежал в Кобдо.

Таким образом, выезжая каждое лето (за исключением 1864 г.) во время каникул к тюркским племенам Алтая, Восточного, Центрального и Южного Казахстана, Киргизии, Средней Азии и Южной Сибири, за 11 лет жизни в Барнауле В. В. Радлов собрал громадный материал по языку, фольклору, истории, географии, этнографии и археологии народов, населявших эти районы.

Собранный во время путешествий материал В. В. Радлов обрабатывал, проверял, систематизировал, переводил и подготавливал к опубликованию в свободное от основной работы время (мы помним, что он был преподавателем латинского и немецкого языков в Барнаульской гимназии). Как сообщают современники, в эти годы на сон и отдых В. В. Радлов выделял всего лишь 3—4 часа в сутки. Можно представить, с какой энергией, кропотли-

⁹ Радлов В. В. Краткий отчет о поездке в Семипалатинскую область и на Иссык-Куль летом 1869 г.— Известия РГО, б. г., т. 6, № 3, с. 99.

¹⁰ Там же, с. 100.

¹¹ Валиханов Ч. Киргизы.—В кн.: Валиханов Чокан. Избранные произведения. Алма-Ата, 1953, с. 287—360.

востью и упорством работал этот неутомимый, беззаветно преданный науке человек! В последующие периоды своей научной деятельности он очень часто использовал материалы, собранные им именно в алтайский период.

В 1860—1865 гг. В. В. Радловым в различных научных изданиях были опубликованы лишь отдельные отчеты и краткие сообщения о путешествиях, совершенных им в эти годы. Три из них посвящены экспедициям по Восточному Казахстану¹².

Первый капитальный труд В. В. Радлова был издан в 1866 г. Это были «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи, часть I. Поднаречия Алтай: алтайцев, телеутов, черневых и лебединских татар, шорцев и саянцев». В предисловии автор знакомит читателя с некоторыми особенностями этих народов лингвистического и этнографического характера. Здесь же В. В. Радлов излагает содержание последующих частей, которые он предполагает опубликовать: «Первое отделение представляемых мною материалов заключает в себе образцы народной литературы в трех частях, второе — словарь и третье — сравнительную грамматику всех поднаречий»¹³.

В 1868 г. была опубликована вторая часть «Образцов», в которую вошли материалы по фольклору чулымских тюрков и хакасов (к ним в настоящее время причисляют бетлиров, сагайцев, качинцев и койбальцев).

В 1870 г. была издана третья часть «Образцов», содержащая материалы по фольклору казахского народа. Остановимся на ней несколько подробнее.

В предисловии к третьей части «Образцов народной литературы тюркских племен» В. В. Радлов прежде всего подчеркивает, что народ, проживающий на территории от западного Алтая до реки Урал, от Омска и до северных окраин Зеравшанской долины, представляет собой одно целое как в языковом, так и в этническом отношении. Об этнониме «казах» В. В. Радлов пишет, что в прошлом

¹² Radloff W.: Observations sur les Kirgis.— Journ. Asiat. II (1863), p. 309—328; Beobachtungen über die Kirgisen.— Peterman's Mittheilgn., 1864, p. 163—168.

¹³ Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. Ч. I: Поднаречия Алтай: алтайцев, телеутов, черневых и лебединских татар, шорцев и саянцев.

столетии и ранее русские и другие западные народы казахов ошибочно называли и называют «киргизами» или даже «киргиз-кайсаками». Этноним «киргиз» вместо «казах» он употребляет в своих трудах только в силу традиции.

Определяя происхождение казахов, В. В. Радлов основывается на родовых названиях и считает, что казахи образовались в результате объединения различных племен. Для обоснования данного положения он приводит такие названия народов, как кыпчак, аргын, найман и другие, первые два из которых широко распространены среди многих других тюркских народов, а последнее (найман), по мнению ученого, монгольского происхождения. Утверждение о том, что найманы имеют монгольское происхождение, вероятнее всего, явилось результатом сопоставления китайских и других источников с материалами из известного труда XIV в. Рашид-ад-дина «Сборник летописей»¹⁴, на который ученый часто ссылался и в других своих работах¹⁵. В отношении времени консолидации различных племен в единую казахскую национальность В. В. Радлов выдвигает следующее предположение: «По-видимому, эти различные элементы слились между собой давно, потому что китайцы уже несколько столетий тому назад говорят о народе „Хаса-ки“»¹⁶.

Далее В. В. Радлов знакомит читателя с некоторыми основными характеристиками казахского быта: «Везде киргизы являются кочующими скотоводами... Все они живут в аулах 5—10 юрт... Юрты, покрытые серыми кошмами, везде устроены на один лад... (здесь же автор дает краткое описание казахской юрты. — Х. К.), одежда киргизов, в сущности, также одинакова»¹⁷.

Не ускользает от внимания В. В. Радлова и разделение казахов на три жуза, которые он называет Большая орда, Средняя орда, Малая орда. Каждый из них состоит

¹⁴ *Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1—2. М., Л., 1952.*

¹⁵ См., напр.: *Радлов В. В. К вопросу об уйгурах.*— Записки РАН, Спб., 1893, № 2, т. 22. [Приложение].

¹⁶ *Радлов В. В. Образцы. Ч. 3. Спб., 1870, с. XIV.* (К сожалению, китайский источник, из которого заимствовано данное сведение, Радлов не указывает. — К. Х.).

¹⁷ См. там же, с. XIV, XV.

из целого ряда племен и родов и соответствует определенной части Казахстана.

Потомки прежних ханов, так называемые «торе», по В. В. Радлову, составляют казахское дворянство и везде пользуются привилегиями, но не являются безусловными начальниками родов.

Относительно религии казахов В. В. Радлов замечает, что они уже в течение нескольких столетий исповедуют ислам, при этом он подчеркивает, что, «хотя они издавна приверженцы этой веры, все-таки к ним еще не проникла основная черта мухамеданской цивилизации, т. е. преобладание ученой касты или духовенства, и происходящее от влияния духовенства неестественное стремление к набожности, к святошеству. У большей части народа ислам заключается в одних внешних обрядах... Более подробное знание внутреннего смысла веры мало распространено между ними»¹⁸.

Сравнительно неглубоким проникновением мусульманской религии в различные слои казахского народа В. В. Радлов объясняет относительную чистоту казахской лексики, и хотя определенную часть слов казахского языка он и относит к категории арабо-иранских заимствований, но при этом указывает на то, что в отличие от языков других тюрков-мусульман, где эти заимствования в подавляющем большинстве случаев сохранили свою самостоятельность, в казахском они подчинились его фонетическим законам и, таким образом, сделались подлинным достоянием народа. Именно до определенной степени «чисто тюркский характер» и громадная территория, занимаемая казахами, по личному признанию В. В. Радлова, обусловили то, что он собрал по ним большое количество материала и посвятил образцам казахского фольклора отдельный том «Образцов». «К этому меня побуждало и то, — читаем у В. В. Радлова, — что киргизы отличаются от других своих соплеменников особенной ловкостью в выражениях и замечательным красноречьем»¹⁹.

В связи с тем, что среди исследователей современного казахского языка не существует единого мнения относительно наличия или отсутствия диалектных различий в

¹⁸ См. там же, с. XVI.

¹⁹ Там же, с. XVII.

современном казахском языке²⁰, нам представляется интересным познакомиться с высказываниями В. В. Радлова как одного из первых исследователей казахского языка именно по данному вопросу.

Он пишет: «Значительной разницы в языке различных племен киргизов нет, по крайней мере, я их не заметил в тех частях степи, в которых мне привелось быть, т. е. у Большой и Средней орды, между Омском и Семипалатинском, на Бухтарме в Алтайском округе, на р. Чу и около Ташкента, хотя в словарном отношении киргизский язык несколько обогатился под влиянием русских соседей на севере и сартов на юге»²¹. Сопоставив свои материалы по казахскому языку с материалами, собранными Н. И. Ильминским в западной части Казахстана, В. В. Радлов приходит к выводу, что несмотря на громадную территорию, занимаемую казахами, значительных различий в их языке не наблюдается; следовательно, говорить о каком-либо разделении казахского языка на диалекты, как это наблюдается в узбекском и киргизском языках, он считает необоснованным. Отсюда и образцы казахского фольклора он располагает не по местностям и диалектным различиям, как это делал в двух предыдущих томах «Образцов», а по содержанию.

Как видно уже из названий, приведенных в оглавлении, В. В. Радлов охватывает все жанры казахского устного народного творчества.

Конечно, в связи с задачами, поставленными перед данной работой, мы не имеем возможности углубиться в вопросы фольклористики, и поэтому нас не будут интересовать, например, такие вопросы: какой из вариантов фавулы легенды «Козы-Корпеш и Баян-Слу» был записан В. В. Радловым или же какой из образцов, зарегистрированных им, является уникальным, так как не встречается в других исследованиях по казахскому фольклору ни до,

²⁰ См., напр.: *Аманжолов С. А.* Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Ч. 1. Алма-Ата, 1959; *Мусабаев Г. Г.* Современный казахский язык. 1: Лексика. Алма-Ата, 1959; *Сауранбаев Н. Т.* Диалекты в современном казахском языке.— Вопросы языкознания, 1955, № 5; *Досқараев Ж.* Қазақ тілінің жергілікті ерекшеліктері: (Лексика). II бөлім/Жауапты ред. Г. Мусабаев. Алматы, 1955; *Сарыбаев Ш. Ш.* Қ. Қ. вопросу о диалектном членении казахского языка. -

ни после В. В. Радлова. Однако, сознавая большое значение для современного литературоведения материалов по казахскому фольклору, собранных и изданных Б. В. Радловым, мы не можем не рассмотреть этой стороны научной деятельности ученого, свидетельствующей о широте его научных интересов. Вследствие этого остановимся на тех общих высказываниях В. В. Радлова, в которых он пытается выделить отдельные особенности образцов казахского фольклора.

Все произведения казахского народного творчества В. В. Радлов делит на две группы: 1) народные изречения (кара сөз) и 2) книжные песни (китаби өлен). К народным изречениям он относит «песни и рассказы, передаваемые устно простым народом, и поэтому они представляют собою произведения той части казахского народа, которая менее всего тронута или испорчена мугаметанской цивилизацией»²². К книжным песням он относит те, которые певец не исполняет наизусть, а читает по книге. В оборотах речи этих песен, по Радлову, прослеживается влияние языка мусульманской религиозной литературы.

Эти книжные песни с помощью казахов В. В. Радлов записал, избегая при этом не свойственных для казахского языка грамматических форм и слов, а большинство арабских и персидских заимствований заменил доступными для простого народа формами. Таким образом, эти произведения в обработке В. В. Радлова приобрели более народный характер²³.

О функции и значении народных изречений и книжных песен В. В. Радлов пишет: «Как народные изречения оказываются достоинством и выражением народного духа, а потому очень распространены и в большом почете у народа, так книжные песни являются представительницами ислама, земногимн, но уже твердо укоренившимися в этом народе рассадниками религии, цель которых распространять учение ислама и мало-помалу вытеснять дух народный»²⁴.

Именно определенное соответствие народному духу и отсутствие большого количества иноязычных элементов в

²² См. там же, с. XIX.

²³ Подобная обработка текста песен и легенд, несомненно, объясняется стремлением В. В. Радлова представить перед читателем по возможности более чистый языковой материал, что являлось одной из главных задач, которые ставил перед собой ученый.

²⁴ Образцы, с. XIX.

таких сказаниях, как «Боз Джигит», «Гемра» («Амре»), «Сейпул—Малик», «Сақып—Жамал» и «Шаряр», по утверждению В. В. Радлова, способствовало их широкому распространению среди народа, хотя они тоже содержат в себе моменты, предназначенные для пропаганды основных положений мусульманской религии.

Сопоставляя произведения казахского эпоса с аналогичными произведениями других тюркских народов, исследователь приходит к выводу, что они резко отличаются друг от друга, в частности, богатырские песни казахов отличаются от песен восточных тюркских племен южной Сибири, помещенных во 2-м томе, тем, что в них является лирический оттенок, тогда как в последних преобладает эпический характер²⁵.

Одной из важных характеристик, свойственных произведениям казахского народного творчества, В. В. Радлов считает то, что казахские поговорки, благословения, свадебные, погребальные и состязательные песни, песни шаманов-баксы, маленькие песни и целые сказания передаются в стихотворной форме. В прозе бытовали лишь предания о героях и сказки.

К подлинно народным казахским произведениям В. В. Радлов относит такие обрядовые песни, как жоктау, жар-жар, сынсу, различные жыры и сказки. К заимствованным — такие произведения, как «Зар-Заман», «Заман-акыр», «Боз-Торгай», «Амре», «Джум-Джума» и др. Эти сказания о героях в основном арабского и персидского сюжета характеризуются В. В. Радловым как в значительной степени чуждые казахскому национальному духу, но в то же время популярные в самых различных слоях казахского народа. Определяя значение и влияние религиозных произведений на тюркоязычные народы, в данном случае на казахов, он делает упор лишь на одной стороне этого чрезвычайно сложного процесса, а именно на засорении казахской речи иноязычной, главным образом арабо-персидской, лексикой. Это дало повод некоторым ученым упрекнуть В. В. Радлова в необъективности. Например, по мнению В. Смирнова, В. В. Радлов крайне необъективен в отношении арабско-персидского прогрессивного влияния на восточные тюркоязычные народы, так как не учитывает того длительно-

²⁵ Там же, с. XXI.

го процесса приобщения этих народов к ближневосточной культуре, в частности к замечательным произведениям классической арабской и персидской литературы²⁶.

К тому же, как писал В. В. Бартольд, «благодаря участию в арабской литературе представителей почти всех мусульманских национальностей эта литература, беллетристическая и научная, достигла огромных размеров...»²⁷. Но, как известно, В. В. Радлов проблемой влияния арабско-персидской культуры на тюркские народы специально не занимался, и если в отдельных своих работах, как, например, в предисловии к третьей части «Образцов народной литературы тюркских племен», он говорит, что при всей чуждости теоретических положений учения Мухаммеда для подавляющего большинства казахского народа ислам продолжает оказывать свое разлагающее влияние на основы казахских национальных особенностей, то это вовсе не значит, что он преуменьшает значение арабско-персидского культурного влияния в целом. Говоря о чистоте национального духа, В. В. Радлов прежде всего имеет в виду чистоту казахского языка. Это и понятно, ведь главной целью, которую он преследовал, собирая образцы фольклора тюркоязычных народов, было накопление лексического материала, необходимого для лингвистического исследования тюркских языков. Такая направленность труда В. В. Радлова явилась причиной и того, что в предисловии к третьей части «Образцов» мы находим не содержательные литературоведческие описания произведений казахского фольклора, а лишь самую общую их характеристику.

Более важное значение для современного казахского литературоведения имеют замечания В. В. Радлова по поводу казахского стихосложения.

Так, первоначальным размером стиха у тюрков вообще и у казахов в частности, по утверждению В. В. Радлова, был акростих, появление же, а затем преобладание стихотворных размеров с рифмой на конце объясняется влиянием персидской поэзии.

По ряду основных признаков все произведения казах-

²⁶ Смирнов В. Рец. на: Vergleichende grammatik der Nördlichen Türk Sprachen von Dr. W. Radloff. Ersten Theil. Phonetik der Nördlichen Türk Sprachen. Leipzig, 1882 — Журнал Министерства народного просвещения (далее: ЖМНП), 1884, ч. 236, отд. 2, с. 77—78.

²⁷ Бартольд В. В. Сочинения. М., 1966, т. 6, с. 252.

ского устного народного творчества, бытующие в стихотворной форме, делятся В. В. Радловым на два вида — «олен» и «жыр». «Олен, — пишет он, — состоит из четверостиший, в которых первая, вторая и четвертая строки оканчиваются рифмой. Каждая строка состоит из трех стоп; каждая стопа имеет ударение на первом и последнем слогах. Цезура между стопами всегда должна находиться между двумя словами. Рифма большей частью распространена на три последние слога, но часто ограничивается только созвучием гласных букв... Олен главным образом употребляется при импровизациях. В этом случае у певца наготове множество двустигий с рифмой, которые он употребляет для первого и второго стиха: самую же мысль он выражает в третьей и четвертой строках. Таким образом, ему приходится придумывать только рифму для четвертой строки. Вообще, следует заметить, что и в импровизированных песнях первые две строки нередко ставятся лишь для благозвучия и очень часто не имеют никакой связи с содержанием песни»²⁸.

Кроме того, рассматривая некоторые другие виды казахского «олена», он выделяет случай сокращения или удлинения одной из стоп.

Аллитерацию, акростих и «внутреннюю рифму», определяемые В. В. Радловым как следы очень древних поэтических произведений тюрков, как древнейшие элементы тюркского стихосложения, ученый находит в некоторых песнях, стихотворные размеры которых встречаются в казахских жырах. Наиболее полно и последовательно интересующие нас положения В. В. Радлова рассматривает известный казахский литературовед З. А. Ахметов в книге «Казахское стихосложение», о которой академик В. М. Жирмунский отзывался как о «заслуживающей особого внимания как по своему высокому теоретическому уровню, так и по богатству и новизне конкретной информации и анализу»²⁹.

«Первым исследователем культуры и литературы казахского народа, — пишет З. А. Ахметов, — проявившим интерес к теоретическим вопросам казахского стихосложения, был известный востоковед В. В. Радлов. Наиболее интересно в его рассуждениях о казахском стихосло-

²⁸ Образцы, т. 3, с. XXII—XXIII.

²⁹ Жирмунский В. М. О некоторых проблемах теории тюркского народного стиха. — Тюркологический сборник. 1970. М., 1971, с. 29.

женни утверждение, что казахский стих, как и стих других тюркоязычных народов, отличается закономерным характером внутреннего ритмического строения стихотворных строк»³⁰.

Для понимания сущности высказывания В. В. Радлова о том, что в одиннадцатисложном стихе «каждая стопа имеет ударение на первом и последнем слогах», З. А. Ахметов обращается к тем положениям в «Фонетике северных тюркских наречий», в которых В. В. Радлов рассматривает природу и локализацию словесного ударения в тюркских языках. Это позволяет З. А. Ахметову заметить, что концепция В. В. Радлова о локализации ударения в тюркских языках не противоречит характеру тонизации казахских стихотворных размеров.

Замечание В. В. Радлова о формах строфы в песенно-поэтическом искусстве тюркоязычных народов, по которому четырехстрочная строфа самая распространенная из всех стихотворных форм, «во всех песнях, как импровизационных, так и исторических, она почти исключительно одна применяется», З. А. Ахметов расценивает как вполне справедливое в отношении казахской народной поэзии и песен. Утверждение В. В. Радлова о том, что развитие рифмы в тюркской поэзии связано с влиянием арабско-персидской литературы, З. А. Ахметов считает категоричным. «В казахской поэзии, — пишет З. А. Ахметов, — получили применение отдельные приемы сочетания рифм, характерные для литературы многих восточных народов, например, аааб, известная нам еще по произведениям Абая. Однако едва ли подлежит сомнению, что такие элементы стихосложения были восприняты казахской поэзией на основе творческого изучения поэтами произведений классической литературы народов Средней Азии, широко распространенных в Казахстане. Если же говорить об указанной рифме — аааб, — ее трудно безоговорочно ставить в связь с персидской литературной традицией еще и потому, что она встречается в четверостишных текстах тюркской поэзии, начиная уже со «Словаря» Махмуда Кашгарского»³¹.

Вместе с тем З. А. Ахметов приходит к выводу, что «наблюдения Радлова над казахским стихосложением,

³⁰ Ахметов З. А. Казахское стихосложение. Алма-Ата, 1964, с. 27.

³¹ Там же, с. 291.

сделанные им наряду с общими замечаниями о народно-поэтическом творчестве и явно нуждающиеся в уточнениях, содержат в то же время ценные мысли; ...несмотря на всю условность терминологии, высказывания В. В. Радлова имели большое значение»³².

До 1904 г. В. В. Радловым были изданы десять частей «Образцов народной литературы тюркских племен», но если в начале они в основном состояли из материалов, собранных ученым лично, то впоследствии в них вошли образцы народного фольклора, собранные и переведенные уже другими авторами. Так, в десятую часть «Образцов» вошли материалы, собранные и переведенные В. Мошковым, в восьмую — И. Куношем. Следовательно, мы можем сказать, что В. В. Радлов своими первыми изданиями «Образцов народной литературы тюркских племен» начал, а затем возглавил очень большую и важную серию, необходимую не только для исследователей фольклора тюркоязычных народов, но и для целого ряда поколений языковедов, занимавшихся исследованием тюркских языков. Эта огромная работа была достойно оценена в ученом мире, и в 1868 г. Дерптский университет удостоил В. В. Радлова звания доктора филологии.

В 1884 г., когда вышли в свет лишь четыре части «Образцов», один из современников В. В. Радлова В. Смирнов писал: «За г. Радловым остается та бесспорная заслуга, что он сделал доступными ученому миру эти любопытные памятники. Он не ошибся в ученой важности своего предприятия»³³; «Академик Шифнер тот час же в немецком предисловии к первому тому перевода г. Радлова определил всю цену начатого издания, наметив некоторые, наиболее бросающиеся в глаза пункты в тюркских сказаниях как весьма и весьма пригодные для эксплуатации их научного сравнительного изучения народных верований и преданий. Не успело издание сборника г. Радлова придти к концу, как явилось целое исследование в указанном направлении В. В. Стасова: «Происхождение русских былин», где находим множество ссылок на это издание»³⁴.

Вполне естественно, что при издании такого разнообраз-

³² Там же, с. 27—28; См. также: *Ауззов М. О. Мысли разных лет.* Алма-Ата, 1959, с. 475.

³³ *Смирнов В.* Указ. рец.— ЖМНП, 1884, ч. 236, отд. 2, с. 77.

³⁴ Там же.

разного и громадного по объему материала В. В. Радлов не мог избежать тех или иных неточностей как при регистрации, так и особенно при переводе. Они были замечены еще современниками В. В. Радлова. Так, В. Розен в своей рецензии по поводу пятой части «Образцов народной литературы тюркских племен», в которой материалы по киргизскому фольклору были переведены В. В. Радловым на немецкий язык не прозой, а в стихотворной форме, писал: «Не отрицая в В. В. Радлове некоторого поэтического таланта, мы все же находим, что его перевод не производит желаемого впечатления. Слишком часто замечаются следы усилий, которые делает переводчик, чтобы втиснуть содержание киргизского стиха в рамки немецкого, слишком уж трудно понятны местами эти тяжелые трохеи. Переводчик, столь глубоко проникший во все тайны тюркской речи, невольно заразился духом ее... Хороший, точный, прозаический перевод всегда будет гораздо полезнее во всех отношениях»³⁵. В. Розен также жалеет, что В. В. Радлов во многих случаях, где это необходимо, не приводит «коротеньких примечаний» для лучшего понимания тех или иных особенностей и своеобразий, характерных тюркскому фольклору. Далее он приводит примеры неточного перевода как киргизского текста на немецкий, которые, по словам В. Розена, объясняются увлечением Радлова стихотворной формой, так и немецкого текста на русский (в предисловии).

О неточностях в переводах, но уже в третьей части «Образцов народной литературы тюркских племен», посвященных казахскому народному творчеству, выступил и В. Смирнов³⁶. Он считает, что для успешного чтения и изучения материалов, содержащихся в «Образцах», крайне необходим словарь тюркских языков, во-первых, потому, что современные ему словари (т. е. словари, изданные до конца XIX в.) недостаточно пригодны для этой цели, во-вторых, потому, что не во всех случаях можно опираться на немецкий перевод В. В. Радлова. В частности, рецензент указывает на четверостишие:

Жылама, бикем, жылама,
Көзіңің жасын бұлама.

³⁵ Розен В. Рец. на: Образцы народной литературы тюркских племен.— Записки Вост. отд. Рос. арх. об-ва (далее: ЗВОРАО). Спб., 1886, т. 1, вып. 3, с. 231—232.

³⁶ Смирнов В. Указ. рец., с. 76—106.

Үл боп тусан әуелден,
Сені мүндай кылама...

(Образцы, ч. 3, с. 13), которое В. В. Радлов перевел следующим образом:

Weine nicht, Mädchen, weine nicht,
Vergiesse nicht der Augen Thränen
Wenn du zuerst einen Sohn gebierst,
Tügt man nichts Böses zu...

Возражая против правильности перевода последней строки, в которую В. В. Радлов по неясной причине вставил слово Böses 'зло', В. Смирнов предлагает свой вариант перевода:

Может статься, что ты первенца родишь сына,
Так не делай же себя такою!³⁷

Однако и перевод В. Смирнова не передает адекватного смысла этих двух строк. Более того, перевод В. В. Радлова по сравнению с переводом В. Смирнова значительно ближе к содержанию казахского текста, хотя в свою очередь и не безупречен. Мы предлагаем следующий перевод:

Если б ты родилась мальчиком,
Разве с тобой бы так поступили?

Причиной неточных переводов является слитная запись *кыла ма* по аналогии со словами *жылама* и *булама*, в которых *-ма* — аффикс отрицания, между тем как в случае с *кыла ма* это вопросительная частица и пишется с глаголом раздельно.

Несмотря на некоторые неточности, «Образцы» В. В. Радлова не только в прошлом столетии, но и в наши дни остаются одним из важных источников изучения тюркских языков и фольклора³⁸. В 1959 г. в Висбадене вышел коллективный труд «Philologiae Turcicae Fundamenta» (т. 1), в котором «Образцы» В. В. Радлова использованы для характеристики многих тюркских языков. Сравнительно недавно они были полностью переизданы в ФРГ.

³⁷ Там же, с. 80.

³⁸ Сильченко М. С. В. В. Радлов и изучение тюркского фольклора. — В кн.: Тюркологический сборник. 1971, с. 16—19.

Важную роль играют «Образцы народной литературы тюркских племен» и в изучении младописьменных тюркских языков, не имеющих или же имеющих в совершенно незначительном количестве письменные памятники, способные служить фактическим материалом для лингвистических исследований в диахроническом плане.

С. Кондучалова в своей работе «Материалы по киргизскому языку, собранные В. В. Радловым» подчеркивает, «что сравнение современных фактов с материалами В. В. Радлова, имеющими столетнюю давность, особенно важно для восстановления истории киргизского языка и выяснения путей его развития в период XIX и XX вв.»³⁹. Примером в данном отношении, по утверждению В. Г. Карлова, может служить язык хакасов, белтирский, сагайский, качинский, кызыльский и койбальский диалекты которого во времена В. В. Радлова не испытывали нивелирующего влияния литературного хакасского языка, что наблюдается в настоящее время⁴⁰. «Поэтому, — пишет Е. И. Убрятова, — записи В. В. Радлова фольклорных текстов на языках племен, вошедших в состав хакасского народа, — очень важное свидетельство исторического развития его современных диалектов. Такое же значение имеют записи В. В. Радлова и для других тюркских языков»⁴¹.

В отношении сопоставительного изучения фактов и явлений современного казахского языка с материалами, собранными В. В. Радловым, пожалуй, П. М. Мелиоранский до сих пор остается единственным тюркологом, в широком плане использовавшим материалы третьего тома «Образцов народной литературы тюркских племен» при изучении отдельных особенностей казахского языка⁴².

Возвращаясь к биографии В. В. Радлова, напомним, что в 1870 г. закончился второй пятилетний срок, в течение которого ученому выплачивались ассигнования на

³⁹ Кондучалова С. Материалы по киргизскому языку, собранные В. В. Радловым: Автореф. Дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата; Фрунзе, 1964, с. 3.

⁴⁰ Карлов В. Г. Хакасский язык. — В кн.: Языки народов СССР. Т. 2: Тюркские языки. М., 1966, с. 428, 443.

⁴¹ Убрятова Е. И. Академик В. В. Радлов. — Известия Сиб. отд. АН СССР. Сер. обществ. наук, 1969, № 6, вып. 2, с. 124.

⁴² Мелиоранский П. М. Краткая грамматика казак-киргизского языка. Ч. 1: Фонетика и этимология. Спб., 1894, с. 5.

научные поездки в летнее время. Он по-прежнему совмещал научную работу с преподаванием немецкого и латинского языков в Барнауле.

В 1871 г. материальные затруднения в организации экспедиций вынуждают В. В. Радлова оставить Барнаул и отправиться в Петербург — главный научный центр России для продолжения исследовательской работы. По пути в Петербург он останавливается в Казани у известного ориенталиста, одного из первых исследователей казахского языка⁴³, профессора духовной академии Н. И. Ильминского, занимавшего пост инспектора русских школ для крещеных татар. У Н. И. Ильминского он случайно встречается с попечителем Казанского учебного округа Шестаковым, который предлагает В. В. Радлову возглавить работу по созданию школ для татар-мусульман на их родном языке. Предложение тут же было принято и, приехав в Петербург, В. В. Радлов добивается разрешения на это министра народного просвещения.

Получив официальное разрешение, В. В. Радлов выезжает в крупные города Западной Европы. Здесь он посещает школы, беседует с педагогами, изучает методы преподавания, штудирует учебники и учебные пособия — одним словом, готовится к своей будущей педагогической деятельности. Зимой 1872 г., когда состоялось официальное назначение В. В. Радлова на должность инспектора татарских, башкирских и казахских школ Казанского учебного округа, он переселяется в Казань. Так кончился барнаульский и начался казанский период жизни и научной деятельности уже довольно известного тюрколога — В. В. Радлова.

КАЗАНСКИЙ ПЕРИОД

В Казани с самого начала своей деятельности в качестве инспектора В. В. Радлов сталкивается со следующими трудностями. С одной стороны, царская администрация не оказывала никакого содействия просвещению «инородцев» и даже относилась к этому враждебно. С другой стороны, коренное мусульманское население открыто противодействовало мероприятиям В. В. Радло-

⁴³ См.: *Ильминский Н. И.* Материалы к изучению киргизского наречия. Казань, 1861.

ва, считая, что школы, которые он собирался открывать, будут насаждать христианство. Прекрасно понимая всю сложность обстоятельств, в которые он попал, В. В. Радлов нашел те особые, можно даже сказать, компромиссные формы и методы преподавания, которые должны были способствовать развитию просвещения среди религиозной части населения, составлявшей в прошлом веке у тюркоязычных народов российских колоний подавляющее большинство.

«В этом отношении, — писал современник В. В. Радлова Л. Штернберг, — любопытен прием, употребленный Радловым для привлечения доверия населения к школе. Зная, что причиной недоверия является страх совращения учеников в христианство, он всеми силами старался придать учительской школе строго религиозный характер. Для поступающих был строго установлен экзамен в мусульманском богословии: в самой школе от учеников требовалось строжайшее соблюдение всех обрядностей мусульманства, что, как и рассчитывал Радлов, должно было, наоборот, в силу инстинктивного протеста учеников, привести к результатам обратным, т. е. к отрицательному отношению учеников ко всем внешним обрядностям, как оно и случилось в действительности»⁴⁴.

Большую трудность составляло и то, что специально для мусульманских школ совершенно не были подготовлены ни учебники, ни программы, ни учебные пособия. Северные тюркоязычные народы со времен распространения у них мусульманской религии грамоте учились в медресе. Учеба состояла главным образом в зазубривании религиозных текстов. Для того чтобы системе образования придать более прогрессивное направление, прежде всего необходимо было составить учебники, которые отвечали бы требованиям времени. В связи с этим с 1872 и 1873 гг. в Казани были изданы три учебника для мусульманских школ. Первый из них — «Билик» — состоял из шести разделов: нравоучительные рассказы, притчи, статьи по естествознанию, астрономии, географии и русской истории. В последний раздел были включены тексты о начале русского государства, об Ольге, Олеге, Ярославе, Владимире Мономахе, об основании Москвы, Иване Грозном, Борисе Годунове, Минине и Пожарском,

⁴⁴ Штернберге Л., с. XIX—XX.

Иване Сусанине, а также о Петре I и Екатерине II. Вторая книга — «Хисаблык» — представляла собой курс арифметики, третья — грамматику русского языка.

По утверждению Н. И. Ильминского, из названных книг «одни были составлены самим В. В. Радловым, другие — по его указанию и под его личным руководством»⁴⁵.

О значении этих учебников для татар и других тюркоязычных народов Н. И. Ильминский писал: «Книги... написаны на татарском языке, чисто народном, лишь с незначительной прибавкой некоторых арабских слов, сделавшихся уже общезвестными для всех магометан благодаря широко распространенной в народе магометанской грамотности, и притом с правильной орфографией, а не по местному народному произношению; алфавит в них принят магометанский и арабский. То и другое обстоятельство — и язык, и алфавит — должны открыть этим книгам доступ во все магометанские селения не только ближайших к Казани губерний, но и отдаленных местностей Сибири; им предстоит обширный круг читателей»⁴⁶.

В. В. Радлов прекрасно понимал, что без хорошо подготовленных кадров, особенно из представителей коренного населения, нормальная организация системы просвещения почти невозможна. Поэтому с самого начала он принимается за создание учительской семинарии.

В планы В. В. Радлова входило и открытие школы для татарских девушек. Конечно, намерение В. В. Радлова дать образование восточной женщине в то время было чрезвычайно смелым, даже, можно сказать, дерзким. Во-первых, под влиянием давно сложившихся обычаев и традиций молодые татарки сами отказывались ходить в школу; во-вторых, очень трудно было найти образованную представительницу коренного населения, которая могла бы работать учительницей в женской школе.

Но, когда, наконец, В. В. Радлову удалось найти и учительницу и семь учениц из бедной среды, Министерство неожиданно решило, что «ради семи татарских девиц не стоит тратиться на школу и, таким образом, первый

⁴⁵ Ильминский Н. И. Новые учебные руководства для татар-магометан. — ЖМНП, 1873, ч. 17, с. 370.

⁴⁶ Там же, с. 371.

рассадник женского образования среди татар безвремен-но погиб»⁴⁷.

Несмотря на все трудности и неудачи, дело, начатое В. В. Радловым, постепенно продвигалось вперед: отдельные школы, открытые им, продолжали свое существование, и преподавали в них его же бывшие ученики. Но, естественно, В. В. Радлов не был удовлетворен своим вкладом в дело татарского просвещения: слишком велика была разница между его планами и тем, что ему удалось сделать.

И только по прошествии 12 лет, в день своего пятидесятилетия, из поздравительной телеграммы от учителей русско-татарских школ он понял, что вся его деятельность была не напрасной. Телеграмма гласила: «Русско-мусульманские школы Восточной России, призванные... для просвещения инородцев-мусульман и сближения их с... русским населением... с самого начала их возникновения обязаны устройством и направлением своим Вам, достоуважаемый Василий Васильевич... Направленные Вами на верный путь, эти школы, хотя и претерпевали разные невзгоды, но не заглохли, а продолжали расти, растут и доселе. Мы, учителя русско-татарских училищ, бывшие ученики Ваши и позднейшие питомцы основанных Вами школ, храним в своей памяти самые лучшие воспоминания о Вас, глубокоуважаемый Василий Васильевич!»⁴⁸.

Как видим, В. В. Радлов внес немалый вклад в просвещение татарского народа. В этом отношении его, пожалуй, можно сравнить с известным казахским просветителем Ибраем Алтынсарным, активная деятельность которого также протекала в середине второй половины XIX в.

Организация татарских школ и руководство ими отнимали у В. В. Радлова массу времени, тем не менее первые обобщающие работы по ранее собранному материалу были написаны им именно в этот период. К ним прежде всего относится «Фонетика северных тюркских наречий», состоящая из двух частей — «Гласные» и «Согласные».

Судя по высказыванию ученого в предисловии к первой части «Образцов», он еще не собирався взяться за

⁴⁷ Штернберг Л., с. XXI.

⁴⁸ Живая старина, 1909, вып. 2—3, с. XXXII—XXXIII.

создание грамматики тюркских языков. Изменение планов Радлова, по-видимому, связано со следующим стечением обстоятельств.

В те годы в Казанском университете преподавал выдающийся языковед, инициатор создания лингвистического кружка, на основе которого впоследствии образовалась широко известная казанская лингвистическая школа, профессор И. А. Бодуэн де Куртенэ. В работе этого кружка помимо И. А. Бодуэна де Куртенэ деятельное участие принимали известные ученые-языковеды И. В. Крушевский, В. А. Богородицкий и др. Живя в Казани, часто посещал лингвистический кружок и В. В. Радлов, о чем И. А. Бодуэн де Куртенэ вспоминал: «В лингвистическом обществе, или так называемых „субботних вечерах“, принимали участие не только слушатели устраивавшего эти вечера, не только молодые люди, причастные к университету или же к духовной академии, но также некоторые посторонние лингвисты и филологи.

Одним из самых усердных посетителей и участников этого кружка был тогдашний инспектор татарских училищ, ныне академик Императорской Академии наук в Петербурге, В. В. Радлов»⁴⁹.

Участие в работе лингвистического кружка, знакомство с трудами и теоретическими рассуждениями членов этого кружка, увлечение вопросами общего языкознания, споры по различным вопросам теории языка и побудили В. В. Радлова ускорить лингвистическое обобщение собранного материала.

Как известно, во времена В. В. Радлова многие тюркские языки либо вообще не были изучены, либо были изучены весьма поверхностно. И ученые уже тогда столкнулись с целым рядом крайне сложных вопросов, для решения которых потребовались усилия нескольких поколений ученых. В области фонетики такими вопросами были и отчасти остаются происхождение сингармонизма, природа и локализация ударения в тюркских языках и некоторые другие.

Несмотря на это, приблизительно к концу своего пребывания в Казани В. В. Радлов закончил свой капитальный труд и представил на рассмотрение в Академию наук. В заключении, вынесенном в результате рассмот-

⁴⁹ Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963, т. 3, с. 50.

рения рукописи, указывалось на ряд необходимых в ней исправлений, а также предлагалось перевести ее на русский язык. Последнее особенно затянуло бы ее издание, и книга была выпущена в Лейпциге в 1882 г. на немецком языке ⁵⁰.

Многие современники «Фонетику северных тюркских наречий» В. В. Радлова называли трудом эпохальным. В 1909 г. Л. Штернберг, в частности, писал: «Труд этот, первый и единственный пока в науке опыт статистики и динамики тюркской фонетики, помимо огромности собранного в нем сравнительного материала, столь значительный по глубине и оригинальности анализа в труднейшей области языкознания, именно в психофизиологии фонетики, сейчас же после своего появления вызвал самые сочувственные отзывы таких авторитетов, как Флейшер, Габленц, Техмер, Бодуэн де Куртене и многих др. и сразу поставил его автора в первые ряды европейских лингвистов. Более четверти века прошло со времени появления этой замечательной работы, много шума, споров образовалось вокруг нее, далеко двинулась вперед за это время и сама тюркология, и труд этот, может быть, требует уже много дополнений и изменений, но до настоящего времени он остается единственным в этой области, сохранив свое руководящее научное значение не только для отрасли языков урало-алтайских, но и для общего языкознания» ⁵¹. Н. Ф. Катанов писал, что в своей «Фонетике северных тюркских наречий» В. В. Радлов тонко подметил все главные особенности сойонского диалекта ⁵².

Вскоре после выхода в свет «Фонетики северных тюркских наречий» в «Журнале Министерства народного просвещения» появилась рецензия В. В. Смирнова ⁵³. Автор рецензии подвергает критике один из основных тезисов В. В. Радлова, а именно тезис о наличии вполне закономерной внутренней связи между двумя главными особенностями тюркских языков — гармонией гласных и

⁵⁰ Записки имп. Академии наук по историко-филологическому отделению. Спб., 1880, т. 36, с. 343.

⁵¹ Штернберг Л., с. XXIV.

⁵² Катанов Н. Ф. Опыт исследования урхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903, с. 382.

⁵³ Смирнов В. Рец. на: Phonetic... — ЖМНП, 1884, ч. 236, отд. 2, с. 76—106.

агглютинативным строем этих языков. В данном вопросе В. Смирнов следует за О. Бетлингком, который объяснял происхождение тюркского сингармонизма только физиологическим фактором, другими словами, особым, отличающимся от европейского построением органов речи. На последнего же, несомненно, оказал влияние Г. Штейнталь, который считал, что происхождение сингармонизма в тюркских и монгольских языках обусловлено «духовной леностью» носителей этих языков⁵⁴. Необъективность подобных утверждений опровергли советские тюркологи. Одним из них был Х. Жубанов, по которому в основе отмеченных выводов Г. Штейнталья и О. Бетлингга лежит шовинистический подход к лингвистическим фактам и явлениям⁵⁵.

Правда, В. В. Радлов, используя выводы И. А. Бодуэна де Куртенэ⁵⁶ о происхождении гармонии гласных в тюркских языках, не развил их далее, а только ограничился выделением внутренней закономерной связи явлений гармонии гласных с агглютинативностью, не раскрывая исторического процесса взаимодействия этих двух явлений с ударением в тюркских языках и связанного с этим взаимодействием изменения локализации тюркского ударения. Как бы то ни было, но рассуждения В. В. Радлова о гармонии гласных в тюркских языках стоят гораздо ближе к современным выводам по данному вопросу, чем гипотеза О. Бетлингга и его последователя В. Смирнова⁵⁷.

Далее, в своей рецензии В. Смирнов указывает на значительную диспропорцию материалов, использованных В. В. Радловым, т. е. на то, что в книге, хотя она и называется «Фонетика северных тюркских наречий», в большинстве случаев выделяются и анализируются язы-

⁵⁴ Steintal H. Charakteristic der hauptsachlichsten Typen menschlichen Sprachbaues. Berlin, 1860, S. 180.

⁵⁵ Жубанов Х. Исследования по казахскому языку. Алма-Ата, 1966, с. 133.

⁵⁶ Бодуэн де Куртенэ И. А. Славянский сборник, т. 3, отд. с. 323.

⁵⁷ См., напр.: Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков/Пер. с нем. А. А. Юлдашева. М., 1955, с. 86; Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков, с. 70; Кенесбаев С. К. Фонетика.— В кн.: Современный казахский язык. Алма-Ата, 1962, с. 95—99; Черкасский М. А. Тюркский вокализм сингармонизм: (Опыт историко-типологического исследования). 1965, с. 5, 13.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
АКАДЕМИЯЛЫҚ КІТАПХАНАСЫ

ковые факты уйгуров Илийской долины, язык которых, по классификации В. В. Радлова и других тюркологов, относится к южной группе тюркских языков. С этим замечанием рецензента мы не можем не согласиться, но считаем, что в данном случае такого рода факты не имеют принципиального значения и нельзя загораживать ими положительные стороны работы в целом.

Со времени написания В. В. Радловым «Фонетики северных тюркских наречий» прошло почти сто лет. На помощь общей фонетике несколько десятилетий назад пришла весьма перспективная экспериментальная фонетика. В 1955 году была издана книга профессора тюркской филологии Хельсинкского университета М. Рясянена «Материалы по исторической фонетике тюркских языков», которая, по словам Н. А. Баскакова, явилась «итогом систематизации фактического материала и значительным шагом вперед в подготовке полной исторической фонетики тюркских языков по сравнению с исследованиями и специальными статьями В. В. Радлова, Н. Ф. Катанова, Вильгельма Грёнбека, И. Грюнцеля, Х. Педерсена, В. Томсена, А. Фишера, Г. Рамстедта, Ю. Немета, К. Фоя, В. А. Богородицкого, Г. Шарафа, Е. Д. Поливанова и др.»⁵⁸. В своей книге М. Рясянен довольно часто обращается как к теоретическим рассуждениям, так и к фактическому материалу «Фонетики северных тюркских наречий» В. В. Радлова.

В 1970 г. в нашей стране вышла «Сравнительная фонетика тюркских языков» А. М. Щербака. В этой работе, представляющей собой обобщение большого количества исследований по отдельным тюркским языкам и наблюдений общего характера, можно также встретить ссылки на «Фонетику» В. В. Радлова. Материалы и отдельные теоретические положения, изложенные В. В. Радловым в «Фонетике северных тюркских наречий», приводятся и анализируются многими современными тюркологами при создании курсов фонетики конкретных тюркских языков⁵⁹.

Таким образом, хотя «Фонетика северных тюркских

⁵⁸ Баскаков Н. А. Предисловие.— В кн.: Рясянен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, с. 5.

⁵⁹ См., напр.: Кенесбаев С. К. Фонетика, с. 23—24; Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. 2: Фонетика и морфология. Часть 1. М., 1952, с. 107, 108.

наречий» в наши дни в определенной степени устарела, до сих пор основные наблюдения и выводы В. В. Радлова сохранили свое значение⁶⁰. В истории тюркологии «Фонетика» В. В. Радлова всегда будет определяться как первая попытка, первый значительный шаг в сравнительном изучении тюркских языков в плане фонетики⁶¹.

Если «Фонетика северных тюркских наречий» явилась обобщением лингвистических материалов, собранных В. В. Радловым в течение всего алтайского периода его научной деятельности, то в следующем своем исследовании — «Aus Sibiren», написанном также в Казани, он как бы резюмирует материалы по археологии, истории и этнографии, собранные им во время путешествий по Южной Сибири, Восточному Казахстану, Алтаю и т. д.⁶² В этой книге содержатся описания различных могильников с предметами, найденными им при раскопках, каменных изваяний, образцов петрографии — изображений людей и животных, высеченных человеком на скале, которые, по мнению ученого, можно отнести к бронзовому веку, этнографические наблюдения, соображения В. В. Радлова по вопросам генезиса отдельных тюркоязычных народов. Выводы В. В. Радлова, как правило, вытекают из сопоставительного изучения различных сведений из китайских и арабских источников, с одной стороны, и археологических, этнографических материалов, обнаруженных им лично — с другой. Кроме того, В. В. Радлов часто сопоставляет свои наблюдения с описаниями путешественников, посетивших исследуемые им местности раньше него, например Рубквиста, Мессершмидта, Потанина и др. Небезынтересно, что значительная часть книги В. В. Радлова была составлена из его писем, адресованных жене во время путешествий.

В казанский период В. В. Радловым была написана также работа «О языке куманов», в которой он рассматривает основные вопросы фонетики куманского языка, пользуясь изданием кипчакского памятника «Codex Cumanicus» Г. Кууна. Утверждая, что к созданию этого па-

⁶⁰ Кононов А. Н. В. В. Радлов и отечественная тюркология.— В кн.: Тюркологический сборник. 1971, с. 10.

⁶¹ Тенишев Э. Р. В. В. Радлов — фонетист и грамматист.— Там же, с. 37.

⁶² Ванштейн С. И., Кляшторный С. Г. В. В. Радлов и историко-этнографическое изучение тюркских народов.— Там же, с. 20—31.

мятника причастны и итальянский, и немецкий авторы, Е. В. Радлов анализирует гласные исследуемого текста с учетом возможных искажений, обусловленных особенностями вокализма итальянского и немецкого языков. Это позволяет ему выделить в куманском языке классическую для тюркских языков восьмерку гласных:

гласные заднего ряда — *a, o, ы, y*
гласные переднего ряда — *ä, ö, i, y*⁶³

Далее, иногда ссылаясь на свою «Фонетику», он выделяет некоторые особенности тюркской гармонии гласных и их проявление в куманском языке, в результате чего приходит к следующему выводу: «в отношении гармоний гласных в куманском наречии законы почти тождественны с законами южных наречий, только с той разницей, что в куманском наречии губное родство слабее, чем в южных наречиях, так что оно действует не дальше двух слогов, и очень слабо влияние на узкие гласные в открытых слогах»⁶⁴.

Из долгих гласных в куманском языке В. В. Радлов находит четыре — *ā, ī, j̄, ŷ*, которые, по его мнению, образовались позже и являются результатом слияния двух гласных или гласного с согласным. Следовательно, первичную долготу гласных В. В. Радлов отрицает, что едва ли возможно во всех случаях⁶⁵.

На основе детального изучения состава согласных куманского языка В. В. Радлов приходит к заключению, что этот язык ближе всего стоит к волжским наречиям и в особенности к наречию мишарей⁶⁶. К этому он пришел в результате выделения в куманском языке аффрикаты *ʃs*. Позже В. В. Радлов считал, что особенности куманского языка больше всего сохранились в языке крымских татар и караимов⁶⁷. Как свидетельствует Э. Тенишев, с критикой мишарской теории В. В. Радлова в свое время выступили Р. Е. Корш и В. Банг, при этом последний, анализируя фонетические особенности гласных, выска-

⁶³ Радлов В. В. О языке куманов. — Приложение к X тому «Записок ИАН», 1884, № 4, с. 17.

⁶⁴ См. там же, с. 21.

⁶⁵ Тенишев Э. Р. В. В. Радлов — фонетист и грамматист, с. 36.

⁶⁶ Радлов В. В. О языке куманов, с. 53.

⁶⁷ Radloff W. Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus. — Memoires de L'Acad. imper. de sciences de St. Petersburg, VIIe, ser. XXXV, t. 6. Petersburg, 1887, S. 6.

зал гипотезу о близости языка «Codex Sumanicus» к «современным восточнотюркским (уйгурским. — Э. Т.) диалектам»⁶⁸.

Из работ, опубликованных сравнительно недавно и частично посвященных определению места куманского языка среди современных тюркских языков, можно выделить статьи С. Е. Малова⁶⁹ и Н. Т. Сауранбаева⁷⁰. С. Е. Малов, указывая на палатализацию согласных и гласных: *l'* вм. *l*, *č'* вм. *č*, *ĵ* вм. *j*, *ã* вм. *a*; соответствие *č* ~ *š*, как на черты, свойственные каракалпакскому, печенежскому и половецкому языкам, приходит к убеждению, что языковые данные связывают каракалпакский язык с языком печенегов, половцев или куманов и, позднее, с языком ногаев. Н. Т. Сауранбаев в статье «Некоторые черты древнекипчакского языка», как и С. Е. Малов, выделяя ряд характеристик, общих для кипчакского (куманского, половецкого) и тюркских языков кипчакской группы, тем самым проводит мысль о близости названного памятника к языкам кипчакской группы.

Однако, как видно, и С. Е. Малов, и Н. Т. Сауранбаев в своих выводах основываются только на фонетических особенностях кипчакского языка. Учтя это, Э. Р. Тенишев сопоставил отдельные проявления морфологического строя рассматриваемых языков, наиболее показательные в данном случае средства выражения грамматических связей — формы спряжения и склонения. Результаты сопоставления не противоречили гипотезе С. Е. Малова и Н. Т. Сауранбаева: «По всем линиям спряжения глагола (наклонениям, временам) кипчакский (половецкий и куманский) и печенежский языки в группе современных кипчакских языков стоят ближе к казахскому, каракалпакскому и ногайскому...»⁷¹.

⁶⁸ Тенишев Э. Место кипчакского (половецкого, куманского) и печенежского языков среди современных тюркских языков. — Известия АН КазССР. Серия обществ., 1970, № 5, с. 79.

⁶⁹ Малов С. Е.: Каракалпакский язык и его изучение. — Труды I конференции по изучению производительных сил Каракалпакской АССР. Л., 1934, т. 2, с. 200—207: К истории казахского языка. — Известия АН СССР. ОЛЯ, 1951, № 3, с. 97—101.

⁷⁰ Сауранбаев Н. Т. Некоторые черты древнекипчакского языка. — Вестник АН КазССР, 1948, № 12, с. 11—18.

⁷¹ Тенишев Э. Место кипчакского (половецкого, куманского) и печенежского языков среди современных тюркских языков. — Известия АН КазССР. Сер. обществ., 1970, № 5, с. 81.

Все это свидетельствует об ошибочности мишарской теории В. В. Радлова. Что касается высказываний В. В. Радлова по поводу состава гласных, о гармонии гласных в куманском языке, то их современные тюркологи, специально занимающиеся исследованием куманского языка, как правило, не оспаривают, из чего, по-видимому, можно заключить, что эти стороны звукового состава куманского языка определялись и сопоставлялись В. В. Радловым достаточно верно.

Работа В. В. Радлова «О языке куманов» явилась первым начинанием ученого в исследовании древних письменных памятников тюркоязычных народов. В дальнейшем язык этих памятников станет одним из основных предметов его научных изысканий, им он посвятит большую часть своего петербургского периода жизни и научной деятельности.

В 1884 г. в жизни В. В. Радлова произошло знаменательное событие — он был избран действительным членом Российской Академии наук (в те годы называли «ординарным академиком») по отделению истории и древностей азиатских народов. В том же году В. В. Радлов покидает Казань и, переселившись в Петербург, наконец, получает возможность всецело предаться науке и научно-общественной деятельности.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПЕРИОД

Петербургский период — самый плодотворный период в жизни В. В. Радлова. В эти годы он опубликовал около пятидесяти работ. Ознакомление с ними в той последовательности, в которой они издавались, представляло бы собой нагромождение проблем и названий тюркологических исследований. В связи с этим нам представляется более целесообразным при рассмотрении петербургского периода научной деятельности В. В. Радлова выделить основные тематические направления, позволяющие более ясно представить тот круг вопросов, исследованием которых занимался ученый более трех десятилетий.

Таких направлений можно выделить четыре: 1) работа в области лексикографии, 2) исследования в области грамматики живых тюркских языков, 3) изучение языка памятников письменности, которое, в свою очередь, делится на изучение языка памятников орхоно-енисейской и

уйгурской письменности, 4) научно-общественная деятельность В. В. Радлова. Рассмотрим их в приведенной последовательности.

Напомним, что, собирая образцы фольклора различных тюркоязычных народов, В. В. Радлов постоянно записывал слова и их переводы, во-первых, для осуществления в дальнейшем перевода зарегистрированных текстов, во-вторых, для всестороннего изучения тюркских языков. У него довольно быстро накопился богатый словарный материал по тюркским языкам. Постоянно пополняя и уточняя его сначала в Барнауле, затем в Казани и Петербурге, В. В. Радлов располагает все слова в специально лично им разработанном алфавитном порядке. Академик А. А. Шифнер, которому В. В. Радлов направил часть подготовленной рукописи, наряду с некоторыми замечаниями для издания словаря предложил порядок знаков научной академической транскрипции. «Хотя я и не понял, — пишет по этому поводу В. В. Радлов, — преимущества этого нового порядка перед прежним, однако не пожелал противиться требованиям А. А. Шифнера, будучи ему крайне обязан за огромный труд, которого ему стоило издание и корректура моих «Образцов». К тому же собранные в 1864 по 1867 годы новые слова, внесенные в мой первый словарь, принудили меня без того совершенно переработать его»⁷². Во время второй редакции помимо новых лексических материалов в словарь были внесены материалы, собранные Н. И. Ильминским, списки слов, переданные В. В. Радлову алтайскими миссионерами, и большое количество слов из словаря К. Гиганова⁷³.

В Казани В. В. Радлов изучал волжские языки, а следовательно, и регистрировал новые лексические материалы. Внесение слов из волжских языков, а также из словарей А. А. Троянского⁷⁴, «Алтайской грамматики»⁷⁵, «Джагатайских этюдов» Г. Вамбери, «Сравнительного словаря» Л. Будагова⁷⁶ и «Турецко-арабско-персидского

⁷² Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. М., 1893, т. 1, кн. 1, с. 3.

⁷³ Гиганов К. Словарь российско-татарский. Спб., 1804.

⁷⁴ Троянский А. А. Словарь российско-татарский. Спб., 1804.

⁷⁵ Грамматика алтайского языка. Казань, 1869.

⁷⁶ Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Спб., 1869.

словаря» Ценкера потребовали от В. В. Радлова третьей редакции словаря. Поэтому первый том «Опыт словаря тюркских наречий» был издан только в 1888 г. По поводу названия словаря В. В. Радлов писал: «Само заглавие уже доказывает, что мой словарь не имеет претензии на полноту, он заключает лишь все то, что я сам встретил и почерпнул из трудов моих предшественников»⁷⁷. Последний, четвертый, том словаря вышел в 1911 г.

Еще в рецензии на «Фонетику северных тюркских наречий» В. В. Радлова В. Смирнов писал: «Так мы и ждали, что за изданием текстов последует издание словаря. Это ожидание наше было тем нетерпеливее, чем более ощущалась и ощущается потребность в таком словаре. С грамматической конструкцией весьма несложных фраз на том или другом тюркском наречии еще можно справиться... когда же в тексте встретится неизвестное слово, то значения его не выдумаешь. Существующие же словари — при грамматике алтайского языка, Гиганова, Троянского, Будагова, Паве де Курттейля, Остроумова и, пожалуй, еще Старчевского, в которых можно отыскать кое-что по лексикологии некоторых тюркских наречий, вообще мало помогают делу»⁷⁸.

По выходе первых трех томов словаря высокую оценку ему дал современник В. В. Радлова, известный тюрколог Н. Ф. Катанов⁷⁹. Многие другие современники увидели в авторе словаря лучшего знатока тюркских языков. Так, А. Н. Самойлович писал: «Словарь этот не претендует на полноту: в нем представлены не все турецкие наречия и не все письменные знаки, представленные же не использованы исчерпывающим образом, но несмотря на это, словарь является драгоценнейшим, необходимейшим пособием не только для каждого тюрколога, но и для представителей иных отраслей востоковедения»⁸⁰.

В настоящее время, когда советскими тюркологами создана целая серия национальных словарей, издаются

⁷⁷ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Спб., 1888, т. 1, с. IV—V.

⁷⁸ Смирнов В. Рец. на: Phonetic...— ЖМНП, 1884, ч. 236, отд. 2, с. 78.

⁷⁹ См.: Катанов Н. Ф. Рец. на: Опыт словаря тюркских наречий/ В. В. Радлов. — Известия Сиб. отд. ИРГО, б. г., т. 13, с. 83—86.

⁸⁰ Самойлович А. Н. В. В. Радлов как тюрколог.— Труды Троицко-Кавказско-Кяхтинское отд. Приамурского отдела ИРГО, Спб., 1914, т. 15, вып. 1, с. 31.

такие словари, как толковые, терминологические, этимологические, диалектные и другие, естественно, лексический материал, собранный В. В. Радловым по отдельным тюркским языкам, уже не удовлетворяет языковедов.

Современные словари полнее охватывают лексику того или иного тюркского языка и более совершенны с точки зрения современной лексикографии. Вместе с тем едва ли можно отрицать тот факт, что большинство современных национальных словарей составлялось с учетом опыта словаря В. В. Радлова⁸¹.

Однако использование словаря В. В. Радлова возможно не только при составлении новых словарей по отдельным тюркским языкам. Слова, зафиксированные столетиями назад, представляют собой ценный материал для изучения особенностей развития тюркской лексики, которая, конечно же, претерпела большие изменения. Следовательно, в наши дни «Опыт словаря тюркских наречий» играет роль исторического словаря. Пример такого его использования являет собой работа С. Кондучаловой «Материалы по киргизскому языку, собранные В. В. Радловым», где автор, сопоставляя лексику современного киргизского языка с материалами из словаря В. В. Радлова, прослеживает те изменения в киргизской лексике, которые имели место в этом языке с середины второй половины XIX в.⁸²

Для некоторых тюркских языков, например хакасского и других языков Сибири, словарь В. В. Радлова может выполнять роль диалектного, так как четко выраженные в середине XIX в. его диалекты в настоящее время нивелируются под влиянием одного из диалектов, в данном случае хакасского⁸³. Особенно необходим словарь В. В. Радлова при этимологических изысканиях тюркских языков, при дешифровке древних тюркоязычных памятников письменности, чтении древних рукописей, в которых встречаются тюркские заимствования.

Такая значимость словаря обусловила его переиздание в 1963 г. в нашей стране. В самом начале фотомеха-

⁸¹ Юлдашев А. А. Принципы составления тюрко-русских словарей. М., 1972, с. 19, 52—53.

⁸² Кондучалова С. Материалы по киргизскому языку, собранные В. В. Радловым: Автореф. Дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата; Фрунзе, 1964, с. 10—15.

⁸³ Карпов В. Г. Хакасский язык.— В кн.: Языки народов СССР. Т. 2: Языки тюркские. М., 1966, с. 428, 443.

нического переиздания первого тома читаем: «„Опыт словаря тюркских наречий“ — итог полувековой работы выдающегося ученого, основателя отечественной школы тюркологии академика Василия Васильевича Радлова (1837—1918) — пользуется всеобщим признанием как единственное в своем роде богатейшее собрание лексики и фразеологии многочисленных живых и древних тюркских языков. Для своего времени труд В. В. Радлова был высшим достижением тюркской лексикографии как по обширности лексического материала, так и по строгой научности его систематизации и подачи в словаре. За десятилетия, истекшие после выхода в свет словаря, ценность его не стала менее значительной, несмотря на создание целой серии национальных словарей различных тюркских языков. Словарь В. В. Радлова до сих пор является единственным тюркоязычным словарем сравнительного типа, а материал по многим тюркским языкам и диалектам подчас можно найти только в этом словаре»⁸⁴.

Помимо «Фонетики северных тюркских наречий» к работам в области тюркской грамматики, обобщающим материалы по живым тюркским языкам, собранным В. В. Радловым еще в барнаульский и казанский периоды, можно отнести его статью «Ein Leitende gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen» («Вводные мысли об установлении морфологии тюркских языков»). В этой работе В. В. Радлов рассматривает одно из главных свойств тюркских языков — агглютинацию, и ее проявление в процессе слово- и формообразования, а также происхождение тех или иных морфологических элементов. Для осуществления более глубокого анализа морфологических особенностей тюркских языков он пытается определить место агглютинативных языков в ряду других, отличающихся друг от друга в типологическом отношении. Основные положения В. В. Радлова о различных свойствах агглютинации как способа образования слов и форм в тюркских языках, о взаимоотношении отдельных морфологических единиц, соединенных в результате агглютинации в единое целое, в современной тюркологии не претерпели принципиальных изменений и ис-

⁸⁴ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, т. 1, кн. 1. Фотомеханическое переиздание. М., 1963, От издательства.

пользуются современными тюркологами⁸⁵. Что же касается общелингвистических концепций В. В. Радлова, то именно они в свое время вызвали весьма резкую критику со стороны И. А. Бодуэна де Куртенэ.

Так, при объяснении исторической последовательности процесса возникновения отдельных морфологических типов языка В. В. Радлов, следуя за А. Поттом и Г. Штейнталем, считает, что агглютинативному предшествовал аналитический строй языка, или, по выражению автора, «изолирующие языки», «изолирующая языковая техника», который же затем развился во флективный тип. Следовательно, В. В. Радлов, располагая все три типа на трех различных ступенях схемы, созданной специально для отражения отдельных этапов развития структуры человеческого языка, тем самым пытается раскрыть эволюцию морфологических типов языка от «низшего» к «высшему»⁸⁶.

Против подобной морфологической классификации языков в свое время выступил И. А. Бодуэн де Куртенэ, который, в частности, писал: «Новейшая наука о жизни во всех ее (этой жизни) проявлениях основывается на понятии эволюции и постепенных изменений. Ходячие взгляды на морфологическую классификацию языков проистекают как будто из того же основного понятия. Но здесь-то именно этот своеобразный эволюционизм оказывается как раз-то не у места и является просто учебным предрассудком. С одной стороны, настоящая эволюционная теория допускает не только прогрессивное движение по направлению ко всем более совершенным формам, но также движение регрессивное, от форм более совершенных к формам менее совершенным, ходячая же лингвистическая теория о постепенности развития языковых форм видит перед собою только совершенствование, т. е. переход от самой несовершенной „изоляции“ через более совершенную „агглютинацию“ к самой совер-

⁸⁵ См., напр.: *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка. М., Л., 1948, с. 48; *Боровков А. К.* Агглютинация и флексия в тюркских языках.— В кн.: Памяти академика Льва Владимировича Щербы (Сборник статей). М., 1955, с. 118.

⁸⁶ *Radloff W.* Einleitende gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türk Sprachen.— Записки ИАН, 1906, VIII серия, т. VII, № 7, с. 3 и далее.

шенной „флексии“»⁸⁷. Чтобы убедить в ошибочности, предвзятости морфологической классификации языков В. В. Радлова и других языковедов, И. А. Бодуэн де Куртенэ предлагает сравнить морфологический строй некоторых индоевропейских языков на различных этапах их исторического развития, например древнеиндийского (в особенности ведаического), древнеперсидского, древнегреческого, древнелатинского, готского, литовского, древнеславянского, с морфологическим строем новиндийских, новоперсидского, новогреческого, романских и английского. Последний, как известно, в исторически обозримое время (IX—XI вв.) в типологическом отношении претерпел довольно существенные изменения, а именно из флективного развился в аналитический⁸⁸.

Для доказательства превосходства флективных языков над агглютинативными, а последних над аналитическими В. В. Радлов сопоставляет эволюцию «человеческой языковой техники» с развитием языка детей. «Обращаясь теперь к агглютинирующим языкам, — пишет он. — можно заметить, что в них синтетический способ языкообразования развился в преобладающий вид языковой техники — тот самый способ, который мы наблюдали во втором периоде языкового развития наших детей»⁸⁹. Отрицая объективность подобных доводов, И. А. Бодуэн де Куртенэ указывает на то, что, «во-первых, слагаемость из отдельных элементов свойственна „агглютинирующим“ языкам постольку же, поскольку и так называемым „флексионным“, во-вторых, во втором периоде языковой деятельности детей» замечается самобытное «творчество», состоящее в образовании новых сочетаний из прежнего личного, индивидуального материала, тогда как в исторически сложившихся племенных и национальных языках все типы форм готовы и только воспроизводятся каждым из участников языкового общения в отдельности, хотя иногда с некоторыми видоизменениями. Наконец, языковое творчество детей при переходе от периода обособленных, не связанных произносительно-слуховых комплексов к периоду слагаемости ограничивается исключительно удвоением или реду-

⁸⁷ Бодуэн де Куртенэ И. А. Заметки на полях сочинения В. В. Радлова. — Живая старина, 1909, вып. 2—3, с. 197.

⁸⁸ Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., 1959.

⁸⁹ Radloff W. Einleitende gedanken..., S. 17.

пликацией: «в агглютинирующих же языках слова состоят из разнообразных морфем»⁹⁰.

Подвергнув критике вышеприведенные положения В. В. Радлова, И. А. Бодуэн де Куртенэ утверждает, что лингвист должен стремиться к определению основных свойств морфологического построения языков, сравнительное изучение которых может дать гораздо больше, чем различные классификации «а ргіогі». Необходимость подобной направленности в лингвистических изысканиях обуславливается еще и тем, что еще недостаточно четко раскрыты моменты сходства и различия отдельных морфологических типов. По этому поводу И. А. Бодуэн де Куртенэ замечает: «Все то, что говорится о различии так называемой „флексии“ и так называемой „агглютинации“, до такой степени неясно, неопределенно, запутанно, что навряд ли найдется человек, решающийся дать вполне сознательно точное определение того и другого морфологического типа»⁹¹.

В дальнейшем, по свидетельству А. К. Боровкова⁹², известный басковед Уленбе предложил совершенно отказаться от деления языков на агглютинативные и флективные. Сам же А. К. Боровков, анализируя различные случаи проявления агглютинации и флексии в тюркских языках, находит ряд особенностей, общих для этих двух морфологических типов. Так, он считает, что «флексия в тюркских языках не противостоит аффиксации. Изменение основ и окончаний, не образуя принципиально новых форм словообразования и словоизменения, обогащает виды словообразования, спряжения и склонения, ведет к утрате «прочности» составных частей слова, что характерно для языков флективных»⁹³.

Рассматривая различные по строю языки в плане возможности применения к ним тех или иных общих законов развития, В. А. Звегинцев утверждает, что «судить о большей или меньшей развитости языков по относительно ограниченным периодам их развития было бы нелогично и неоправданно, а для сравнительной оценки при-

⁹⁰ Бодуэн де Куртенэ И. А. Заметки на полях сочинения В. В. Радлова. — Живая старина, 1909, вып. 2—3, с. 193.

⁹¹ Там же, с. 199.

⁹² Боровков А. К. Агглютинация и флексия в тюркских языках. — В кн.: Памяти академика Льва Владимировича Щербы. Л., 1951, с. 123.

⁹³ Там же, с. 125.

менительно к „итоговому“ их состоянию на современной стадии развития наука о языке не располагает никакими критериями. Такие критерии, видимо, и невозможны, так как разные языки в соответствии со своими частными законами развиваются особыми путями, процессы их развития принимают различные формы и поэтому, по сути говоря, в данном случае выступают несопоставимые явления»⁹⁴.

Мы подробно остановились на критике абстрактного эволюционизма Г. Штейнталя, А. Потта и В. В. Радлова при разработке морфологической классификации языков лишь потому, что в сравнительно недавнем прошлом эти ошибочные положения повторились в стадиальной классификации языков Н. Я. Марра, который утверждал, что «...флексия и агглютинация, как и аморфносинтетическое состояние — три хронологически последовательные трансформации, причем среди них флективная трансформация представляет наиболее развитый тип человеческой речи»⁹⁵.

По-видимому, именно под влиянием этой теории некоторые тюркологи стали характеризовать современный период в развитии тюркских языков как переходный из агглютинативной стадии во флективную⁹⁶. Впоследствии (в 50-х гг.) необоснованность подобных заявлений стала очевидной⁹⁷.

В петербургский период В. В. Радловым были изданы также работы по грамматике тюркских языков: «К истории тюркской системы гласных»⁹⁸ и «Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам»⁹⁹. В первой из них В. В. Радлов более детально обосновывает ранее высказанные в «Фонетике северных тюркских наречий»

⁹⁴ Звегинцев В. А. Очерки по общему языкознанию. М.: Изд. МГУ, 1962, с. 168.

⁹⁵ Марр Н. Я. Об яфетической теории.— Избранные работы. М.; Л., 1935, т. 3, с. 10.

⁹⁶ Поцелуевский А. Г. Фонетика туркменского языка. Ашхабад, 1935, с. 41; Аманжолов С. Элементы флективности в казахском языке.— Труды/Казахский институт национальной культуры. 2. Алма-Ата, 1935, с. 29.

⁹⁷ См., напр.: Боровков А. К. Агглютинация и флексия в тюркских языках, с. 124.

⁹⁸ Radloff W. Zur geschichte des Türkischen Vocalsystems.— Известия ИАН, 1901, т. XIV, вып. 4.

⁹⁹ Radloff W. Die jakutische sprache in ihrem verhältnisse zu den Türkisprachen. Spb., 1908.

положения о классической восьмичленной системе тюркского вокализма и ее основных особенностях. Здесь же он изложил свои соображения о так называемой вторичности долгих гласных в отдельных тюркских языках. Основные выводы этого исследования используются и в современной тюркологической литературе¹⁰⁰.

В работе, посвященной якутскому языку, В. В. Радлов пытается определить его происхождение. Он анализирует особенности лексического состава, фонетики и морфологии якутского языка. В результате В. В. Радлов выявил смешанный характер якутского языка, т. е. показал, что в историческом развитии этого языка немало важную роль сыграли монгольские и тюркские языки Сибири. Лингвистические факты монгольского и тюркского влияния на якутский язык В. В. Радлов дополняет преданиями самих якутов и историческими сведениями о древних народах из известной книги Рашид-ад-дина. Особый интерес представляет фонетическая часть работы, в которой В. В. Радлов на фоне развития общетюркской фонетической системы показал смещения отдельных ее элементов в якутском языке.

Эта работа В. В. Радлова не осталась без внимания историков Якутии и Сибири¹⁰¹. Что же касается проблемы происхождения якутского языка, то она до настоящего времени остается нерешенной, и поэтому делать какие-либо выводы относительно точки зрения В. В. Радлова по этому вопросу, по-видимому, преждевременно. Как бы то ни было, ясно одно, что работой «Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам» В. В. Радлов внес посильный для своего времени вклад в дело изучения истории и грамматики якутского языка.

В петербургский период В. В. Радловым написаны также исследования по памятникам древнетюркской письменности.

Хотя первое сообщение о рунических надписях на Енисее относится к концу XVII в., их широкое изучение началось после того, как в 1889 г. 19 июля действительный член Восточно-Сибирского отделения Русского гео-

¹⁰⁰ См., напр.: *Кенесбаев С. К.* Фонетика. — В кн.: *Қазіргі қазақ тілі*. Алматы, 1954, 115 бет.

¹⁰¹ *Токарев С. А.* Общественный строй якутов XVII—XVIII вв. Якутск, 1945; *Окладников А. П.* Якутия до присоединения к русскому государству. — В кн.: *История Якутской АССР*. М., 1963, т. I, с. 278.

графического общества Н. М. Ядринцев на территории Монголии в долине р. Орхон обнаружил большие надгробные каменные плиты с нанесенными на их поверхности таинственными письменами¹⁰². Один сравнительно небольших размеров камень с надписями Н. М. Ядринцеву удалось вывезти, а с остальных надписи были тщательно скопированы. Литографические копии текстов, как сообщает Н. М. Ядринцев, были переданы многим ученым, среди которых он называет таких востоковедов, как Кардые, Санар, Давериа и другие, приступившим к дешифровке и обещавшим затем изложить свои соображения и догадки.

Находки Н. М. Ядринцева заинтересовали и ориенталистов Финляндии, и в 1890 г. по следам русского ученого в Монголию отправилась финская археологическая экспедиция, после которой в 1891 г. от Российской академии наук на Орхон была направлена экспедиция во главе с академиком В. В. Радловым. Им предварительно был разработан новый способ приготовления эстампажей надписей на камнях¹⁰³, необходимость которого для него стала очевидной после того, как он попытался прочесть надпись на камне, привезенном в Петербург Н. М. Ядринцевым.

В экспедиции помимо В. В. Радлова участвовали Н. М. Ядринцев, топограф И. И. Шеголев, Д. А. Клеменц, С. М. Дудин, И. П. Левин, сын В. В. Радлова и др. Отправным пунктом была Урга, откуда 27 июня 1891 г. они и вышли. Перед Н. М. Ядринцевым стояла особая задача — исследовать глубинные районы Монголии до пустыни Гоби, поэтому он вместе с натуралистом И. П. Левиным в самом начале экспедиции отделился от основного отряда и пошел по отдельному маршруту. В. В. Радлов с остальными членами экспедиции направился к главной цели путешествия — к памятникам на берегу р. Орхон. По пути к Кошо-Цайдамским памятникам члены экспедиции занимались подробным описанием географических особенностей региона, описанием флоры и фауны, реги-

¹⁰² Ядрицев Н. М. Отчет экспедиции на Орхон, совершенной в 1889 г. действительным членом Восточно-Сиб. отд. Импер. геогр. общества Н. М. Ядринцевым. Приложение V в «Предварительном отчете» В. В. Радлова. Спб., 1892, с. 51—107.

¹⁰³ Радлов В. В. О новом способе приготовления эстампажей с надписей на камнях. — ЗВРАО, 1893, т. 7, с. 169—181.

страшней климатических условий, составлением топографических карт местностей и, конечно же, исследованием археологических памятников — монастырей, могильников и развалин неизвестного происхождения. Добравшись до берегов Орхона и найдя нужные памятники, В. В. Радлов принялся за их детальное обследование. С. М. Дудину и своему сыну он поручил фотографирование и составление плана расположения памятника, а также зарисовку общего вида местности. Сам же выполнял наиболее трудную, самую ответственную часть работы — снятие эстампажей надписей с каменных плит, измерение памятника и его детальное описание. Не трудно представить, насколько сложной была эта работа, если учесть, что надписи были довольно больших размеров; а многие из них плохой сохранности.

Вот небольшой отрывок из описаний Кошо-Цайдамского памятника, взятый нами из «Предварительного отчета...» В. В. Радлова:

«Плита у могилы Кюй-Тегина сохранилась вполне. Она украшена сверху драконами; на одной стороне надпись китайская, под которой на заглавном щите написано: «Памятник умершего Кюй-Тегина». На другой стороне рунообразная надпись в 40 вертикальных строк, а на заглавном щите высечен знак, как видно тамга Тукюэских ханов, большого размера. Этот же знак находится и на груди у одной каменной бабы и у предстоящего камня. Боковые стороны плиты также сверху донизу исписаны тесными строками рунообразных надписей. Плита другого могильника разбита на три части: на одной стороне ее — китайская надпись, сильно поврежденная, так что возможно читать только незначительную часть ее. На заглавном щите этой стороны тесно описано заглавие рунообразными знаками. На щите обратной стороны находится тот же знак, что и на первом памятнике, а остальная плоскость, равно как боковые стороны, покрыта строчками рунообразных надписей, почти также прекрасно сохранившимися, как на первом могильнике»¹⁰⁴.

Результаты экспедиции были опубликованы В. В. Радловым в 1892 г. сначала в виде предварительно-

¹⁰⁴ Радлов В. В. Предварительный отчет о результатах снаряженной с высочайшего соизволения Императорской Академии наук экспедиции для археологического исследования бассейна р. Орхона В. В. Радлова. Спб., 1892, с. 8.

го отчета, в который помимо его личных наблюдений вошли и дневники других членов экспедиции — Н. М. Ядринцева, Д. А. Клеменца и других, а затем в виде большого атласа с фотографиями неизвестных надписей, планами развалин, подробными описаниями памятника и географическими картами ¹⁰⁵.

Таким образом, материалы экспедиции В. В. Радлова и опубликованные в том же году результаты финской экспедиции дали возможность ученым всего мира попытаться дешифровать таинственные надписи, по форме напоминающие европейские руны.

Как известно, дешифровка одноязычного текста, переданного неизвестными письменными знаками, — дело колоссальной трудности, и шансов на успех в подобном случае исследователь не имеет почти никаких. Другое дело двуязычные памятники, в которых один из языков науке известен, и известно письмо, применявшееся носителями этого языка. Вспомним в этом отношении опыт дешифровки древнеегипетских иероглифов Шампольоном или же расшифровку письма хеттов чешским ученым Бернджином Грозным ¹⁰⁶.

Памятники с берегов Орхона были двуязычными, что, естественно, до определенной степени облегчало работу над ними.

За дешифровку таинственных надписей со всей свойственной ему энергией и кропотливостью принялся и В. В. Радлов. Из большого числа неизвестных алфавитных знаков ему удалось определить уже немногим более десятка, когда стало известно, что датский ученый Томсен завершил дешифровку алфавита орхонской письменности. Впоследствии об этом замечательном открытии датского профессора С. Е. Малов писал: «Если до В. Томсена ученые пытались читать эти неизвестные надписи с берегов Енисея и Орхона при помощи существующих и существовавших им известных алфавитных знаков, то профессор В. Томсен пошел совсем по другому пути. В. Томсен как бы отстранил от себя все алфавиты. Он пытался самым детальным образом сначала изучить со-

¹⁰⁵ Радлов В. В. Труды орхонской экспедиции: Атлас древностей Монголии (вып. 1). СПб., 1892.

¹⁰⁶ Истрия В. А. Возникновение и развитие письма. М., 1965, с. 210, 211, 273.

отношения одних букв с другими. Для В. Томсена при этом выяснилось, что некоторые буквы могут быть в близком соседстве с рядом других букв, другие же нет. Это привело В. Томсена к мысли о делении букв на два класса по числу звуков переднего и заднего ряда. А все это вело к строю тюркских языков. Углубляя свое изучение неизвестных букв, В. Томсену удалось выделить из больших «орхонских» надписей слова тюрк, тенгри и другие, — и, наконец, 26 ноября 1893 г. ему удалось уже найти полный ключ ко всему алфавиту...»¹⁰⁷.

В. В. Радлов, по-видимому, был одним из первых, кому В. Томсен лично сообщил об успешных результатах своих исследований. Так, уже в декабре 1893 г. В. В. Радлов получает от В. Томсена письмо, в котором сообщалось о разгадке орхонских надписей. Сожалея, что не является, как В. В. Радлов, специалистом в области тюркских языков, В. Томсен обещал сразу же после издания статьи направить один экземпляр В. В. Радлову и попросил его проверить дешифровку¹⁰⁸. «Когда он услышал, — писал В. В. Радлов о своих научных контактах с В. Томсеном, — что я занимаюсь изданием текста надписей, то он решился просить меня отложить издание до тех пор, пока я не получу его алфавит, и ему очень хотелось бы, чтобы я прислал ему оттиски напечатанного мною текста. Я тот час же послал г-ну профессору Томсену необходимые ему оттиски, а также подробное письмо, в котором сообщил ему о результатах моего собственного исследования в этой области. За несколько дней до появления его «*Notice préliminaire*» профессор Томсен прислал мне в письме свой алфавит, и вскоре я убедился, что загадка рунических писем действительно разрешена. Так как я сам разгадал таким же образом уже ряд букв (я думаю их было 11), я не пошел дальше... Когда «*Notice préliminaire*» профессора Томсена появилась в печати, я не счел необходимым упоминать где-либо о достигнутых мной самим результатах, я только лишь констатировал факт, что проницательному уму профессора Томсена удалось полностью разгадать тайну загадочных руниче-

¹⁰⁷ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности, с. 12.

¹⁰⁸ Radloff W. Die Alttürkischen Inschriften de Mongolei. Verbesserungen, Zusätze und Bemerkungen zu den Denkmälern von Koscho-Zaidam. St. Petersburg, 1895, S. 176.

ских писем Монголии и что я сейчас в состоянии сделать попытку толкования»¹⁰⁹.

Таким образом, получив ключ к чтению надписей, В. В. Радлов принимается за их перевод. По свидетельству современника, ориенталиста А. Н. Самойловича, первый пробный перевод памятника Кюль-Тегину В. В. Радлов издал «через какой-нибудь месяц после опубликования датским лингвистом Вильгельмом Томсеном его гениальной дешифровки орхоно-енисейского алфавита»¹¹⁰.

По поводу своих предварительных заметок о памятнике Кюль-Тегину, изданных всего в количестве 50 экземпляров, один из которых автор сразу же послал В. Томсену, В. В. Радлов писал: «Я убежден, что эта публикация, несмотря на множество недостатков, присущих ей, немало использовалась г-ном Томсеном в его работе и что появление его труда, несомненно, было бы надолго отсрочено, и последний (труд)¹¹¹ имел бы совершенно иной вид, если бы не появление моего поспешного предварительного перевода. Точно так же я откровенно признаюсь, что последняя публикация профессора Томсена принесла мне большую пользу в моей теперешней новой разработке надписей»¹¹².

В 1894 г. В. В. Радлов издает перевод памятника в честь тюркского кагана Могильяна и его брата Кюль-Тегина¹¹³. «При разработке второго памятника и глоссария, — писал В. В. Радлов об этом труде, — я внес, конечно, многие изменения, вследствие чего я колебался с окончательным изданием текста до начала марта, когда я, наконец, опубликовал обе надписи Кошо-Цайдама в одном труде. Ввиду того, что многими было высказано желание поторопиться с изданием глоссария, так как отсутствие этого вспомогательного материала создавало

¹⁰⁹ Там же, с. 176—177.

¹¹⁰ Самойлович А. Н. В. В. Радлов как тюрколог. — Труды/Троицко-Косавско-Кяхтинское отд. Приамурского отдела РГО, 1912, XV, вып. 1, с. 30.

¹¹¹ Имеется в виду третий выпуск «Древнетюркских надписей Монголии» (1895) В. В. Радлова. — Х. К.

¹¹² Radloff W. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Spb., 1895, S. 177.

¹¹³ Radloff W. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. 1. Das Denkmal, zu Ehren des prinzen Kül-Tegin. Spb., 1894.

большие трудности в использовании и разработке текста, я вынужден был последовать этому желанию, хотя был твердо убежден, что еще необходима многократная разработка текста»¹¹⁴.

При написании третьего издания «Древнетюркских надписей Монголии» В. В. Радлову большую помощь оказали П. М. Мелиоранский и В. В. Бартольд, о чем он писал: «Осуществляя свою последнюю разработку, результатом которой стали приведенные в этой книге исправления и добавления, я имел счастье работать с такими молодыми учеными, как г-н Платон Мелиоранский, приват-доцент Петербургского университета и г-н магистрант Бартольд, первый из которых является великолепным знатоком тюркских языков, а второй основательно занимался историей Средней Азии. Сравнивая в совместной работе тексты и отыскивая знаки, если нам попадалось трудное слово, мы прибегали к совместным обсуждениям, которые очень часто давали мне уверенность, что многие мои гипотезы покоятся пока на слабой почве. Многое, однако, прояснилось, и я благодарен доброму интересу к моему делу и искренней помощи, которая была мне оказана»¹¹⁵.

В течение последующих пяти лет В. В. Радлов издает еще три выпуска «Древнетюркских надписей Монголии», посвященных енисейским руническим памятникам, огузскому памятнику в честь Ильтерес-кагана и его жены Ильбиге-катуи, открытому Н. М. Ядринцевым, и памятнику в честь Тоньюкука, который был найден в 1897 г. Д. А. и Е. М. Клеменцами. Наряду с переводами в последних трех выпусках «Древнетюркских надписей Монголии» В. В. Радлов приводит дополнения, исправления к предыдущим изданиям, а также дает анализ грамматических особенностей языка исследуемых памятников и хронологические и именные указания и, наконец, глоссарии¹¹⁶. По мнению В. Г. Кондратьева, из всех изданий «Древнетюркских надписей Монголии» особо следует отметить труд В. В. Радлова «Neue Folge». В нем подробно

¹¹⁴ Radloff W. Die Altürkischen Inschriften der Mongolei. Spb., 1895, S. 176—177.

¹¹⁵ Там же, с. 178.

¹¹⁶ Radloff W. Die Altürkischen Inschriften der Mongolei. Spb., 1895; Neue Folge, 1897; Zweite Folge, 1899.

рассматривается морфология памятников Кюль-Тегину и Бильге-Хану и Онгинского памятника»¹¹⁷.

Кроме вышеназванных памятников древнетюркской письменности В. В. Радлов занимался изучением и более мелких памятников этого же письма. Так, в 1899 г. он переводит эпитафийную запись на камне, обнаруженном Б. В. Каллауром в урочище Айрам-ой, Кенкольской волости Аулие-Атинского уезда (ныне Джамбулская обл.). Разобрав эту надпись и составив ее перевод, В. В. Радлов заключает: «Надпись эта представляет собой интерес потому, что этот шрифт был в употреблении и у тюркских племен Средней Азии. Этот факт такой важности, что следует на него обратить внимание всех жителей Туркестанского края, чтобы они могли содействовать отысканию и сохранению памятников глубокой древности Туркестана»¹¹⁸.

Чтению, переводам памятников орхон-енисейской письменности и исследованию языка этих памятников В. В. Радлов посвятил целое десятилетие. Его часто критиковали, исправляли те или иные неточности, но в то же время все в своих исследованиях исходили из его переводов. Эту чрезвычайно сложную и громадную по объему работу в те годы мог проделать только ученый с необычайно широкими знаниями живых и мертвых тюркских языков, каким и был академик В. В. Радлов. Значение его трудов как первых, основополагающих в области изучения орхон-енисейских памятников неоспоримо.

В XX веке памятники орхон-енисейской письменности издавались в Дании¹¹⁹, Турции¹²⁰, Финляндии¹²¹ и ГДР¹²². В 1966 г. в Монгольской Народной Республике был опубликован первый выпуск древних надписей Монголии, подготовленный группой ученых под руководством академика Ринчина¹²³. В Польше издание памят-

¹¹⁷ Кондратьев В. Г. Очерк грамматики древнетюркского языка. М.: Изд-во ЛГУ, 1970, с. 4.

¹¹⁸ Радлов В. В. Разбор древнетюркской надписи на камне, найденном в урочище Айрам-ой в Кенкольской волости Аулие-Атинского уезда.— ЗВОРАО, 1899, т. II, с. 857.

¹¹⁹ Thomsen V. Samlede Afhandlinger. III. Kopenhagen, 1922.

¹²⁰ Orkun Hüseyn. Namik Türki yazitlari. Istanbul, I. 1936; IV, 1941.

¹²¹ Thomsen V. Türcica. Helsingfors, 1916.

¹²² Gibelin A. V. Alttürkische grammatik. Leipzig, 1950.

¹²³ Les déffigns pictographique et les inscriptions sur les rochers et sur les stèles en Mongolie. T. XVI, Fasc. I. Yaanbaator, 1968.

ников подготовлено Э. Трыярским, побывавшим в Монголии для непосредственного изучения этих памятников ¹²⁴.

В нашей стране памятники орхоно-енисейской письменности были переизданы С. Е. Маловым, который осуществил их перевод на русский язык с учетом всех предыдущих изданий ¹²⁵. Кроме того, в последние годы у нас был опубликован целый ряд работ, посвященных изучению языка древних тюрков по известным памятникам ¹²⁶, а также сопоставлению языка памятников с отдельными современными тюркскими языками ¹²⁷.

Важную роль сыграли переводы В. В. Радлова и в деле изучения истории древних тюрков. Они послужили материалом, на основе которого исследовались и исследуются различные вопросы по истории тюркского Востока, генезис современных тюркоязычных народов и т. д. Переводы В. В. Радлова и С. Е. Малова в качестве источников в своих трудах использовали востоковеды В. В. Бартольд ¹²⁸, А. Н. Бернштам ¹²⁹, Л. Н. Гумилев ¹³⁰ и др.

¹²⁴ *Trujarski Ed. Ostanie zachowania zabytkow starotureckich w Mongolii i potrzebie ich ochrony.*— *Sprawozdania z prac Naukowych Widzialu Nauk Spolecznych PAN*, 1962 (1963), 5, s. 125—145.

¹²⁵ *Малов С. Е.*: Памятники древнетюркской письменности. М.: Л., 1951; Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952; Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959.

¹²⁶ См., напр.: *Насилов В. И.* Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960; *Батманов И. А.* Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959; *Айдаров Г.* Язык орхонского памятника Бильге-Кагана. Алма-Ата, 1966; *Аманжолов А. С.* Глагольное управление в языке древнетюркских памятников. М., 1969; *Ислямов А.* Строй предложения в языке древнетюркских памятников.— Уч. зап. Самаркандск. гос. пед. ин-та, 1959, вып. 3, с. 226—246; *Кондратьев В. Г.* Очерк грамматики древнетюркского языка. Л.: Изд. ЛГУ, 1970; *Мусабаев Г. Г.* О памятнике Кюль-Тегина.— В кн.: Эпиграфика Казахстана. Вып. 1. Алма-Ата, 1971, с. 109—140; *Он же.* Памятник Кюль-Тегина.— В кн.: Эпиграфика Казахстана. Вып. 1. Алма-Ата, 1971, с. 140—164.

¹²⁷ См., напр.: *Батманов И. А.* Некоторые особенности языка памятников орхоно-енисейской письменности и их отражение в современных тюркских языках.— В кн.: Вопросы диалектологии тюркских языков. Т. 3. Баку, 1963, с. 116—123; *Айдаров Г.* Материалы памятника Тоньюкука и их отношение к казахскому языку.— В кн.: Вопросы истории и диалектологии казахского языка. Вып. 5. Алма-Ата, 1963, с. 64—108; и др.

¹²⁸ *Бартольд В. В.* Новые исследования об орхонских памятниках.— *ЖМНП*, 1899, ч. 325, с. 232—250.

¹²⁹ *Бернштам А. Н.* Родовая структура Ту-гю VII в. к исследованию памятника Кюль-Тегина.— *Известия ГАИМК*, 1934, вып. 103; Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков в VI—VII вв. Л., 1946.

¹³⁰ *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., 1967.

Еще будучи инспектором школ Казанского учебного округа, В. В. Радлов познакомился с памятником уйгурской письменности, дидактическим сочинением Юсуфа Хас-Хаджиба Баласагунского «Кутадгу билиг» (у Радлова — «Кудатку билик») — «Наука о том, как сделаться счастливым», написанным в 1069 г. и дошедшим до нас в списке XV в., найденном в Вене. Изучение этого памятника по изданию А. Вамберн явилось для В. В. Радлова как бы подготовкой к широким исследованиям в этой области востоковедения в дальнейшем.

Если до конца XIX в. в науке было известно лишь незначительное количество древнеуйгурских памятников и самым крупным из них считался «Кутадгу билиг», то именно в конце XIX и в начале XX в. целый ряд русских ученых-путешественников своими замечательными открытиями обогащают эту коллекцию большим количеством новых уникальных памятников и тем самым делают возможным становление и развитие новой отрасли тюркологии — уйгуристики. Из наиболее плодотворных экспедиций, предпринятых русскими учеными в Восточный Туркестан и Центральную Азию, можно выделить историко-археологические экспедиции Д. А. Клеменца (1898), С. Е. Малова (1909—1911; 1913—1914)¹³¹, С. Ф. Ольденбурга (1909—1910; 1914—1915)¹³². В сбор древнеуйгурского материала свой вклад внесли и русские ученые-путешественники Н. М. Пржевальский, М. В. Певцов, В. И. Роборовский, П. К. Козлов, Г. Е. Грум-Гржимайло и др.¹³³

Пионером уйгуристики стал В. В. Радлов. К этому времени он уже был крупнейшим в России тюркологом, известным исследованиями многих тюркских памятников: орхоно-енисейских, «Codex Sinaiticus», «Кутадгу билиг», некоторых памятников арабской и сирийской письменности, ханских ярлыков. Эти всеобъемлющие тюркологические познания ученого и явились той научной осно-

¹³¹ Малов С. Е. Отчет о путешествии к уйгурам и саларам.— Известия рус. комитета для изучения Средней и Восточной Азии (далее ИРКИСВА), 1912, сер. 2, № 3; *Он же*. Отчет о втором путешествии к уйгурам.— Там же, 1914, сер. 2, № 3.

¹³² Ольденбург С. Ф. Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910: Краткий предварительный отчет. Спб., 1914.

¹³³ См. об этом: Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925; Малов С. Е. Уйгуры и их значение.— В кн.: Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М., Л., 1951.

вой, на которой В. В. Радлов заложил и возвел здание русской уйгуристики¹³⁴.

В 1889 г. В. В. Радлов публикует статью «Ярлыкн Тохтамыша и Темир-Кутлуга» (ЗВОРАО, т. 3), а в 1890 г. начинает издавать «Кутадгу Билиг»¹³⁵. В следующем, 1891 г. выходит второе издание «Кутадгу Билиг», в котором текст почти всего памятника был набран маньчжурским алфавитом. В предисловии к этому изданию В. В. Радлов приводит и анализирует рассуждения различных авторов об этнониме «уйгур», легенды о происхождении уйгуров, выдержки из сочинений восточных историков и исторические сведения об уйгурах и уйгурском письме¹³⁶.

В конце XIX в. в Каире была найдена рукопись «Кутадгу Билиг», написанная арабским письмом, и в третьем издании памятника В. В. Радлов приводит несколько начальных страниц этой копии. На каирскую рукопись он иногда ссылается при переводе текста памятника на немецкий язык и транскрибировании знаками русской академической транскрипции, что было выполнено В. В. Радловым в основном по венской копии¹³⁷. Вторая часть этого издания была подготовлена к печати лишь через десять лет после первой и вышла в свет в 1910 г.¹³⁸

Успешному изучению В. В. Радловым языка памятников древнеуйгурской письменности способствовали его прекрасные знания живых тюркских языков и письменного чагатайского языка. Но эти же знания обусловили определенную тенденциозность его лингвистической концепции в отношении консонантизма языка древнеуйгурского памятника «Кутадгу Билиг»: по выражению С. Е. Малова, В. В. Радлов «обалтает» язык этого па-

¹³⁴ *Насилов Д. М.* Изучение памятников древнеуйгурского языка в отечественном востоковедении. — В кн.: Тюркологический сборник. 1970. М., 1970, с. 96; см. также: *Самойлович А. Н.* Радлов как тюрколог. — Новый Восток. М., 1932; *Он же.* Академик В. В. Радлов. — Вестник АН СССР, 1937, № 1.

¹³⁵ Кудатку Билик: Факсимиле уйгурской рукописи Императорской и Королевской придворной библиотеки в Вене/Изд. по поручению С.-Петербургской Академии наук В. В. Радловым. Спб., 1890.

¹³⁶ *Radloff W.* Das Kudatku-Bilik des Jusuf Chass-hadschib aus Bälasagun. St.-Pbg., 1891.

¹³⁷ *Radloff W.* Das Kudatku-Bilik des Jusuf Chass-hadschib aus Bälasagun. St.-Pbg., 1900.

¹³⁸ *Radloff W.* Das Kudatku-Bilik des Jusuf Chass-hadschib aus Bälasagun. St.-Pbg., 1910.

мятника¹³⁹. Иначе говоря, В. В. Радлов считал, что в древнейуйгурском, как и тувинском, в начале и конце слов могут быть только глухие согласные, между гласными же в слове могут быть только звонкие согласные звуки¹⁴⁰.

Учение В. В. Радлова о согласных древнейуйгурского языка было в значительной степени поколеблено В. Томсеном, который, проанализировав и выделив определенные фонетические закономерности в образовании рифм в «Кутадгу Билиг», довольно убедительно доказал, что теория В. В. Радлова неприменима к языку этого памятника¹⁴¹.

«Точка зрения В. Томсена, — писал С. Е. Малов, — на фонетику древнейуйгурского языка в настоящее время является общепринятой»¹⁴². Вместе с тем совсем недавно (в 1965 г.) точку зрения В. В. Радлова, правда только в отношении языка восточных древнейуйгурских памятников, поддержал Э. Р. Тенишев, который, опираясь на данные фонетики языка желтых уйгуров и саларов, указал на то, что «язык уйгуров Турфана и Ганьсу, запечатленный в памятниках уйгурского письма, не различал звонких и глухих согласных» и «что противопоставление древнейуйгурских согласных фонем установилось по линии наличия или отсутствия аспирации»¹⁴³.

Там же В. В. Радлов, учитывая критику В. Томсена, как утверждает С. Е. Малов, «продолжал все же считать, что может быть, его теория справедлива к уйгурскому языку весьма древнего периода, тогда как письменные памятники представляют нам этот уйгурский язык уже в сильном смешании с другими тюркскими элементами, прежде всего с древнесеверным огузским диалектом языка тюркских рунических памятников»¹⁴⁴.

¹³⁹ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности, с. 97.

¹⁴⁰ См.: Радлов В. В. Турфанские тексты в лингвистическом отношении: (Изложение доклада). — ЗВОРАО, 1913, т. 21, вып. 1, с. XV; Radloff W. Altuigurische sprachproben aus Turfan. — In: Nachrichten über die... Expedition nach Turfan. H. I. St.-Pbg., 1889, p. 62.

¹⁴¹ Thomsen V. Sur le système des consonnes dans la langue ouigour.— Keleti Szemle (Revue Oriental), Budapest, 1901, t. II. № 4. Доклад был прочитан В. Томсеном на XI Международном конгрессе ориенталистов в Париже в 1897 г.

¹⁴² Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности, с. 97.

¹⁴³ Тенишев Э. Р. Система согласных в языке древнейуйгурских памятников уйгурского письма Турфана и Ганьсу. — В кн.: Вопросы диалектологии тюркских языков. Т. 3. Баку, 1963, с. 124—125.

¹⁴⁴ Малов С. А. Памятники древнетюркской письменности, с. 98.

Помимо «Кутадгу Биллг» в конце XIX и начале XX в. В. В. Радловым был опубликован ряд новых древнетюркских памятников самого различного содержания.

В 1899 г. В. В. Радлов публикует два юридических документа и два буддийских фрагмента из материалов экспедиции Д. А. Клеменца¹⁴⁵.

Следующей работой В. В. Радлова было частичное издание материалов экспедиции Г. Грюнведеля в Турфан (1902—1903). Все 46 документов этой экспедиции были расшифрованы В. В. Радловым позднее, а изданы только после его смерти¹⁴⁶.

В 1909 г. В. В. Радлов издает «Покаянную молитву манихейцев», вывезенную из Восточного Туркестана А. А. Дьяковым¹⁴⁷.

В 1910 г. в серии «Bibliotheca Buddhica» вышла уйгурская версия буддийской сутры, именуемой «Дишаствустик-сутра», автором транскрипции и перевода которой был В. В. Радлов, а глоссы на брахми в издании истолковал русский санскритолог А. Сталь-Гольштейн¹⁴⁸. В 1911 г. он издает уйгурский перевод 25-й главы китайской версии сутры «Лотос истинного закона»¹⁴⁹.

Начиная с 1913 г. выходят отдельные части сутры «Золотого блеска», рукопись которой была привезена С. Е. Маловым, а издавалась в серии «Bibliotheca Buddhica» В. В. Радловым в соавторстве с С. Е. Маловым¹⁵⁰.

В последние годы своей жизни В. В. Радлов подготовил к печати уйгурский текст буддийского сочинения, названного им сутрой «Восемь цветов», и работал над большим текстом (200 строк) — хозяйственной записью уйгу-

¹⁴⁵ Radloff W. Altuigurische Sprachproben aus Turfan.— В кн.: Nachrichten über die... Expedition nach Turfan. H. I. St.-Pbg., 1899, S. 55—83.

¹⁴⁶ Radloff W. Uigurische Sprachdenkmäler. L., 1932, s. 97—109.

¹⁴⁷ Shuastuanit, das Bussgebet der Manichäer/Hrsg. und übers. von W. Radloff. St.-Pbg., 1909.

¹⁴⁸ Tisastvustik. Ei nin türkischen Sprache bearbeitetes buddhistisches Sūtra. I./ Transscription und Übersetzung von W. Radloff. St.-Pbg., 1910. (Bibliotheca Buddhica, XIV).

¹⁴⁹ Kuan-si-im Pusa. Ein türkische Übersetzung de XXV kap. der chinesischen Ausgabe des Saddharmapundarika/Hrsg. und übers. von W. Radloff. St.-Pbg., 1911 (Bibliotheca Buddhica, XIV).

¹⁵⁰ Suvarnaprabhāsa=[Сутра Золотого блеска]. Текст уйгурской редакции издали В. В. Радлов и С. Е. Малов. Спб.; Пг., 1913—1917. (Bibliotheca Buddhica, XVII, вып. 1—8).

ра, которая была опубликована только в 1965 г. Э. Р. Тенишевым ¹⁵¹.

Еще в 1904 г. В. В. Радлов завершил работу над «Памятниками уйгурского языка», содержащими издание, перевод и комментарии 128 древнеуйгурских фрагментов, часть из которых была издана им ранее, а в данном труде была исправлена и пересмотрена с учетом уровня развития уйгуристики и пополнения фонда древнеуйгурских памятников новыми материалами. «Памятники уйгурского языка» отредактировал, дополнил (словарем) и опубликовал в 1928 г. С. Е. Малов ¹⁵².

Одновременно с изданием древнеуйгурских памятников В. В. Радлов исследует языковые особенности этих памятников. Результаты этих исследований были изложены автором в четырех больших статьях, так называемых «Древнетюркских этюдах» ¹⁵³. В пятой статье в 1911 г. В. В. Радлов на основании анализа языковых особенностей памятников орхоно-енисейской и уйгурской письменности, систем письма, применявшихся в этих памятниках, исторических и географических данных о древнетюркских народах составляет классификацию древнетюркских языков, которая «остаётся первой и пока единственной, где хоть как-то классифицированы языки всех древнетюркских памятников» ¹⁵⁴.

О значении упомянутых трудов для современной тюркологии С. Е. Малов, возглавивший советское уйгуроведение после смерти В. В. Радлова, писал: «Заслуги академика В. В. Радлова в этой области являются чрезвычайно знаменательными; его труды являются весьма существенными и оправданными; они ценны как по качеству, так и по количеству и объёму; они никем не превзойдены» ¹⁵⁵.

¹⁵¹ Тенишев Э. Р. Хозяйственные записки на древнеуйгурском языке.— Исследования по грамматике и лексике тюркских языков. Ташкент, 1965.

¹⁵² Radloff W. Uigurische Sprachdenkmäler/Materialien nach dem Tode des Verfassers mit Ergänzungen von S. Malov. hrsg. Leningrad. 1928.

¹⁵³ Radloff W. Alttürkische Studien: Einleitende Gedanken zur Untersuchung der Alttürkische Dialecte.— Известия АН. Серия IV, 1909, № 18; 1910, № 3; 1911, № 5; 1912, № 12.

¹⁵⁴ Насилов Д. М. Изучение памятников древнеуйгурского языка в отечественном востоковедении.— Тюркологический сборник. 1970. М., 1970, с. 105.

¹⁵⁵ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности, с. 96.

Д. М. Насилов в статье, посвященной истории изучения памятников древнеуйгурского языка в отечественном востоковедении, определяя значение трудов В. В. Радлова для современной тюркологии, писал: «Характеризуя переводы уйгурских текстов (прежде всего религиозного содержания), выполненные В. В. Радловым, следует помнить, что «Радлов не был тюркологом с уклоном в синологию, Радлов не был тюркологом с уклоном в иранистику: он был тюркологом и только им». Поэтому передача В. В. Радловым некоторых *termini technici* в буддийских и манихейских произведениях вызвала критику со стороны сиологов, индианистов и иранистов. Однако значение переводов этих текстов непреходяще. Нельзя забывать, что ученый открывал совершенно новую отрасль тюркологии, мастерски проникая в доселе не ведомые никому тексты и язык. Большой интерес представляют языковые примечания к этим переводам. Они показывают не только глубокие познания В. В. Радлова в тюркских языках, но и тонкое языковое чутье, помогающее ему проникнуть в сложное содержание нового текста. В них имеются многочисленные интересные наблюдения, морфологические миниатюры, этимологии, лексические параллели и т. п., которые не потеряли своей ценности и для современного исследователя древнетюркских языков»¹⁵⁶.

Таким образом, несмотря на отдельные недостатки, труды В. В. Радлова, посвященные изучению языка древнеуйгурских памятников, как и издания этих памятников, несомненно, сохранили свое основополагающее значение для современной тюркологии. Не случайно каждый современный тюрколог, занимающийся изучением языка древнеуйгурских памятников, в различной степени, но обязательно использует основные наблюдения и выводы, выдвинутые в свое время академиком В. В. Радловым.

Обзор даже самых основных трудов В. В. Радлова уже дает ясное представление о широте и многогранности его научной деятельности. Огромное количество работ ученого, достигшее в 1906 г. по неполному хронологическому списку К. Салемана¹⁵⁷ почти сотни, часть из

¹⁵⁶ Насилов Д. М. Изучение памятников древнеуйгурского языка, с. 39.

¹⁵⁷ Салман К. Труды В. В. Радлова в хронологическом порядке. — В кн.: Ко дню семидесятилетия Василия Васильевича Радлова, 5 января 1907 г. Спб., 1907, с. 3—28.

которых представлена очень крупными, можно даже сказать эпохальными, трудами, читателя, не знакомого с жизнью и деятельностью В. В. Радлова, может навести на мысль, что В. В. Радлов, по-видимому, относится к той категории ученых, которых называют «кабинетными». Однако это совсем не так. В действительности В. В. Радлов был неутомимым ученым-путешественником и наряду с материалами своих предшественников и современников при исследовании тюркских языков часто использовал материалы, собранные им лично. Помимо путешествий, совершенных им в барнаульский период по Алтаю, Южной Сибири, Северному, Восточному и Южному Казахстану, Восточной Киргизии и северной части Средней Азии, В. В. Радлов в петербургский период, в 1886 г., совершает поездку в Крым для изучения языка крымских татар, а в 1887 г. — в Литву и Волинь для исследования карпатского диалекта¹⁵⁸.

В 1891 г. В. В. Радлов стоял во главе экспедиции, снаряженной Академией наук для исследования памятника на берегу р. Орхон в Монголии, который был открыт в 1889 г. Н. М. Ядринцевым, и для поисков новых древнетюркских памятников.

Глубокие практические и теоретические знания тюркских языков и истории тюркоязычных народов В. В. Радлова высоко ценились. 16 марта 1894 г. Историко-филологическое отделение Академии наук в связи со смертью академика Л. И. Шренка единогласно избирает академика В. В. Радлова директором Музея антропологии и этнографии. Ознакомившись с ведением дел в музее и убедившись, что коллекции по антропологии, археологии и этнографии содержатся в неудовлетворительном, с точки зрения систематизации, состоянии, В. В. Радлов выезжает в научную командировку для изучения западноевропейских музеев. Вместе с сотрудниками музея Н. И. Воробьевым и художником С. М. Дудиным он посещает этнографические музеи Стокгольма, Копенгагена, Гамбурга, Бремена, Кёльна, Дармштадта, Нюрнберга, Лейпцига и Берлина. «Во всех городах, — пишет в отчете об этой поездке В. В. Радлов, — мы осматривали этнографические, национально-культурные и художественно-промышленные музеи, причем мы ознакомились не толь-

¹⁵⁸ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь, т. 36. Спб., 1899, с. 92—93.

ко с задачами музеев, но также и с их бюджетами, организацией управления, персоналом служащих, методами выставления, регистрацией и каталогизацией коллекции, с типами мебели, способами дезинфекции и сохранения коллекции»¹⁵⁹.

Вернувшись из командировки, В. В. Радлов с помощью сотрудников музея настойчиво проводит работу по упорядочению коллекции, добывается разрешения на расширение помещения музея и увеличение штата научных работников. В результате преобразований, осуществленных в период директорства В. В. Радлова, в музее был введен «строго выдержанный культурно-этнический принцип размещения коллекций, и внутри каждой культурно-этнической группы расположение предметов исключительно по однородности их назначения и роли в культуре, чем достигнута была не только возможно полная систематичность, но и наибольшая доступность предметов для обозрения»¹⁶⁰.

Кроме того, по инициативе В. В. Радлова была изменена задача музея. Если до него в этнографическом и археологическом отделах музея были собраны материалы, отражающие преимущественно культуру России, то в период управления В. В. Радлова с целью изучения эволюции мировой, общечеловеческой, культуры рамки национальной принадлежности выставляемых для обозрения экспонатов были в значительной степени расширены. Эту весьма сложную задачу В. В. Радлову удалось осуществить посредством привлечения целого ряда известных ученых, путешественников и частных лиц к собирательской работе музея, после чего в фонд музея поступило большое количество новых уникальных экспонатов, доставленных русскими путешественниками из самых различных уголков земного шара. О подлинно научном подходе В. В. Радлова к организации музейной работы говорит и то, что именно при нем начал издаваться «Сборник Музея антропологии и этнографии».

Закончив работу по регистрации и систематизации коллекций и обеспечив возможность поступления новых

¹⁵⁹ Радлов В. В. Отчет о командировке для обозрения этнографических музеев. — Известия РАН, 1907, с. 743.

¹⁶⁰ Ко дню семидесятилетия Василия Васильевича Радлова, 5 января 1907 г., с. 54.

экспонатов, В. В. Радлов в 1902 г. принимается за организацию библиотеки при музее.

В книге, посвященной семидесятилетию юбилею В. В. Радлова, сотрудники музея писали: «Если мы оглянемся на последнее двенадцатилетие истории Музея антропологии и этнографии — период деятельности В. В. Радлова в качестве его директора, — то не можем не удивляться, какими ничтожными материальными средствами достигнуты столь значительные научные результаты»¹⁶¹.

В 1918 г. после смерти В. В. Радлова академик С. Ф. Ольденбург, оказавший немало услуг В. В. Радлову и во время его работы над древнеуйгурскими памятниками и в период управления музеем, вспоминал: «С 1894 г. Василий Васильевич сделался директором Музея по антропологии и этнографии, который тогда был, в сущности, просто небольшой этнографической частью старой петровской Кунсткамеры. Двадцать четыре года пламенного, не найду лучшего слова, труда положил он на музей, и теперь перед нами большой научный Институт»¹⁶².

Научно-организаторская деятельность В. В. Радлова не ограничивалась только управлением работой Музея антропологии и этнографии.

В 1889 г. на XII Международном конгрессе ориенталистов в Риме был создан Международный комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в 1903 г. возглавил академик В. В. Радлов. На средства этого комитета снаряжались экспедиции, издавались труды по востоковедению, оказывалась помощь при проведении исследований и т. п. Например, комитет постоянно оказывал материальную поддержку Э. К. Пекарскому в составлении «Словаря якутского языка»¹⁶³.

О весьма многосторонней и содержательной деятельности В. В. Радлова в петербургский период его ученик и современник А. Н. Самойлович писал: «Кабинетные за-

¹⁶¹ Там же, с. 59.

¹⁶² *Ольденбург С. Ф.* Василий Васильевич Радлов: Некролог. — Известия РАН, 1918, № 12, 6, с. 1236. [Читан академиком С. Ольденбургом в заседании общего собрания 18/5 мая 1918 г.]

¹⁶³ См.: *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. Т. 1. Спб., 1907, с. V.

пания и в Петербурге энергичного, неизменно жизнерадостного и всегда захваченного широкими научными интересами и планами академика, текущие академические дела с поездками по временам для разных ходатайств к высшим государственным сановникам; кипучая работа в Музее антропологии и этнографии имени Петра I (с 16 марта 1894 г.), организация и управление делами Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии (с 1899 г.)¹⁶⁴, участие в трудах Восточного отделения II. Русского археологического общества и отделения этнографии И. Русского географического общества; председательствование в обществе изучения Сибири и улучшения ее быта и в комитете по постройке буддийского храма в Петербурге; научная поездка в Крым — 1886 г. — к караннам западных губерний; путешествие в Монголию и Китай 1892 г.¹⁶⁵ уже на 56 году жизни; ряд поездок в Западную Европу на конгрессы ориенталистов, для занятий в библиотеках и для осмотра музеев, занятия на дому с молодыми востоковедами, прежде всего с тюркологами, но также и с монголистами, маньчжуристами и китаистами, — вот довольно случайный и, конечно, неполный перечень многообразных занятий и обязанностей энтузиаста-ученого Радлова с момента его переселения из Казани в Петербург и до сегодняшнего дня»¹⁶⁶.

Что касается личных качеств В. В. Радлова, то помимо колоссальной трудоспособности, неисчерпаемой энергии, мощной, смелой, безудержной решительности натуры, как отмечал С. Ф. Ольденбург в некрологе в связи с смертью В. В. Радлова, «у Василия Васильевича была черта, свойственная вообще большим людям: он не боялся критики и не обижался никогда на нее — ему можно было всегда в лицо сказать все, что думаешь, как

¹⁶⁴ По-видимому, в данном случае датировка А. Н. Самойловича ошибочна, так как А. Н. Кононов (Тюркологический сборник. М., 1980, с. 15) и Е. И. Убрятова (Академик В. В. Радлов. — Известия СО АН СССР, № 6, вып. 2, 1969, с. 130) утверждают, что Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии был создан в 1903 г. — К. Х.

¹⁶⁵ Данная экспедиция, как мы отмечали выше, происходила не в 1892 г., а в 1891 г. — К. Х.

¹⁶⁶ Самойлович А. Н. В. В. Радлов как тюрколог. — Труды/Тропиковско-Кяхтинское отд. Приамурского отдела ИРГО, 1914, с. 15, вып. 1, с. 28.

бы резки и отрицательны ни были в ту минуту и мысли и слова. Он спорил, но никогда не чувствовал и не помнил обиды. С ним сошел в могилу один из последних ученых того поколения создателей востоковедения, которые умели соединять широту кругозора с углубленностью специальных знаний...»¹⁶⁷.

В заключение к очерку жизни и деятельности академика В. В. Радлова остается добавить, что научная деятельность этого замечательного ученого в истории мировой тюркологии открыла новую, радловскую, эпоху, главной чертой которой было интенсивное накопление богатого материала по живым тюркским языкам, открытие и издание древних письменных памятников тюркоязычных народов и первоначальное, но весьма глубокое и серьезное их изучение. Большая заслуга В. В. Радлова в том, что он ввел в научный обиход огромный материал по тюркским языкам («Образцы народной литературы тюркских племен» в 10 томах); создал первую сравнительную фонетику тюркских языков, составил словарь тюркских языков, перевел, исследовал и издал все главные рунические памятники и ряд памятников древнеуйгурской письменности и многое другое. С научной деятельностью В. В. Радлова связано окончательное утверждение филологического направления в русской тюркологии, которое отличалось широким интересом к изучению памятников и живых тюркских языков¹⁶⁸.

¹⁶⁷ *Ольденбург С. Ф.* Василий Васильевич Радлов: Некролог. — Известия РАН, 6 серия, 1918, № 12, с. 1236.

¹⁶⁸ *Кононов А. Н.* Тюркское языкознание в Ленинграде. 1917—1967. — Тюркологический сборник. М., 1970, с. 6.

В. В. РАДЛОВ О ВОКАЛИЗМЕ И СИНГАРМОНИЗМЕ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

ГЛАСНЫЕ ЗВУКИ

В. В. Радлов, анализируя и сопоставляя в «Фонетике северных тюркских наречий» различные системы вокализма конкретных тюркских языков, в казахском языке выделяет девять гласных: *a, ä, e, o, ö, y, i, u, ü*¹.

При описании артикуляторных особенностей и сопоставлении этих девяти гласных со сходными гласными некоторых индоевропейских языков В. В. Радлов основывается главным образом на трудах лингвистов Брюке², Сиверса³ и Винтлера⁴:

a — произносится как чисто итальянский *a* в слове *ballare*, северный немецкий в слове *Tag*, русский в слове *так*. Этот гласный, по Радлову, произносится при обычном положении покоя органов речи и при широком ненапряженном растворе рта.

ä — этим знаком В. В. Радлов обозначает два гласных, соответствующих современным казахским *ä* и *e*, например, в словах *amir* и *közder*:

1) *ä* соответствует немецкому *ä* в произношении уроженцев восточной Германии, французскому *ê*, английскому *a* в словах *fat*, *man*. Этот гласный звук казахского языка, по Радлову, произносится при расширенном глоточном ре-

¹ Radloff W. Phonetik der Nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1882, с. 11. (В дальнейшем для удобства чтения мы будем указывать: «Фонетика» и номер страницы. — К. Х.).

² Brücke. Grundzüge der Physiologie und Systematik der Sprache. Wien, 1876.

³ Sivers. Grundzüge der lautphysiologie. Leipzig, 1876.

⁴ Winteler. Die kerenser Mundart. Leipzig, 1876.

зонаторе и небольшом подъеме основания языка;

- 2) *ä* соответствует немецкому *e* в слове *ehrlich* (*e* — долгий, закрытый. — К. Х.), французскому *é*, русскому *э* в слове *это*; произносится при более сильном подъеме основания языка.

e — также обозначает два гласных звука:

- 1) соответствует немецкому *e* в словах *selig, werden*, французскому *é*; положение языка как при произношении *ä*; углы рта слегка растянуты в стороны;
- 2) для произношения «второй ступени» *e* необходимо кончик языка вытянуть до нижних передних зубов, спинка языка приподнята намного выше, чем при произношении *ä*, при этом средняя часть языка почти достигает нёба, а губы настолько растянуты в стороны, что сильно обнажаются зубы. При таком положении речевых органов воспроизводится звук более резкий, чем первое *e*, но в то же время средний между *e* и *i*.

i — соответствует немецкому *ie*, английскому *ee*, русскому *и* в слове *них*.

o — также обозначает два гласных звука:

- 1) соответствует французскому *o* в слове *encor*, английскому *o* в слове *lord, corn*. Этот звук, по мнению Радлова, выступает чаще всего в восточной группе тюркских языков. При произношении этого звука гортань расширена книзу, кончик языка прижат также книзу, губы округлены;
- 2) соответствует немецкому *o* в слове *woche*; выходное отверстие несколько расширено, губы слегка выдвинуты вперед.

u — соответствует чисто немецкому *u* в слове *Muth*, французскому *ou*, английскому *oo*, русскому *у*.

ü — звучит как немецкий *ü* и как французский *u*; при произношении положение губ как при *u*, положение языка как при *i*.

ö — появляется в «двух ступенях»: первая соответствует немецкому *ö* в слове *Mönch*, вторая — немецкому *ö* в слове *töden*.

y — если при произношении русского *ы* губы слегка

отодвинуть в стороны, заднюю часть языка и гортань не напрягать, то получится звук неопределенной окраски — что-то среднее между *i—ä—и*, который в одних диалектах звучит приблизительно как *ä* (рус. э), в других как *y* (Фонетика, с. I—VIII).

Сопоставляя эти описания и параллели с результатами современных экспериментальных исследований по фонетике, можно обнаружить, с какой точностью В. В. Радлов определяет акустико-артикуляторные особенности некоторых гласных казахского языка. Так, В. В. Радлов казахский гласный *a* отождествляет с гласным *a* в русском слове *так*. Экспериментальное описание этих гласных выявляет между ними лишь незначительное расхождение: казахский гласный звук *a* несколько менее компактен, чем русский *a* в приведенном слове⁵.

При произношении английского *a* в словах *fat, man* «основная масса языка расположена в передней части полости рта. Язык во рту лежит довольно низко. Средняя часть спинки языка слегка приподнята, но не так высоко, как при произношении *e*. Губы нейтральны. Выходное отверстие широкое»⁶.

Акустико-артикуляторная характеристика казахского *a*, полученная в результате применения методов статического рентгенографирования, прямого палатографирования и кино съемки положения органов речи, почти полностью совпадает с вышеприведенной характеристикой английского гласного *a* в закрытых слогах⁷. Следовательно, В. В. Радлов нашел верные соответствия указанным гласным казахского языка.

То же самое можно сказать и о гласном звуке казахского языка *o*, который сопоставляется В. В. Радловым с английским *o* в словах *lord, corn*. Здесь различие наблюдается лишь в количественном отношении, так как английский *o* более долгий, чем казахский⁸.

⁵ Кенесбаев С. К., Блохина Л. П., Потапова Р. К. Классификация казахских гласных по данным акустического анализа. — В кн.: Фонетика казахского языка. Алма-Ата, 1969, с. 59.

⁶ Vassiliev V. A., Burenkova O. V., Katanskaya A. B., Lukina N. D. English Phonetics. L., 1962, p. 71.

⁷ Джунисбеков А. Акустико-артикуляторные характеристики гласных казахского языка. — В кн.: Фонетика казахского языка. Алма-Ата, 1969, с. 63.

⁸ Vassiliev V. A. and others, с. 72.

Однако субъективный (т. е. слуховой) метод исследования не всегда позволяет достичь точного определения и сопоставления, вследствие чего в описаниях гласных казахского языка В. В. Радлова встречаются некоторые неточности. Например, казахский гласный *ы* (у Радлова *y*) в сравнении с русским *ы* ниже по тональности (язык больше оттянут назад), более компактный; по положению губ они не различаются. В. В. Радлов же в этом случае, наоборот, отмечает различие по положению губ, но не указывает на их различие по подъему⁹.

Помимо описаний и сопоставлений тюркских гласных с аналогичными гласными отдельных индоевропейских языков В. В. Радлов приводит некоторые соображения более общего плана. Гласные он определяет как звуки, при произношении которых органы речи не принимают активного участия, основную функцию выполняют голосовые связки.

Гласные *а*, *э*, *е* объединяются В. В. Радловым в одну группу по постепенному сужению как выходного отверстия, так и расстояния между языком и нёбом, т. е. характеризуют последовательные ступени сужения выходного отверстия и движения языка по вертикали.

Гласный *и* (*y*) отличается от гласного *о* бóльшим напряжением округленных губ и высотой подъема.

Артикуляторная особенность гласных *й* и *о*, по В. В. Радлову, заключается в определенной комбинации положений языка при нелабиализованных с положениями губ при лабиализованных гласных.

Учитывая, что во введении описания и сопоставления В. В. Радлова в основном были предназначены для предварительного объяснения использованной им транскрипции (более детальные акустико-артикуляторные характеристики этих гласных излагаются автором в последующих главах «Фонетики»), приведем латиницу В. В. Радлова с соответствующими обозначениями современной транскрипции:

a — *a* [a]
ä — 1) *ä* [ä e], 2) *e* [э]
e — [e] *e*
o — *o* [o]
ö — *ö* [oe]
y — *y* [y]

⁹ Кенесбаев С. К., Блохина Л. П., Потапова Р. К. Классификация казахских гласных по данным акустического анализа, с. 59.

$i - i$ [i]
 $u - y$ [u]
 $\ddot{u} - y$ [\ddot{u}]

В последующих главах В. В. Радлов стремится представить тюркский вокализм как вполне определенную фонетическую структуру, природа которой непосредственно связана с явлениями сингармонизма.

Сущность этих явлений, характерных буквально для всех тюркских языков, по В. В. Радлову, прежде всего антропофонетическая (или звуко-психологическая) и заключается в определенном притяжении (аттракции) друг к другу гласных, близких в артикуляторном отношении; по выражению В. В. Радлова, эти группы гласных «произносятся при одинаковом положении губ или языка» (Фонетика, с. 2).

Различие тона гласных зависит от длины и ширины рто-глоточного резонатора, ограниченного «передней или задней границами». Обозначив соответственно «часть между губами и зубами» и «часть между мягким нёбом и гортанью», В. В. Радлов считает возможным разделить гласные по двум принципам: 1) по одинаковой (равномерной) форме границ рто-глоточного резонатора и 2) по более или менее сильному сужению этих же границ (Фонетика, с. 3).

В зависимости от положения «задней границы» гласные делятся В. В. Радловым на: а) гортанные (не палатальные), т. е. гласные, при произношении которых у гортани образуется задняя граница ртового резонатора, сужения между твердым нёбом и языком не наблюдается (*a, o, y, u*); б) нёбные гласные, т. е. такие гласные, при произношении которых посредством подъема ствола языка в его задней границе к твердому нёбу ротовой резонатор становится короче и уже (*\ddot{a}, \ddot{o}, u, i, e*).

В зависимости от положения «передней границы» (т. е. губ и зубов) рто-глоточного резонатора гласные делятся В. В. Радловым на: а) зубные гласные, т. е. такие гласные, при произношении которых передние зубы образуют переднюю границу рто-глоточного резонатора, при этом губы как можно шире раздвигаются в стороны и не принимают участия в действительных рто-глоточного резонатора (*a, \ddot{a}, e, y, i*); б) лабиализованные гласные, т. е. такие гласные, при произношении которых посредством сужения и выдвигания губ вперед образуется передняя

граница рто-глоточного резонатора (*o, u, ö, ü*) (Фонетика, с. 4).

Выделяя ту или иную комбинацию передней границы рто-глоточного резонатора с задней, В. В. Радлов делит гласные тюркских языков на 4 группы:

- 1) денто-гортанные (*a, y*)
- 2) губно-гортанные (*o, u*)
- 3) денто-палатальные (*ä, e, i*)
- 4) губно-палатальные (*ö, ü*)

Классификацию гласных по признаку раствора Е. В. Радлов мотивирует следующим образом: «При произношении некоторых гласных можно отчетливо обнаружить, что при артикуляции различных гласных наблюдается более или менее сильное сужение различных частей приставной трубки. Так, например, при произношении губно-палатального гласного *ö* положение губ шире, чем при произношении губно-палатального гласного *ü*. Или, например, палатальное сужение при произношении гласного *i* более сильное, чем при произношении гласного *ä* (Фонетика, с. 4). Называя подобные различия гласных по признаку раствора «ступенями сужения», В. В. Радлов делит их на две группы: 1) широкие гласные, т. е. гласные, которые произносятся при незначительном сужении: *a, o, ä, ö, e*; 2) узкие гласные, т. е. гласные, которые произносятся при большом сужении: *y, u, ü, i*.

Понимая, что при определении артикуляторных особенностей тюркских гласных невозможно ограничиваться лишь одним из вышеуказанных признаков, В. В. Радлов утверждает, что если первый признак (одинаковость форм границ рто-глоточного резонатора) дополнить вторым (степень сужения у границ рто-глоточного резонатора), то можно получить более точное деление гласных. Исходя из этого он делит тюркские гласные на 8 групп:

- 1) широкие денто-гортанные (*a*)
- 2) узкие денто-гортанные (*y*)
- 3) широкие губно-гортанные (*o*)
- 4) узкие губно-гортанные (*u*)
- 5) широкие денто-палатальные (*e, ä*)
- 6) узкие денто-палатальные (*i*)
- 7) широкие губно-палатальные (*ö*)
- 8) узкие губно-палатальные (*ü*) (Фонетика, с. 5)

Как видим, принципы, которыми руководствовался

В. В. Радлов, выделяя различные группы тюркских гласных, мало чем отличаются от принципов современной классификации гласных¹⁰. Так, например, современное деление гласных по горизонтальному положению языка рассматривается В. В. Радловым как вполне определенная зависимость качественной характеристики тюркских гласных от расположения задней границы рто-глоточного резонатора, т. е. положения наиболее активного речевого органа — языка по отношению к твердому или мягкому нёбу. Следовательно, гласные, названные В. В. Радловым нёбными, — это гласные переднего ряда или палатализованные, или, как мы их часто называем в практике, мягкие гласные. Гласные *a, o, u, ü*, классифицированные В. В. Радловым как гортанные, в отношении к казахскому языку, по-видимому, следует рассматривать как гласные заднего ряда или твердые, потому что в казахском языке, как в некоторых других тюркских языках, например в турецком¹¹, гортанные гласные не встречаются.

Классификацию гласных по признаку ряда В. В. Радлов дополняет выделением общности отдельных гласных по признаку огубленности или же, как он пишет, в зависимости от «положения губ и зубов». Здесь прежде всего необходимо оговориться по поводу участия зубов в артикуляции тюркских гласных.

В. В. Радлов, разделяя классическую для тюркских языков восьмерку гласных на две группы — лабиализованные и нелабиализованные, последние, на наш взгляд, вполне обоснованно назвал зубными гласными, так как по его описаниям при воспроизведении нелабиальных гласных именно зубы выступают в качестве передней границы рто-глоточного резонатора.

Деление гласных по вертикальному положению языка, которое внешне проявляется также различными степенями раствора рта, на широкие и узкие В. В. Радлов понимает как определенную зависимость качественной

¹⁰ *Баскаков Н. А.* Каракалпакский язык. Кн. 2: Фонетика и морфология. Ч. 1. М., 1952. с. 34—49; *Севортян Э. В.* Фонетика турецкого литературного языка. М., 1955. с. 31—34; *Кенесбаев С. К.* Фонетика. — В кн.: Современный казахский язык. Алма-Ата, 1962. с. 27—32; *Батманов Т. А.* Современный киргизский язык. Ч. 1: Фонетика. Фрунзе, 1953. с. 32; и др.

¹¹ *Севортян Э. В.* Фонетика турецкого литературного языка. М., 1955, с. 31.

характеристики гласных от степени сужения различных частей рто-глоточного резонатора.

Как видим, в классификации тюркских гласных В. В. Радлова выделены те же самые группы гласных, что и в современных классификациях, но с некоторыми особенностями. Так, если в современных классификациях принципы определения таких дифференциальных признаков, как «ряд» и «огубленность», совершенно обособлены, то у В. В. Радлова они противопоставлены, т. е. положение органов речи у «передней границы» лежит в основе признака огубленности, у «задней границы» — в основе признака ряда в пределах единого резонатора, что имеет свои преимущества. Подобное противоположение принципов определения дифференциальных признаков объясняется, очевидно, прежде всего стремлением ученого подчеркнуть эти признаки как внутренние связанные с важнейшей закономерностью тюркских языков в области вокализма — с палатальной и лабиальной гармонией гласных.

Однако наряду с указанным преимуществом в классификации В. В. Радлова имеются моменты, характеризующие несколько нерациональный подход к определению отличительных особенностей тюркских гласных. Так, в классификации В. В. Радлова, в отличие от современных классификаций гласных, не выражено последовательное различие гласных по положению или же по активному участию какого-либо одного речевого органа, например языка (при определении лабиальных и нелабиальных гласных). Это, по-видимому, и послужило причиной того, что классификация тюркских гласных, предложенная В. В. Радловым, в наши дни оказалась неприемлемой. Но, учитывая то, что В. В. Радлов выделял те же самые группы гласных, что и современные фонетисты, можно утверждать, что его классификация в настоящее время устарела по своей форме, но сохранила свое значение по содержанию, так как в принципе совпадает с общепринятой классификацией тюркских гласных.

Прежде чем перейти к рассмотрению степени стабильности явлений гармонии гласных в различных тюркских языках, В. В. Радлов считает необходимым проанализировать состав гласных и некоторые особенности вокализма конкретных языков тюркской семьи.

В казахском языке, как уже отмечалось, В. В. Радлов

выделяет девять гласных: *a, ä, e, o, ö, y, i, u, ü*. Значит, относительно количества и состава казахских гласных он разделяет точку зрения Н. И. Ильминского¹², который также указывал на наличие в казахском языке девяти гласных, но при этом, заключив гласный *ä* в скобки, тем самым отмечал нетипичность этого звука для коренных казахских слов.

П. М. Мелиоранский¹³, следуя за В. В. Радловым, в казахском языке отмечает девять гласных, при этом некоторые из них (*a, o, y, u, i, e*) отождествляет с соответствующими им гласными русского языка, что, как показали современные экспериментальные исследования, является в большинстве случаев ошибочным¹⁴.

И. Лаптев¹⁵ доводит число казахских гласных до 14, так как, во-первых, он различает двойное произношение гласного *e* (долгое и краткое), во-вторых, сочетания сонантов *j, w* с узкими гласными выделяет в качестве отдельных гласных.

Н. Созонтов¹⁶ фиксирует в казахском языке 13 гласных, включая в их число гласные, соответствующие русским *и, ю, я*, а также двойное произношение гласного *e*.

Девять монофтонгов в казахском языке выделял и К. Жубанов¹⁷.

С. К. Кенесбаев, анализируя самые различные аспекты фонетической структуры казахского языка, приходит к выводу, что состав казахских гласных содержит девять монофтонгов, а гласные *и, у* реализуются в виде дифтонгондов¹⁸.

Выделенные С. К. Кенесбаевым дифтонгонды *и, у* в исследовании Ж. А. Аралбаева «Вокализм казахского языка» включены в состав гласных, в результате чего число гласных казахского языка составило 11. «Из один-

¹² Ильминский Н. И. Материалы к изучению киргизского наречия. — Уч. зап. Казанского университета, 1860.

¹³ Мелиоранский П. М. Краткая грамматика казак-киргизского языка. Ч. 1: (Фонетика и этимология). Спб., 1894.

¹⁴ Кенесбаев С. К., Блохина Л. П., Поганова Р. К. Классификация казахских гласных по данным акустического анализа, с. 58—59

¹⁵ Лаптев И. Материалы по казак-киргизскому языку. М., 1900

¹⁶ Созонтов Н. Записки по грамматике киргизского языка. Талкент, 1912.

¹⁷ Жубанов К. Қазақ тілі ғылыми курсы жөнінен лекциялар I кесек: Қазақ тілінің фонетикасы. — Политехникалы мектеп. 1933. № 7—8.

¹⁸ Кенесбаев С. К. Фонетика. с. 18.

надцати корневых гласных. — пишет Ж. А. Аралбаев, анализируя особенности артикуляционной базы казахского вокализма, — пять произносятся с дифтонгоидным призвучком: *и, у* — в любом положении; *е, о, ö* — в начальном положении»¹⁹.

Аналогичный состав гласных (т. е., как и Ж. А. Аралбаев, — 11 гласных) в казахском языке определяет В. М. Шварцман²⁰. Сущность отмеченных разногласий относительно состава гласных в казахском языке заключается в том, что одни языковеды гласные, соответствующие русским гласным *и, у*, рассматривают как дифтонгоиды и не включают их в состав гласных, другие же, несмотря на дифтонгоидный характер, относят их к составу казахских гласных.

Что касается нас, то мы разделяем точку зрения В. В. Радлова и тех языковедов, которые обнаруживают в казахском языке девять гласных, так как дифтонгоидные образования *yj/ij, yw/yw* сохраняют свой сложный, составной характер в любом положении, т. е. двухкомпонентность является постоянным признаком этих дифтонгоидов, в то время как дифтонгоидный характер некоторых несомненных гласных казахского языка проявляется лишь в зависимости от их положения в слове.

Казахский гласный *е*, как утверждает В. В. Радлов, появляется только в корневых слогах, если же он стоит в начале слова, то произносится почти как дифтонг — *iä*, например: *eki-iäki* (Фонетика, с. 11). В данном положении мы считаем необходимым выделить два момента: 1) дифтонговое произношение гласного *е* в анлауте и 2) вариантное различие гласного *е* в инлауте и постлауте. С последним положением В. В. Радлова непосредственно связано разделение казахского гласного *е* на более открытую и более закрытую разновидности.

Для определения характера реализации открытого и закрытого *е* в казахском языке остановимся на высказываниях некоторых современных тюркологов по данному вопросу.

По мнению Э. В. Севортына, «в турецком литератур-

¹⁹ Аралбаев Ж. А. Вокализм казахского языка. Алма-Ата, 1970, с. 39.

²⁰ Шварцман В. М. Экспериментально-фонетическое исследование гласных французского языка сравнительно с гласными казахского языка. Автореф. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1955, с. 246.

ном языке разновидности *e* не развились в отдельные фонемы, как то мы наблюдаем в азербайджанском, казахском, татарском и других тюркских языках»²¹.

К. М. Мусаев в очерке, посвященном вопросам развития казахского литературного языка в советскую эпоху, в начале раздела «Гласные» выделяет гласные *e* и *э* как варианты одной фонемы²².

Факты, подтверждающие мнение Э. В. Севортыяна относительно фонематического различия между открытой и закрытой разновидностями гласного *e*, в казахском языке не обнаруживаются. Такие факты в казахском языке и невозможно встретить потому, что, во-первых, различие по признаку ряда между вариантами гласного *e* в этом языке настолько незначительно, что этот признак не может быть сингармонически релевантным для каждого варианта в отдельности, во-вторых, как утверждает С. К. Кенесбаев, *e* и *э* служат комбинаторным вариантом, встречающимся в морфемах, гласном *a*²³.

Следовательно, В. В. Радлов вполне обоснованно не выделял варианты гласного *e* как самостоятельные гласные казахского языка.

Что же касается особенностей позиционной реализации казахского гласного *e*, на которые указывал В. В. Радлов, то аналогичные факты были зарегистрированы и современными языковедами. Например, С. К. Кенесбаев словно подтверждая положение В. В. Радлова о вариантном различии гласного *e* в инлауте и постлауте, пишет: «Начиная с двухсложных слов первый безударный *e* отличается от второго безударного *e* (и в первом, и во втором случае в позиции после согласного) более ясной артикуляцией: *e* во втором слоге относительно уже, чем *e* в первом слоге»²⁴. В основном не возражая против рассмотренных положений о позиционном различии казахского гласного *e*, мы считаем, что в данном случае перед нами именно такое фонетическое явление, которое требует применения методов объективного анализа, позволяю-

²¹ Севортыян Э. В. Фонетика турецкого литературного языка, с. 24.

²² Мусаев К. М. Казахский язык. — В кн.: Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1960, с. 83, 86.

²³ Кенесбаев С. К. Фонетика, с. 21.

²⁴ Там же, с. 82.

щего «...наблюдать такие тонкости в произношении, которые совершенно недоступны на слух...»²⁵.

Иначе обстоят дела в отношении другого утверждения В. В. Радлова, по которому в казахском языке гласный *e* в абсолютном начале слова реализуется как дифтонг. Подобное звучание анлаутного *e* довольно ясно обнаруживается даже при субъективном, т. е. слуховом, изучении акустико-артикуляторных особенностей этого гласного, например: *ерін* 'губа', *ермек* 'забава', *егіс* 'посев', *емен* 'дуб', *елиші* 'посол' и т. д.

Но все же если мы обратимся к экспериментально-фонетическому сопоставлению палатограмм фонемы *e* в начальной позиции и в инлауте, то получим следующие результаты: «общая площадь касания с нёбом при артикуляции *e* в начальном положении после согласного: в слове *екі* — 6,07 см², в слове *белес* — 2,86 см². Объяснить это можно только тем, — пишет В. М. Шварцман, — что в начальном положении при артикуляции *e* на искусственном нёбе остались следы от дополнительного касания языка с нёбом, появившиеся вследствие произнесения призвука (*j*) перед *e*»²⁶.

Таким образом, современные, как субъективные, так и объективные, методы исследования гласных казахского языка доказывают справедливость и обоснованность точки зрения В. В. Радлова о дифтонгизированном произношении гласного *e* в абсолютном начале слова.

Вместе с тем, исходя из того, что это положение включается В. В. Радловым в абзац, посвященный специально казахскому языку, мы считаем, что подобную дифтонгизацию гласного *e* он рассматривал как одну из характерных особенностей фонетической структуры казахского языка, отличающегося этим признаком от некоторых других тюркских языков, например киргизского, туркменского, турецкого, в которых начальный *e* соответствует недифтонгизированному *э*²⁷.

Итак, проанализировав наблюдения и выводы В. В. Радлова относительно состава гласных и некоторых особенностей произношения гласного *e* в зависимости от

²⁵ Зиндер Л. Р. Общая фонетика. Л., 1960, с. 21.

²⁶ Шварцман Б. М., с. 210.

²⁷ Баскаков Н. А. Каракалпакский язык: Фонетика и морфология. Ч. 1. М., 1952, с. 31; Севортян Э. В. Фонетика турецкого литературного языка. М., 1955, с. 23.

позиции, занимаемой этим гласным в слове, мы можем заключить, что описанные им факты и явления отражены верно и не противоречат результатам исследований современных тюркологов²⁸.

ДИФТОНГИ И ТРИФТОНГИ

В современной тюркологической литературе в зависимости от особенностей фонетической структуры конкретного языка тюркской семьи для выделения дифтонгов применяют два основных критерия. Например, М. Дюсебаева, определяя дифтонги как соединения двух звуков (гласный+гласный, гласный+сонант или сонант+гласный), выражающих одну фонему, в казахском языке выделяет два дифтонга *и, у*, при этом отмечает, что гласные *о, ö* и *е* в абсолютном начале слова также имеют дифтонгизированный характер²⁹.

В понимании сущности дифтонгов М. Дюсебаева придерживается точки зрения В. А. Артемова, который считает, что «...в некоторых языках имеются сложные гласные, в пределах которых совершается скольжение, причем эти качественно своеобразные элементы произносятся и воспринимаются как одно целое, а не как сумма двух частей»³⁰.

В турецком языке, по мнению Э. В. Севортына, «дифтонги как особый тип гласных фонем... отсутствуют», вследствие чего автор выделяет так называемые фонетические или комбинаторные дифтонги, одним из компонентов которых может служить слоговой (*й* или *й*) или неслоговой гласный³¹.

Следовательно, различие критериев выделения дифтонгов в данном случае заключается в выявлении соединений определенных звуков на основе их фонологических или фонетических особенностей. Естественно, в зависимо-

²⁸ Кенесбаев С. К. Фонетика, с. 14—117; Аралбаев Ж. А. Вокализм казахского языка. Алма-Ата, 1970; Джунисбеков А. Гласные казахского языка: (Экспериментально-фонетическое исследование). Автореф. Дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1969.

²⁹ Дүсебаева М. Дифтонгонд дауыстылар. — Уч. зап. Каз. гос. жен. пед. ин-та, 1960, вып. 3, с. 314—323.

³⁰ Артемов В. А. Экспериментальная фонетика. М., 1956, с. 38.

³¹ Севортын Э. В. Фонетика турецкого литературного языка. М., 1955, с. 103.

сти от применяемого критерия количество дифтонгов в каждом языке будет разным³².

Анализировать наблюдения В. В. Радлова над дифтонгами и трифтонгами в казахском языке необходимо с учетом того, что он рассматривал фонетические дифтонги. Не случайно в «Образцах народной литературы тюркских племен» В. В. Радлов выделенные в «Фонетике» дифтонги называл «двугласными»³³.

В. В. Радлов делит казахские дифтонги, как и дифтонги других тюркских языков, на три группы: 1) широкие дифтонги (состоящие из узкого и широкого гласных), например: *ua, iö, ia, ie*, 2) губные дифтонги (состоящие из широкого и узкого губного гласных), например: *ai, äi, oi, öi*; 3) узкие или *i*-дифтонги (состоящие из любого гласного в соединении с *i*), например: *ai, ei, oi, öi, ii, yi*. Широкие дифтонги *ua, ia*, по мнению В. В. Радлова, в основном встречаются в заимствованных словах. Губной дифтонг *ai* из всех дифтонгов этой группы получил наиболее широкое распространение и очень часто встречается во всех западных тюркских языках, в том числе и казахском. Определяя связь дифтонгов с явлениями гармонии гласных в тюркских языках, В. В. Радлов утверждает, что во всех широких дифтонгах ударение падает на вторую часть, т. е. не на узкий, а на широкий гласный, вследствие чего широкие дифтонги в функциональном отношении при сингармонизме могут быть приравнены к широким гласным. В губных дифтонгах ударение приходится также на широкий гласный, и поэтому при гармонии гласных в функциональном отношении губные дифтонги также эквивалентны широким гласным (Фонетика, с. 18—20).

Прежде чем говорить о правомерности выводов В. В. Радлова относительно той или иной связи этих дифтонгов с сингармонизмом казахского языка, проведем компонентный анализ выделенных им дифтонгов.

Как видно из примеров, в качестве первого компонента широких дифтонгов *ua, ia, ie* выступают *u* или *i*, соот-

³² О количестве дифтонгов в каракалпакском языке см.: Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. 2: Фонетика и морфология. Ч. 1. М., 1952, с. 51—55; в турецком: Севортян Э. В. Фонетика турецкого литературного языка. М., 1955, с. 103—105; в башкирском: Дмитриев И. К. Грамматика башкирского языка. М.: Л., 1948, с. 15—16.

³³ Радлов В. В. Образцы. ч. 3. Спб., 1870, с. XXV.

ветствующие, по Радлову, русским гласным *y* и *u* (в слове *них*), немецким *u* (в слове *Muth*) и *ie*, английским *oo* и *ee* (Фонетика, с. X—XI). Однако, как известно, отмеченные русские гласные в казахском языке реализуются в виде сочетаний узких гласных с одним из сонантов *uʷ/üʷ* и *yj/ij*³⁴. Следовательно, дифтонги, выделенные В. В. Радловым, необходимо транскрибировать следующим образом:

uwa — *quʷan* радуйся, *giʷas* спокойный, мирный,
suwa верблюжье молоко, *giʷan* толстый
yja — *taquja* тибетейка, *suja* чернила, *zujan* вред
ije — *gijek* край, *gijen* племянник, *bije* кобыла

Неточность при определении составных частей широких дифтонгов в данном случае заключается в отождествлении русских гласных *y*, *u* и соответствующих им гласных других индоевропейских языков с сочетаниями узких гласных с сонантами в казахском языке.

Даже при субъективном изучении звукового состава таких слов, как *kijjō* 'сажа', *süjök* 'кость', *tüjō* 'верблюд', *süjon* 'обопрись', между гласными *ü* и *ō* ясно слышится сонант *j*. Радлов же его опускает, и поэтому приведенный им дифтонг *üō* для казахского языка является несколько искусственным, иначе говоря, его существование фактами казахского языка не подтверждается.

Таким образом, с фонетической точки зрения³⁵, по которой к дифтонгам относятся не только сочетания двух гласных, но и сочетания гласного с сонантом, выделенные В. В. Радловым широкие дифтонги необходимо рассматривать как трифтонги, так как они представляют собой не двух-, а трехкомпонентные сочетания, включающие в себя не только гласные, но и один из сонантов (в трифтонгах *ijjō*, *yja* сонант проявляется более четко, чем в остальных случаях).

Некоторые возражения вызывает и радловское понимание роли рассмотренных сочетаний в сингармонизме казахского языка. Так, анализ сингармонических цепочек

³⁴ Кенесбаев С. К. Фонетика, с. 18; Аралбаев Ж. А. Вокализм казахского языка, с. 39.

³⁵ Баскаков Н. А. Каракалпакский язык, с. 51; Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка, с. 15—16.

в словах, содержащих в себе вышеотмеченные сочетания, показал, что во всех случаях последовательно проявляется аттракция гласных по признаку ряда, например: *qıwınarlıq* 'достойный радости', *qıwattı* 'состоятельный', *taqujası* 'его тубетейка', *zuıandıq* 'вредительство', *küwälik* 'свидетельство', 'беспринципный', *süjökteri* 'их кости', *süjönışim* 'моя опора', *ğijenderi* 'его племянники', *bijelerim* 'мои кобылы'. Значит, выделение в этих сочетаниях последних гласных по признаку раствора, по-видимому, нецелесообразно, так как определяющим в данном случае выступает не этот признак, а именно «мягкость» или «твердость» гласных.

Значительное внимание при определении отношения рассматриваемых сочетаний к тюркскому сингармонизму В. В. Радлов уделяет ударению, падающему на их последний компонент, но, как видно из примеров, ударение вовсе не отличается стабильностью и очень часто даже не приходится на эти сочетания. Все это говорит о том, что палатальная гармония в казахском языке выражена очень сильно, и последовательность гласных в сочетаниях, названных В. В. Радловым «широкими дифтонгами», не противоречит, а наоборот, полностью подчиняется законам этого вида гармонии гласных; при этом, как правило, последовательность гласных обусловлена качеством огласовки гласного начального слога (когда рассматриваемые сочетания встречаются в начале слова, такую функцию выполняют их первые компоненты).

Сочетания *ai* и *äi*, включенные В. В. Радловым в группу губных дифтонгов, содержат, по его мнению, в качестве второго компонента гласные *i* и *ï*; первый соответствует русскому *y*, второй — казахскому *ү*. Объективный же анализ выявил несколько иной состав этих дифтонгов: вместо *i*, *ï* был обнаружен сонант *ш*. Это подтверждают не только результаты исследований деятельности, интенсивности и спектрального состава сочетаний гласных с сонантами, но и некоторые факты фонематического порядка³⁶.

Третий «губной дифтонг» *oi* (*ow*) в современном казахском языке нам обнаружить не удалось. Слово *touba* 'раскаяние', которым В. В. Радлов иллюстрирует это сочетание, либо является искаженной формой слова *toba*

³⁶ Джунисбеков А. Гласные казахского языка, с. 57.

или *täwbä*, либо связано с произношением индивидуума, от которого ученый записал это слово.

Что касается сочетания *öw* (у Радлова *öü*), то А. Джунисбеков утверждает, что в казахском языке подобное сочетание не встречается³⁷. В. В. Радлов же выделяет слово *törtöw* 'четверо', на конце которого достаточно отчетливо выступает сочетание гласной *ö* с сонантом *w*. Другими примерами, подтверждающими наличие *öw* в казахском языке, могут быть следующие слова: *üšöw* 'трое', *küjöw* 'зять, муж', *tölöw* 'платить', *köktöw* 'наметывать' и т. д.

Итак, разложив «губные дифтонги» на сочетания гласных с сонантом *w*, можно утверждать, что отношение этих сочетаний к сингармонизму казахского языка может определяться широкими гласными, но не потому, что на них приходится ударение (на что указывал В. В. Радлов), а потому, что второй компонент является не гласным, а сонантом.

Так называемые узкие, или *i*-дифтонги, по Радлову, могут быть образованы посредством добавления коротко звучащего *i* к любой гласной. Передается же он знаком *i*, хотя по транскрипции ученого сонант, названный им «гласным-согласным», обозначается как *j*. Но подобная непоследовательность в транскрипции вовсе не мешает М. Ряснену, ссылаясь на В. В. Радлова, называть эту группу дифтонгов *i*-дифтонгами³⁸.

Из девяти дифтонгов этой группы семь легко раскладываются на гласную и сонант *j*:

aj—aj луна, *taj* жеребенок, *ajqaj* крик, *ajyr* вилы
äj—äjnek стекло, *bäjge* приз, *äjel* женщина
ej—kedej бедняк, *kejde* иногда, *bejnet* мука
oj—ojna играй, *bojdaq* холостой, *äwosqöj* любитель
öj—söjlöt предложение, *köjläk* платье, *ögöj* перодной
uj—ujqta спи, *tujaq* копыто, *qujun* вихрь
äj—kүйik горелый, *gүйrik* быстроногий, *үйrik* утка

В число этих дифтонгов, довольно точно разложенных В. В. Радловым на компоненты, можно было бы, конечно, включить и сочетание *uj*, но из-за того, что это сочетание, как и дифтонг *ij*, отличается от предыдущих боль-

³⁷ Там же, с. 48.

³⁸ Ряснен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955. с. 65—68.

шой «спаянностью», другими словами, их компоненты на слух выступают неотчетливо, рассмотрим их отдельно. Так, в слове *qyjyn* 'тяжелый, трудный' В. В. Радлов выделяет сочетание *yi*, а в слове *ġyj* (*ġī*) 'собирать' это же сочетание он заменяет долгим *i*. Однако, во-первых, отсутствие в казахском языке долгих гласных³⁹, распространенных в туркменском⁴⁰ и якутском языках⁴¹, в настоящее время считается бесспорным, во-вторых, при аффиксальном словообразовании в производном *gyjnalys* 'собрание' последовательно выражена заднерядная аттракция. Предполагать, что причина подобной неточности в сходстве артикуляционных движений, трудно, так как *y* и *i* в отношении горизонтального положения языка соответствуют совершенно противоположным позициям. Очевидно, в данном случае непоследовательность выделения сочетания *yj* обусловлена, с одной стороны, тем, что компоненты этого сочетания характеризуются большой слитностью, спаянностью, а с другой — возможностью согласного *ġ* употребляться как с твердыми, так и с мягкими гласными, в то время как *q* может сочетаться только с твердыми гласными. Вместе с тем сам факт выделения в отдельных случаях трудноулавливаемого на слух сочетания гласного *y* с сонантом *j* говорит о замечательной способности В. В. Радлова удивительно тонко анализировать очень сложные фонетические явления.

Относительно дифтонга *ij* В. В. Радлов утверждает, что он во всех тюркских языках преобразуется в *i*; исключение составляют языки Алтая, в которых диалектально встречается *ij* (у Радлова *ii*) вместо *i* (Фонетика, с. 20). Последующие же исследования различных тюркских языков обнаружили довольно широкое распространение сочетания *ij*, например в кумыкском, карачаевском, балкарском, киргизском и каракалпакском — *tij* 'трогать, касаться'⁴².

В казахском языке сочетание *ij* В. В. Радлов не выделяет, а в словах, в которых объективный анализ все же обнаруживает этот дифтонг, автор замещает его долгим

³⁹ Кенесбаев С. К., Фонетика, с. 18—19.

⁴⁰ Азимов П. А., Амансариев Д., Сарыев К. Туркменский язык. — В кн.: Языки народов СССР. М., 1966, т. 2, с. 92.

⁴¹ Убрятова Е. И. Якутский язык. — В кн.: Языки народов СССР. М., 1966, т. 2, с. 404.

⁴² Ряснен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков, с. 68.

і; например, *bij* 'судья' транскрибируется им как *bī* (Фонетика, с. 72).

Наличие дифтонга *ij* в казахском языке выявляется при сопоставлении сингармонических цепочек в производных от таких слов, как *tijin* 'копейка' и *tyjyn* 'белка':

<i>tijin-der</i>	копейки	—	<i>tyjyn-dar</i>	белки
<i>tijin-i</i>	его копейка	—	<i>tyjyn-y</i>	его белка
<i>tijin-ge</i>	копейке	—	<i>tyjyn-ya</i>	белке
<i>tijin-di</i>	копейку	—	<i>tyjyn-dy</i>	белку

Во всех этих примерах наблюдается абсолютная сингармоническая релевантность, присущая двум противоположным признакам ряда, другими словами, сингармонические цепочки двух групп слов состоят либо только из гласных переднего ряда, либо из гласных заднего ряда. А если так, то в слове *tyjyn* сингармоническая последовательность гласных определяется твердым *y* первого слога, а в слове *tijin* — мягким *i*.

Таким образом В. В. Радлов, отмечая сочетание *ij* в одних тюркских языках, не смог обнаружить его в других, в частности в казахском языке. Употребление же им долгого *ī* вместо рассматриваемого сочетания, по-видимому, объясняется тем, что сочетание *ij* отличается большей спаянностью, чем *yj*, что также связано с близостью артикуляторных движений, наблюдающихся при произношении его компонентов.

Трифтонги, по мнению В. В. Радлова, — это редко встречающиеся звуковые явления тюркских языков. При этом он считает, что если сталкиваются три гласных, то они «разделяются на два слога или произносятся как два гласных, и только в некоторых словах... казахского языка можно встретить трифтонги», например *uai*, *üöü*, *äüö* (Фонетика, с. 21). В последних двух трифтонгах В. В. Радлов отмечает такое слияние второго компонента с третьим, что все сочетание в целом произносится как дифтонг. Примечательно также и то, что в некоторых случаях В. В. Радлов фиксирует различное произношение одного и того же трифтонга. Так, слово *äweli* 'вначале', 'прежде' по его материалам в казахском языке имеет двойное произношение — *öüö* и *äü'öl*, причем последнее, по мнению автора, характерно для грамотных казахов, естественно стремящихся орфоэпическую форму приблизить к орфографической. Если подобное раздвоение в

произношении современного *äweli* в начале второй половины XIX в. действительно имело место, то на примере этого слова можно проследить, как под влиянием орфографии лабиальная гармония в казахском языке подвергается некоторому ослаблению.

Рассматривая казахские дифтонги, мы делили их на сочетания гласных с одним из сонантов, при этом для последних были характерны некоторые консонантные признаки. Идеальных дифтонгов, т. е. таких дифтонгов, которые состояли бы из двух несомненных гласных, в современном казахском языке нам обнаружить не удалось. Отсюда выходит, что наличие идеальных трифтонгов в современном казахском языке также невозможно. Для того чтобы убедиться в этом, рассмотрим каждый из трифтонгов, встречающихся, по Радлову, в казахском языке.

Например, *ïöï*. В первой части этого сочетания повторяется та же неточность, что и в случае с «дифтонгом» *ïö*, т. е. опущен сонант *j*, довольно четко воспринимаемый даже при субъективном изучении. Конечный компонент, как отмечалось выше, Радловым неточно определяется как гласный, в то время как в данной позиции вместо него выступает мягкий сонант *ш* (например, *ïšöw* 'три'). Таким образом, «трифтонг», отмеченный В. В. Радловым, состоит не из трех, а из четырех компонентов, причем в качестве последнего компонента употребляется не гласный *ï*, а сонант *ш*, например: *küjöw* 'муж, зять', *süjöw* 'опора' и т. д. Сонант *j* в этих примерах в силу своего консонантного характера выполняет функцию «разделителя» гласных *ï* и *ö*. В сочетании *öwö* (у Радлова *äüö*) аналогичную функцию выполняет сонант *ш*. Примерами, иллюстрирующими сочетание *äwö* в казахском языке, могут быть следующие слова: *äwöz* 'мелодичность', *äwösqoj*, 'любитель, болельщик' и т. д.

Более сложное явление представляет собой обнаруженное Радловым казахское сочетание *uai*. Здесь так же, как и во всех других сочетаниях, сохраняется принцип разделения двух гласных одним из сонантов. Иначе говоря, идеальное дифтонгизирование гласных в данном сочетании неправомерно, так как между гласными *u* и *a*, на наш взгляд, хотя и нечетко, но все же слышится сонант *ш*. Вместе с тем *u* в сочетании *uai* нельзя отождествлять с русским *у*. Так, в слове *suwajl* 'брехун' хотя

по законам орфографии в начальном слове пишется русская *y*, произносится она как сочетание *iw*. Вот другие примеры, подтверждающие наличие рассматриваемого сочетания в казахском языке: *qıwajın* 'погоню', *biwajın* 'свяжу' и т. д.

Сочетание *ïöï*, по Радлову, также характерное для казахского языка, вероятнее всего, в нем не встречается. Два слова *öïöl* 'прежде, вначале', *öïö* 'воздух', которыми он иллюстрирует это сочетание в казахском языке, произносятся несколько иначе: в первом слове начальный *ö* заменен гласной *ä* (*äwöli*), во втором вместо *ö* в анлауте произносится гласный *ä* (*äwe*).

Таким образом, основная неточность В. В. Радлова при выделении дифтонгов и трифтонгов казахского языка состоит в том, что он не замечает консонантно-разделительного характера сонантов *j* и *w*, вследствие чего среди материалов ученого часто можно встретить и сочетания двух несомненных гласных, не существующих в казахском языке, и случаи замены сочетаний *ij*, *yj* долгой гласной *i*, и случаи отождествления сочетания *iw* с гласными других языков. По этой же причине в действительности четырехкомпонентные сочетания (*ïjöw*, *iwaј*) определяются В. В. Радловым как трифтонги.

Если придерживаться традиционного понимания природы дифтонгов и трифтонгов, т. е. включать в их группу сочетания гласных с сонантами, то казахские трифтонги В. В. Радлова можно дополнить следующим рядом сочетаний:

awa—*sawat* грамота, *awa* воздух, *gawar* пойдет (снег, дождь)
aja—*bajan* нмя, *tajaq* палка, трость, *ajaq* нога, чаша

awu—*awuz* рот, *awur* тяжелый, *gawın* дождь
aju—*ajur* вилы, *dajın* готовый, *tajın* мой жеребенок
yja—*zyjan* вред, *qujal* фантазия, *syja* чсрилла

iwa—*qiwan* радуйся, *qawat* мощь, *suwat* верблюжье молоко
ija—*ija* гнездо, *ijat* совесть, стыд, *qıjady* он будет лить

oja—*ojan* проснись, *qojan* заяц, *gojady* он уничтожит
ıju—*sujuq* жидкий, *tıjuq* тупик, *qıjun* вихрь
ıjü—*müjüz* рог, *tüjür* крупинка, *ıjup* нагромоздив
ıji—*tijin* копейка, *kijim* одежда, *kijiz* войлок
yju—*tyjın* белка, *tyjyt* запрет, *syjyt* вместимость

ıje—*gıjek* край, *gijen* племянник, *bije* кобыла
ıjö—*küjö* сажка, *tüjö* верблюд, *süjök* кость

äie—äjel женщина
äwi—täwir здоровый, *däwir* период

Во всех этих трифтонгах с различной степенью четкости функцию разделителя двух гласных выполняет один из сонантов — *j* или *w*. При этом, если «притяжение» гласных по признаку ряда в каждом отдельно взятом трифтонге проявляется очень последовательно, то этого нельзя сказать о «притяжении» гласных по огубленности и неогубленности (исключение составляют лишь трифтонги *ijö, ijü, iju*).

В современном казахском языке встречаются также сочетания гласных с сонантами, состоящие из большего числа компонентов, чем трифтонговые образования, например: *sawajun* 'буду донть', *qiwajun* 'погоню', *säjöjin* 'поцелую' и т. д. Иногда слова представляют собой комбинации только гласных с сонантами, без согласных, например: *ajaw* 'жалеть', *ojaw* 'проснувшийся' и т. д. Но так как подобные сочетания в материалах В. В. Радлова по казахскому языку не отмечаются, то мы ограничиваемся лишь их констатацией.

Итак, рассмотрев классификацию казахских дифтонгов и трифтонгов, изложенную В. В. Радловым в «Фонетике северных тюркских наречий», мы пришли к выводу, что трифтонги автором описаны неполно. По сравнению с трифтонгами более обстоятельно проанализированы впервые в труде В. В. Радлова дифтонги казахского языка.

Некоторые неточности, допущенные В. В. Радловым при выделении казахских дифтонгов и трифтонгов, объясняются большей слитностью их компонентов, трудно различаемых при субъективном способе изучения сложных фонетических явлений.

О НЕКОТОРЫХ ЯВЛЕНИЯХ ГАРМОНИИ ГЛАСНЫХ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

Обобщенные под названием «гармония гласных» явления вокализации тюркских языков, по Радлову, являются выражением стремления произносить отдельные слова по возможности в равномерной долготе и одинаковом положении рто-глоточного резонатора. В зависимости от действия законов гармонии гласных он считает возможным выделить в лексических единицах тюркских языков следующие комбинации гласных:

1. Слова, которые произносятся при равномерном, открытом почти до самой гортани ротовом резонаторе (слова с гласными заднего ряда),

а) когда в качестве передней границы рто-глоточного резонатора выступают губы (слова с лабиализованными гласными заднего ряда) и

б) когда в качестве передней границы рто-глоточного резонатора выступают зубы (слова с нелабиализованными гласными заднего ряда).

2. Слова, которые произносятся при укороченном или суженном у твердого нёба резонаторе (слова с гласными переднего ряда),

а) когда в качестве передней границы рто-глоточного резонатора выступают губы (слова с лабиализованными гласными переднего ряда) и

б) когда в качестве передней границы рто-глоточного резонатора выступают зубы (слова с нелабиализованными гласными переднего ряда).

Благодаря палатальной гармонии гласных разделение слов с гласными переднего ряда и гласными заднего ряда строго соблюдено во всех тюркских словах (Фонетика, с. 22). Единственным гласным, «уклоняющимся» во всех тюркских языках от нёбной гармонии, В. В. Радлов считает краткий нелабиализованный переднего ряда *i* (Фонетика, с. 22). «Причиной такого удивительного явления, когда такой строго нёбный звук действует как нёбно-индифферентный, — пишет В. В. Радлов, — может быть только то, что повсюду он является более поздним образованием, чем первоначальное фонетическое влияние сингармонизма стало чисто морфологическим элементом, так что как более позднее явление он был уже не в состоянии больше разрушать первоначальную языковую картину» (Фонетика, с. 22).

Случаи «нейтральности» *i* (но не долгого *ī*) в различных тюркских языках после В. В. Радлова отмечались многими как зарубежными, так и отечественными тюркологами. Однако некоторые из них высказывали предположение, что гласный *i* первоначально был нейтральным в отношении гармонии гласных⁴³. При этом они, в част-

⁴³ *Gabain A. von. Alttürkische grammatik. Leipzig, 1950, S. 45; Ramstedt G. J. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. Bd. I Lautlehre. Helsinki, 1957. S. 183.*

ности, исходили из того, что наблюдающаяся в орхоно-енисейской письменности непоследовательность в употреблении знаков для палатализованных и непалатализованных согласных может быть связана с непоследовательностью и самой гармонии гласных.

Но эти же факты, оказывается, можно интерпретировать и совершенно иначе. Например, М. А. Черкасский, не сомневаясь в том, что в языке орхоно-енисейских памятников, как и в современных тюркских языках, были сингармонические варианты, пишет: «Поскольку же гласные переднего и заднего ряда (по крайней мере неогубленные) графически не дифференцировались, то можно предположить, что колебания в согласовке основ (а значит, и целых словоформ) по признаку ряда нашли свое отражение в непоследовательном употреблении знаков для палатализованных и непалатализованных согласных (в том числе и входящих в состав аффиксов). Кроме того, не в пользу гипотезы о первоначально «нейтральном» *i* свидетельствует и сопоставление с другими алтайскими языками. Во всяком случае, как полагал Б. Я. Владимирцов, еще в классическом монгольском языке гласные *i*, *ᠠ* различались. В новоуйгурском «нейтральность» *i* имеет явно вторичный характер»⁴⁴.

Следовательно, М. А. Черкасский разделяет мнение В. В. Радлова об индифферентности *i* как сравнительно позднем явлении. Если учесть, что в 1882 г., когда была издана «Фонетика», орхоно-енисейские памятники не были дешифрованы, то предположение В. В. Радлова о вторичности «нейтрального» *i* в отношении тюркского сингармонизма мы расцениваем как несомненно прозорливое.

Что касается распространения нейтральности *i* в современном казахском языке, то можно сказать, что подобные явления здесь встречаются явно спорадически⁴⁵. Например, *balaniki*, *qoraniki*, *tawdiki* и т. д. В этих словах анлаутные и постлаутные гласные отличаются друг от друга по признаку ряда и тем самым нарушают один из основных принципов тюркского сингармонизма. Но даже в этом случае нарушение не носит резкого, четкого характера (см., например, в уйгурском: *ata* отец — *atisi*

⁴⁴ Черкасский М. А. Тюркский вокализм и сингармонизм. М. 1965, с. 45.

⁴⁵ Кенесбаев С. К., с. 113.

его отец — *atimiz* наш отец) ⁴⁶, так как первый гласный в суффиксах *-niki*, *-diki*, *-tiki* произносится не как *i*, а как нечто среднее между *i* и *y* (по терминологии В. В. Радлова, как «замутненное» *y*).

С индифферентностью *i*, по Радлову, непосредственно связан палатализирующий умлаут, т. е. такой вид регрессивной ассимиляции, при котором гласный первого слога определяется качеством огласовки гласного *i*, находящегося в инлауте или постлауте. Так как подобное явление особенно характерно для уйгурского языка, то основная масса примеров, иллюстрирующих умлаут в «Фонетике» Радлова, представлена уйгурскими словами, например: *al* 'лошадь', *eli* 'его лошадь'; *al* 'взять', *elip* 'взяв'; *taš* 'камень', *leši* 'его камень' и т. д.

М. Рясянен, ссылаясь на В. В. Радлова, приводит один случай палатализирующего умлаута в казахском языке — *käri* 'старый' < *kary* ⁴⁷. Но, во-первых, В. В. Радлов на примере слов *käri* 'старый' < *kary* (а также *bäri* 'все' < *bary*) пытается объяснить не момент регрессивной ассимиляции, а один из случаев появления долгих гласных (Фонетика, с. 83); во-вторых, ни В. В. Радловым, ни М. Рясяненом не отмечается, в каком из тюркских языков слово *kary* употреблялось или употребляется отдельно или в качестве межъязыкового сингармонического варианта слову *käri*; в-третьих, даже в случае существования слова *kary* по фонетическим законам казахского языка глухой согласный *k* не может предшествовать гласному *a*, вместо него, как правило, произносится его твердый вариант *q*.

Сказанное не означает, что в казахском языке не встречаются слова, подвергшиеся регрессивной ассимиляции типа *i*-умлаут. Если вместо *kary* и *bary* в качестве противоположений к словам *käri* и *bäri* взять соответственно *qart* 'старика' и *barlyq*, то ясно видно, как под влиянием *i* твердый *a* переходит в мягкий *ä*.

Однако стабильность вокализации казахских слов по признаку ряда очень часто препятствует широкому распространению явлений палатализирующего умлаута в этом языке, вследствие чего слова других тюркских языков, в которых наблюдается трансформация гласных по при-

⁴⁶ Баскаков Н. А., Насилов В. М. Уйгуро-русский словарь. М., 1939, с. 189—190.

⁴⁷ Рясянен М. Материалы, с. 71.

знаку ряда, в казахском языке сохраняют качество огласовки.

Сравните, например, несколько казахских и башкирских слов:

казахский язык	башкирский язык
<i>aqyrın</i> тихо	<i>äkřin</i> < <i>aqırın</i> тихо
<i>salmaq</i> вес	<i>hālmāk</i> < <i>halımaq</i> увесистый
<i>assu</i> горький, кислый	<i>āsi</i> < <i>acı</i> горький, кислый
<i>gabystır</i> клеть	<i>jābistır</i> < <i>jabistır</i> клеить ⁴⁸

Именно стабильность палатальной гармонии в общетюркском плане, по-видимому, явилась основанием для утверждения В. В. Радлова, что нёбная аттракция предшествовала лабиальной гармонии в тюркских языках. «Когда нёбное сродство, — пишет он, — превратилось в единый общедействующий закон, в различных диалектах мы видим появление лабиального сродства в совершенно различной степени интенсивности» (Фонетика, с. 23). Причины подобного соотношения палатальной и лабиальной гармонии в историческом плане В. В. Радлов определяет факторами нелингвистического порядка, а именно тем, что фиксация положений губ при произношении губных гласных в многосложных словах связана с большими трудностями, чем фиксация того или иного горизонтального положения языка при произношении гласных переднего или заднего ряда.

С артикуляционными трудностями при переходе от губного гласного к согласному, а от последнего опять к губному гласному, по мнению В. В. Радлова, в тюркских языках также связана и различная степень распространения лабиальной гармонии.

Для более точного определения степени распространения лабиальной гармонии в тюркских языках В. В. Радлов считает необходимым проанализировать последовательность нёбного «притяжения» в четырех случаях: 1) между широкими гласными; 2) между широкими и узкими гласными; 3) между узкими гласными; 4) между узкими и широкими гласными.

⁴⁸ Кукбаев Д. Г. Вариантные слова, или сингармонические параллелизмы, в башкирском языке. — Уч. зап. Башк. гос. ин-та им. К. А. Тимирязева. Уфа. 1955. вып. 5, № 1, с. 143.

Рассмотрев различные случаи последовательности широких и узких гласных, он выявил следующее.

1. Лабнальное влияние широкого лабнального гласного:

а) гласный, следующий за широким лабнальным гласным, есть всегда лабнальный, т. е. за *о* и *ö* должны всегда следовать *о* и *ö* (в алтайских, теленгутских, киргизском и якутском диалектах);

б) широкие лабнальные гласные *о* и *ö* перешли в *и* и *й* и потеряли силу лабнального притяжения (в диалектах восточной России).

2. Лабнальное влияние широких лабнальных гласных на узкие гласные:

а) за широкими лабнальными гласными всегда следуют узкие лабнальные гласные, т. е. за *о* следует всегда *и*, за *ö* — всегда *й* (в казахском, киргизском и во всех южных диалектах);

б) широкий губной гласный заднего ряда *о* не оказывает почти никакого лабнального притяжения на узкие гласные, в то время как широкий губной гласный переднего ряда *ö* всегда оказывает это влияние, т. е. за *о* следует без исключения *у*, реже *и*, тогда как за *ö* всегда следует *й* (во всех восточных диалектах).

3. Лабнальное влияние узких лабнальных гласных на узкие гласные: за узкими лабнальными гласными всегда следуют те же узкие лабнальные гласные, т. е. за *и* всегда следует *и*, за *й* — всегда *й* (в казахском, киргизском и в южных диалектах).

4. Лабнальное влияние узких лабнальных гласных на широкие гласные: из узких лабнальных гласных только мягкие влияют на последующий широкий гласный, т. е. за *и* следует *а*, в то время как за *й* всегда следует *ö* (в алтайском, киргизском и казахском) (Фонетика, с. 24—25).

Как видим, В. В. Радлов стремится не только выделить все возможные сингармонические модели, но и определить, насколько лабнальная гармония гласных характерна для того или иного языка тюркской группы.

Что касается сингармонических моделей, характеризующих лабнальную гармонию гласных в казахском языке, то мы считаем, что они, в общем, описаны вполне верно. Действительно, гласный *й* начального слога об-

условливает выбор как широкого, так и узкого огубленного гласного, например:

<i>ü—ü</i>		<i>ū—ō</i>	
<i>tūsüw</i>	спускаться	<i>kūrōk</i>	лопата
<i>tüzüw</i>	прямой	<i>küjōw</i>	зять, муж
<i>müjüz</i>	рог	<i>süjōw</i>	опора
<i>tüjür</i>	кусочек	<i>tüjō</i>	верблюд
<i>küdük</i>	сомнение	<i>kürōñ</i>	темно-коричневая масть лошади

Это означает, что лабиальный признак в случае с мягким губным *ü* начального слога выступает как абсолютно сингармонически релевантный. Подобная же сингармоническая релевантность присуща лабиальному признаку, когда в начальном слоге употребляется огубленная гласная переднего ряда *ō*, например:

<i>ō—ō</i>		<i>ō—ū</i>	
<i>tōrō</i>	человек ханского происхождения	<i>bōlüw</i>	делить
<i>törtōw</i>	четверо	<i>sōgūw</i>	распороть
<i>ōlōñ</i>	песня, стих	<i>kōrūw</i>	видеть
<i>kōldōñōñ</i>	поперек	<i>kōlūk</i>	транспорт
<i>bōtōñ</i>	чужой		

Справедливо и утверждение В. В. Радлова о способности огубленных гласных заднего ряда *o*, *u* регламентировать в последующих слогах огубленный гласный заднего ряда *u*, например:

<i>o—u</i>		<i>u—u</i>	
v			
<i>gojuw</i>	уничтожать	<i>buzuw</i>	ломать
<i>tojuw</i>	насытиться	<i>qusuw</i>	тошнить
<i>sojuw</i>	заколоть	<i>suluw</i>	красивый
<i>orun</i>	место	<i>qulun</i>	жеребенок
<i>soyus</i>	война	<i>tuqum</i>	семена
<i>bolus</i>	волостной	<i>murun</i>	нос

Здесь лабиальный признак выступает как относительно сингармонически релевантный, так как в казахском языке за гласными *u* и *o* из лабиальных может следовать только узкая *u* (неначальная *o* встречается лишь в заимствованных словах, например, *космос*). В последних трех словах как левого, так и правого столбца примеров гласные неначальных слогов в письме обозначаются буквой

ы, но, несмотря на это, они в данном случае произносятся как узкая огубленная заднего ряда и⁴⁹.

«В то время, как широкие лабиальные гласные, — пишет В. В. Радлов, — во всех следующих за корневым словом слогах произносятся четко и ясно, мы видим, что узкие гласные во всех диалектах, за исключением южных, теряют свое энергичное, определенное произношение и превращаются в мутные (*getrubte*) гласные» (Фонетика, с. 25). Эти гласные в транскрипции В. В. Радлова имеют специальное обозначение: *ÿ*, *ỵ̈*, *ị̈*.

К сожалению, автор не останавливается на причинах превращения узких гласных неначальных слов в «мутные», неопределенные гласные со слабой артикуляцией и ограничивается лишь констатацией подобного явления в различных тюркских языках. Современные же тюркологи, называя рассматриваемые явления редукцией, объясняют их тесным взаимодействием количественного и качественного признаков, конструирующих фонологическую оппозицию кратких (нормальных) и сверхкратких гласных. «Это взаимодействие, — пишет А. М. Щербак, — выразилось в некотором расширении сверхкратких гласных и в ослаблении их артикуляции»⁵⁰.

Одновременно с редуцированием, по Радлову, в тюркских языках наблюдается постепенное ослабевание лабиальной аттракции узких гласных в многосложных словах. Иначе говоря, чем дальше узкие гласные неначальных слогов расположены от гласной (будь то широкая или узкая) начального слога, тем, во-первых, менее ясным становится их произношение, во-вторых, возникает большая возможность употребления нелабиального гласного. Отмечая неодинаковую степень последовательности лабиальной гармонии и редукции в различных тюркских языках, В. В. Радлов считает достаточным представить свои наблюдения в одном языке, а именно в казахском, и дает следующую таблицу и ряд примеров:

⁴⁹ Кенесбаев С. К., с. 38.

⁵⁰ Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков, с. 58.

Корневой слог	Второй слог	Третий слог	Четвертый слог	Пятый слог
<i>a</i>	<i>y</i>	<i>y</i>	<i>y</i>	<i>y</i>
<i>y</i>	<i>y</i>	<i>y</i>	<i>y</i>	<i>y</i>
<i>e, ä</i>	<i>ι</i>	<i>ι</i>	<i>ι</i>	<i>ι</i>
<i>i</i>	<i>i, ι</i>	<i>ι</i>	<i>ι</i>	<i>ι</i>
<i>o</i>	<i>υ</i>	<i>υ</i>	<i>υ, y</i>	<i>y</i>
<i>ö</i>	<i>ü</i>	<i>ü</i>	<i>ü, ι</i>	<i>i, ü</i>
<i>u</i>	<i>υ</i>	<i>υ, y</i>	<i>y, υ</i>	<i>y</i>
<i>ü</i>	<i>ü</i>	<i>ü</i>	<i>ü, ι</i>	<i>ι</i>

<i>al-dyr-ys-yp-ty</i>	<i>öl-tür-üs-üp-ti</i>	<i>ur-üs-yp-ty-ηyz</i>
<i>kel-is-tir-ip-ti</i>	<i>öl-tür-üs-üp-ti</i>	<i>gür-üs-tür-dü-ηiz</i>
<i>tol-tür-üs-üp-tu</i>	<i>öl-tür-üs-ip-ti</i>	<i>gür-üs-tür-di-ηiz</i>
<i>tol-tür-üs-up-ty</i>	<i>ur-üs-up-tu-ηyz</i>	<i>gür-üs-tir-di-ηiz</i>
<i>tol-tür-üs-yp-ty</i>	<i>ur-üs-up-ty-ηyz</i>	

Последние шесть примеров правого столбца представляют собой искусственно составленные формы, не встречающиеся в казахском языке. Так как подобные неточности морфологического характера в данном случае не имеют принципиального значения, мы считаем целесообразным просто заменить их следующими словами:

<i>ur-üs-tür-dü-ηyz</i>	<i>bür-üs-tür-dü-ηiz</i>
<i>ur-üs-tür-dy-ηyz</i>	<i>bür-üs-tür-di-ηiz</i>
<i>ur-üs-tyr-dy-ηyz</i>	<i>bür-üs-tir-di-ηiz</i>

Как видно из примеров, В. В. Радлов отмечает, с одной стороны, колебания в распространении лабиального «притяжения» гласных, а с другой — редуцированность всех узких гласных неначальных слогов, за исключением *y*.

Вполне возможно, что отмеченные В. В. Радловым колебания в распространении лабиального «притяжения» встречаются в казахском разговорном языке, но все же более типичными в этом отношении среди вышеприведенных примеров являются те, в которых последовательность лабиальной гармонии прослеживается до третьего слога включительно.

Что касается «мутности», «неопределенности» всех узких гласных неначальных слогов, то данное утверждение В. В. Радлова, как нам кажется, частично противоречит выводам некоторых современных фонетистов. Э. В. Севортян и В. А. Богородицкий выдвинули следующее положение: позицией максимальной фонематической дифференциации гласных служит начальный слог, которому принадлежит главенствующая роль в определении звукового облика слова; позицией же наиболее полного выявления фонетических (матернатальных) особенностей гласных является конечный (особо открытый) ударный слог⁵¹.

В примерах же В. В. Радлова ударение приходится на предпоследний слог (по схеме — четвертый слог), гласный которого, как и гласные неударных слогов, определяются автором как «мутные», «неопределенные». Следовательно, В. В. Радлов в данном случае не учитывает влияния ударения, обуславливающего ясное и вполне определенное произношение гласных в одном из неначальных слогов.

Вместе с тем некоторая устойчивость узких гласных казахского языка в безударном слого, отмеченная В. В. Радловым и названная А. М. Щербаком явлением «несколько загадочным»⁵², подтверждается наличием значительного количества слов типа *bolus* 'волостной', *orun* 'место', *qulun* 'жеребенок', *tuqum* 'семена' и т. д., в которых безударные узкие гласные не выпадают, ср.: *bo-lısu*, *o-runı*, *qul-unı*, *tu-qumı*.

О частичной делабиализации огубленных гласных в тюркских языках В. В. Радлов пишет: «Во всех тюркских диалектах, кроме того, выступает еще постепенное ослабление лабиального влияния, которое обуславливается отдаленностью гласных корневого слога» (Фонетика, с. 25).

Но едва ли такое сложное явление, как ослабление лабиальной гармонии, можно объяснить лишь отдаленностью гласного начального слога от гласных неначаль-

⁵¹ Богородицкий В. А. О корневом вокализме и его изучении в казанско-татарском диалекте. — Вестник научного общества татаро-ведения, 1928, 8, с. 113; Севортян Э. В. Материалы сравнительной фонетики турецкого, азербайджанского и узбекского литературных языков. — В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. I: Фонетика. М., 1955, с. 17.

⁵² Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков.

ных слогов. Выдвинутая же В. В. Радловым мотивировка процесса длабнализации огубленных гласных трудностью их произношения в многосложном слове, другими словами, трудность совмещения в одной просодической единице губных артикуляций, в свою очередь, требует «дешифровки», более детального, конкретного рассмотрения фактов нелингвистического порядка, лежащих в основе этого процесса. При этом необходимо учитывать высокую степень развития лабиальной гармонии в отдельных тюркских языках, например в киргизском и якутском⁵³, а также то, что трудность произношения не является существенным фактором для носителей языка, в котором интересуемое явление имело место длительное время.

Несколько иначе различную степень развитости лабиальной гармонии в тюркских языках пытается объяснить А. М. Щербак, по утверждению которого «важным фактором, способствующим проявлению лабиальной гармонии, является благоприятное соотношение ступеней раствора гласных первого слога и непервых слогов, иначе говоря, расположение гласных в такой последовательности, которая характеризуется убыванием ступени раствора или, по крайней мере, совпадением»⁵⁴.

По-видимому, для обоснования «недоразвитости» лабиальной гармонии во многих тюркских языках анализ факторов лишь нелингвистического порядка является недостаточным. Здесь прежде всего необходимо определить функцию лабиальной гармонии в плане ее взаимоотношения с палатальной гармонией в процессе исторического развития различных тюркских языков. Так, по утверждению В. В. Радлова и многих других тюркологов, лабиальная гармония гласных, в отличие от палатальной, возникла относительно поздно. Если данное утверждение верно, нам представляется вполне реальным предположение, по которому наличие у ранее возникшей палатальной гармонии гласных «централизующей функции»⁵⁵, объединяющей слово в особый, относительно

⁵³ Юнусалиев Б. М. Киргизский язык. — В кн.: Языки народов СССР. Т. 2: Тюркские языки. М., 1966, с. 487; Убрятова Е. И. Якутский язык. — Там же, с. 405.

⁵⁴ Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков, с. 75.

⁵⁵ Трубецкой Н. С. Основы фонологии/ Пер. с нем. М., 1960. с. 311. 312.

замкнутый фонетический комплекс, обусловило второстепенный характер лабиальной гармонии, вследствие чего высокая степень развития этого вида гармонии гласных для большинства тюркских языков не явилась крайней необходимостью и в них гораздо чаще встречаются случаи ее нарушения. Это означает, что в тюркских языках факты непоследовательной вокализации по признаку огубленности (исключая заимствования) необходимо рассматривать как признаки «недоразвитости»⁵⁶, а не ослабления лабиальной гармонии, так как последнее (хотя и не указывает явно) все же предполагает высокую степень развития лабиальной гармонии в одном из древнейших состояний тюркских языков.

Результаты анализа рассматриваемых выше явлений В. В. Радлов иллюстрирует следующей таблицей⁵⁷:

Корневой слог	Второй слог	Третий слог	Четвертый слог	Пятый слог
o	o (Alt., kkir.) o, a (Абак.) a (др. диалекты)	o (Alt., kkir.) a (др. диалекты)	o, a (Alt., kkir.) a (др. диалекты)	a, o (Alt., kkir.) a (др. диалекты)
oo	oo (Alt., kkir., kir.) a (др. диалекты)	oo (Alt., kkir., kir.) a (др. диалекты)	oo, a (Alt., kkir., kir.) a (др. диалекты)	oo, o (Alt., kkir., kir.) a (др. диалекты)

Здесь В. В. Радлов выделяет как случаи последовательного употребления широких губных гласных, так и случаи, когда за широкими губными гласными могут следовать широкие негубные гласные.

Данная таблица достаточно верно отражает состояние лабиальной гармонии в казахских словах с анлаутным *o*. Что же касается наблюдений В. В. Радлова относительно слов с анлаутным *o*, то либо во второй половине прошлого века аттракция мягких губных гласных распространялась до пятого слога, либо это случайное сближение с фактами киргизского языка. В современном ка-

⁵⁶ Севортян Э. В. Фонетика турецкого литературного языка, с. 38.

⁵⁷ Здесь знаком *ā* В. В. Радлов передает более открытый гласный *e*, соответствующий французской *ê*. — К. М.

казахском языке этот вид аттракции распространяется лишь до третьего слога:

oq-lal-ma-γar-de
o-mar-la-lar-dan
o-qa-laq-la-γar:

söj-lö-gön-der-ge
lö-bö-lös-ken-de
sö-lö-gön-der-ge

Таким образом, концепция В. В. Радлова о состоянии палатальной и лабиальной гармонии в казахском языке в общем вполне приемлема и в принципе не противоречит явлениям сингармонизма в нем.

ГАРМОНИЯ ГЛАСНЫХ И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

До сих пор В. В. Радлов проводил анализ сингармонизма в различных тюркских языках лишь в плане определения и сопоставления моделей палатальной и лабиальной гармонии гласных. В последующем он стремится раскрыть сущность этих явлений несколько иначе. Он пишет: «...мы можем прийти к правильному пониманию гармонии лишь в том случае, если мы уясним, какое положение занимают эти характерные фонетические особенности тюркского вокализма по отношению к словообразовательным, морфологическим элементам тюркских языков» (Фонетика, с. 27). Для этого он считает необходимым пронаблюдать отношение гармонии гласных 1) к дальнейшему развитию отдельных слов; 2) к сложным словам (образованиям); 3) к заимствованным словам.

Гласные в «дополнительных слогах»

Тюркские языки, как и все урало-алтайские языки, по Радлову, относятся к агглютинирующим языкам, т. е. к таким языкам, «в которых отдельные слова и их грамматические образования возникают посредством приклеивания слоговых рядов к корневому слогу» (Фонетика, с. 27). В качестве примера автор берет слово *aq* 'белый' с различными аффиксами как формообразования, так и словообразования: *aq—ayar—ayart* и т. д. Все присоединяется к корню слоги В. В. Радлов называет дополнительными слогами. Так как связь этих слогов с корневым слогом в тюркских языках зачастую неодинакова, то он считает целесообразным выделение следующих трех сту-

пней присоединения дополнительных слогов:

1) дополнительный слог просто присоединяется к корню, не имея с ним тесной связи; так как при такой связи, по словам Радлова, наблюдается «лишь местное, придаточное положение», то он называет эти формобразующие слоги *apportita*;

2) дополнительные слоги в некоторой степени искажаются и частично теряют свою гласную самостоятельность, но не сливаются с корнем пока полностью; такие слоги автором названы «прислоненными» слогами, или *encliticæ*;

3) дополнительный слог полностью сливается с корнем; эти слоги автор называет аффиксами.

«Аффиксы делятся по им присущим гласным на две группы: на аффиксы с широкими и на аффиксы с узкими гласными» (Фонетика, с. 28).

Из широких гласных *a*, как утверждает В. В. Радлов, встречается в аффиксах множественного числа *-lar*; на-правительно-дательного падежа *-qa*; местного падежа *-da*; исходного падежа *-dan*; в аффиксе сравнения *-raq*; в аффиксах причастий на *-qan*, *-ar* и т. д.

Рассматривая случаи присоединения аффиксов с широкими гласными к корневым слогам, содержащим один из широких огубленных гласных, В. В. Радлов характеризует казахский язык как «диалект, где *o* потеряло свое лабиальное притяжение, но где *ö* требует после себя всегда *ö*, например» (Фонетика, с. 29):

<i>a</i>	<i>o</i>	<i>ä</i>	<i>ö</i>
<i>at</i>	<i>ot</i>	<i>et</i>	<i>köl</i>
<i>at-tar</i>	<i>ot-tar</i>	<i>et-iär</i>	<i>köl-dör</i>
<i>at-qa</i>	<i>ot-qa</i>	<i>et-kä</i>	<i>köl-gö</i>
<i>at-tan</i>	<i>ot-tan</i>	<i>et-tan</i>	<i>köl-dön</i>

Далее в «Фонетике» отмечены случаи употребления узких гласных в аффиксах, но, к сожалению, примеры из казахского языка, в отличие от других тюркских языков, здесь представлены в незначительном количестве. Так, из узких гласных *y* встречается в аффиксах родительного падежа *-nyŋ*, *-yŋ*; винительного падежа *-ny*; причастия *-yŋ* и др.

Сопоставительное изучение гласных в некоторых аффиксах различных тюркских языков позволило Радло-

ву выявить следующее: «Отдельные аффиксы, которые в большинстве диалектов выступают с широкими гласными, в отдельных диалектах появляются с узкими гласными, например, аффиксы исходного падежа *-laŋ, -tāŋ, -toŋ* в алтайском, *-lan, lān* в казахском языке, в уйгурском и чагатайском языках имеет форму *-līn*» (Фонетика, с. 34).

Выделив аффиксы с узкими гласными, В. В. Радлов пытается определить зависимость качественной характеристики гласного в морфологическом элементе от гласного в начальном слоге. По поводу разделения аффиксов по признаку раствора гласных В. В. Радлов пишет: «Такое разделение необходимо, когда происходит смена гласных групп, которую мы наблюдаем в аффиксах» (Фонетика, с. 28). Естественно, что под «группами гласных» в приведенном высказывании нужно понимать две группы гласных, различающихся по признаку ряда и по признаку огубленности.

Следовательно, В. В. Радлов видел, что «из трех дифференциальных признаков здесь только признак раствора независим»⁵⁸, и только он применим для фонетического разграничения аффиксов в сложной агглютинации.

Вместе с тем способность признака раствора служить для семантической дифференциации при вокализме неначальных слогов не получает в исследовании автора ясного и четкого определения и поэтому случаи употребления широких или узких гласных в аффиксах отмечены им без определенной системы противопоставлений. Это означает, что В. В. Радлов, констатируя «независимость» признака раствора в неначальных слогах, не раскрывает значения оппозиций широких и узких гласных в функциональном отношении.

«В большинстве северных диалектов, например в алтайском, теленгутском, киргизском, казахском, барабисском, в иртышских и волжских диалектах,— пишет В. В. Радлов,— встречаются отдельные окончания с долгими лабиальными гласными, которые допускают лишь одно двойное изменение, а именно: *o—ō* и *ū—ÿ*» (Фонетика, с. 34).

В качестве примера чередования *u* и *ÿ* он приводит аффиксы глаголов неопределенно-именной формы за-

⁵⁸ Черкасский М. А. Тюркский вокализм и сингармонизм. М., 1965, с. 18.

падных диалектов (в которые, по классификации В. В. Радлова, входит и казахский язык), например: *bolū*, *körū*. Здесь ученый, на наш взгляд, точно определяет оппозицию гласных по признаку ряда, представляющих собой фонетические варианты одного и того же аффикса, но при этом допускает некоторые неточности. Прежде всего, он отмечает звуковой состав аффиксов глаголов неопределенно-именной формы как включающий в себя лишь один гласный, в то время как объективный анализ обнаружил в данном случае дифтонгоидное сочетание гласных *u* или *ü* с сонантом *ω*, например: *aluω* 'стрелять', *buruω* 'повернуть', *quruω* 'собирать', *kelüω* 'приятн', *kütüω* 'ждать' и т. д.⁵⁹

Возражения вызывает и определение количественной характеристики гласного, входящего в состав рассматриваемых аффиксов.

Относительная длительность дифтонгоидов (*uω*, *üω*) изменяется в зависимости от согласного, предшествующего им. Экспериментальный анализ показал, что у дифтонгоида *y* (*uω*, *üω*) после звонких смычных длительность максимальная (=180 м/сек). После глухих смычных длительность меньше (=176 м/сек), чем после звонких смычных, чем после глухих щелевых (=165 м/сек), звонких щелевых (=146 м/сек), носовых сонорных (=149 м/сек) и плавных сонорных (=155 м/сек)⁶⁰. Длительность некоторых других тюркских гласных варьирует приблизительно в тех же пределах, что и относительная длительность дифтонгоида *uω/üω*. Например, *a* после звонких смычных имеет большую длительность (=192 м/сек), чем после звонких щелевых (=187 м/сек), а гласный *o* после звонких щелевых имеет большую длительность (=174 м/сек), чем после звонких смычковых (=165 м/сек)⁶¹.

Следовательно, определение аффикса глаголов неопределенно-именной формы как «долгого гласного» в отношении фактов казахского языка является необоснованным.

Приблизительное равенство относительной длитель-

⁵⁹ Джунисбеков А. Гласные казахского языка, с. 8.

⁶⁰ Раимбекова М. А. Длительность гласных в казахском языке: (Экспериментально-фонетическое исследование). Автореф. Дис... канд. филол. наук. Алма-Ата; Ленинград, 1968, с. 91.

⁶¹ Там же, с. 89.

ности дифтонгонда *uɔ/jüɔ* с относительной длительностью некоторых других гласных в открытых слогах, вероятнее всего, объясняется изменениями, в результате которых вместо согласных *γ* и *k* в ряде слов казахского языка появился сонант *ɔ*, например:

древнетюркский язык⁶² казахский язык перевод

<i>qojuɔ</i>	<i>qojuɔ</i>	густой
<i>boluɔ</i>	<i>boluɔ</i>	бытие, существование
<i>sökük</i>	<i>sögüɔ</i>	ругать
<i>uruɔ</i>	<i>uruɔ</i>	ударить

Случаи «энклитики»

Энклитическими слогами В. В. Радлов называет те морфологические элементы, которые, «несмотря на то, что они очень тесно присоединяются к предыдущему слову, не особенно полно поддаются влиянию гласного основы, а, наоборот, несут в себе четкие следы их ранней гласной самостоятельности» (Фонетика, с. 35). Подобное явление, по мнению автора, наблюдается в тех случаях, когда за негубным гласным начального слога следует губной гласный или, наоборот, когда за губным гласным начального слога следует негубной гласный. Примеры, характеризующие данное явление в тюркских языках, В. В. Радлов приводит из таранчинского, абаканских, теленгутских и волжских диалектов. Например: частица *oq* в абаканском наречии — *alɣan-oq*, *paɣan-oq*, в волжских наречиях — *alɣan-uq*, *birgän-ük*, а также аффиксы глаголов первого лица множественного числа в таранчинском наречии — *al-düq*, *käl-dük*, *kül-dük*, аффиксы глаголов третьего лица единственного числа повелительного наклонения — *al-sun*, *käl-sün* и т. д.

Последние две группы примеров, взятые из илийско-го диалекта уйгурского языка, по мнению В. В. Радлова, состоят из корневых аморфных форм, где вторая часть является реликтовой.

В казахском языке образования «энклитического» типа В. В. Радлов не выделяет. Но известно, что в нем, как и во многих других тюркских языках, аналогичная с рассмотренными выше примерами последовательность гласных наблюдается в глаголах неопределенно-именной

⁶² См.: Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 112, 453, 510.

формы, например: *al-uw*, *qal-uw*, *tan-uw*, *bol-uw*, *til-üw*, *syn-uw* и т. д. Признак аморфности и связанная с ней некоторая гласная самостоятельность аффиксов этих слов проявляется именно в том, что в неначальных слогах имеют место губные гласные *и* и *й*, в то время как в большинстве других казахских слов за широкими негубными гласными корневого слова, как правило, следуют широкие или узкие, но обязательно негубные гласные, например: *alys*, *qatyn*, *dala*, *boran* и т. д.

Таким образом, в принципе разделяя точку зрения В. В. Радлова о наличии в некоторых тюркских языках фактов «энклитического» характера, мы считаем необходимым добавить, что подобные факты встречаются и в казахском языке.

Аппозита

Аппозитой В. В. Радлов называет морфологические элементы, «которые в незначительной степени потеряли свою первоначальную самостоятельность и очень тесно примыкают к впереди стоящему слову, но все же не подчиняются ему фонетически» (Фонетика, с. 36). Например, в казахском языке аффиксы притяжательного склонения существительных в творительном падеже *-men* (*-menen*), *-pen* (*-penen*)⁶³: *al-pen*, *kisi-men*, *ot-pen*, *bala-men*; а также частично преобразованный в аффикс элемент *-tuγun*:

ala-tuγun < *ala-turγan*
kele-tuγun < *kele-turγan*

Как видим, гласные аффиксов в приведенных примерах не обусловлены качеством огласовки гласного начального слога, т. е. независимо от того, огубленный или неогубленный, мягкий или твердый гласный в начальном слоге, гласные в аффиксах остаются неизменными.

Вполне очевидно, что выделение рассмотренных языковых фактов прежде всего необходимо для определения значения гармонии гласных в процессе формирования морфологических элементов в тюркских языках. Однако подобное значение гармонии гласных невозможно опре-

⁶³ В. В. Радлов в качестве исходной формы точно берет *-tinen*, *-tinen*. См.: Современный казахский язык. Алма-Ата, 1962, с. 159.

делить точно, не проанализировав различные ступени преобразования лексической единицы — слова — в грамматическую — аффикс — и связанные с этим преобразованием изменения гласных. В данном случае целесообразными представляются следующие трансформации:

ala-tyn < *ala-tuγun* < *ala-tyrγan*
bola-tyn < *bola-tuγun* < *bola-tyrγan*
kele-tin < *kele-tuγun* < *kele-tyrγan*

Здесь сначала гласный неначального слога в слове *tyrγan*, редуцируясь и уподобляясь гласному начального слога, переходит в узкий лабиализованный *u*, а затем образование *-tuγun*, включающее в себя в значительной степени неустойчивые в казахском языке узкий гласный *u* и согласный *γ*, уже не может противостоять влиянию гласного корневого слога и переходит в аффиксы *-tyn*, *-tin*. Едва ли стоит доказывать, что в рассмотренной трансформации слова в аффикс важную роль играет не что иное, как централизующая функция тюркского сингармонизма.

Таким образом, мы полагаем, что выделенные В. В. Радловым степени сингармонической сочетаемости гласных корневого слога с гласными аффиксов, «энклитики» и «апозита» представляют собой весьма важные факты, без анализа которых картина гармонии гласных того или иного тюркского языка была бы неполной. Детальное их изучение может привести к определению одной из главных особенностей тюркских языков — взаимосвязи закономерностей строения слова и сингармонизма. Но здесь трудно определить, «производится ли восстановление морфологических процессов на основе вскрытия противоречий в фонологической сфере или, напротив, фонологические изменения сами выводятся из смены морфологических состояний»⁶⁴.

В. В. Радлов же в данном случае считает необходимым рассматривать смены морфологических состояний как явления, характер которых обусловлен действиями законов гармонии гласных, что фактически является уклонением от определения причин морфологических изменений. Объясняется это тем, что основное внимание исследователь обратил на гармонию гласных, а морфологические элементы использовал лишь как средство для

⁶⁴ Черкасский М. 1. Тюркский вокализм и сингармонизм, с. 5.

более глубокого понимания сущности интересующего явления.

Гармония гласных в сложных словах

Различные соединения именных, глагольных и других основ, по Радлову, «могут лишь тогда считаться действительными сложными словами, когда агглютинируются в единое целое различные самостоятельные элементы с помощью гармонии гласных» (Фонетика, с. 37). В связи с этим он утверждает, что «настоящие сложные слова в тюркских языках — это редкие явления, так как корисвые гласные тюркских языков обладают большим постоянством и не очень охотно подвергаются внешним влияниям» (Фонетика, с. 37).

Слияние двух самостоятельных основ, гласные которых по признакам ряда и огубленности относятся к разным группам, по его мнению, происходит тремя способами:

1. Гласный первого слова при словосложении берет на себя главенствующую роль над гласными образования в целом, а гласные второго слова как бы подчиняются ему, как это происходит в случае формирования и присоединения аффиксов к основе слова, например: числительное и существительное *seksen* = *segiz* + *on*, существительное и существительное *belbew* = *bel* + *baw*, *bilezik* = *bilek* + *güzük* и т. д.

2. Гласные первого слова попадают под влияние и изменяются в зависимости от качества огласовки гласных второго слова, т. е. основными гласными всего образования являются гласные второго слова. Иначе говоря, эти образования подчинились регрессивной ассимиляции гласных, названной В. В. Радловым умлаутом. Такое взаимоотношение основ, как он считает, встречается тогда, когда в семантическом отношении более важным, основным выступает второе слово. Например:

v
byjyl < *bul* + *gyl*
äkel < *alyp* + *kel*
täñerteñ < *tañ* + *erteñ* и т. д.

3. Гласные первого и второго слова подвергаются качественным изменениям, так что выделение главенствующей роли гласного того или иного слова, на первый

взгляд, представляется невозможным, например:

söjtüp < *solaj* + *etip*,
büjtüp < *bulaj* + *etip*.

Изменение гласных в приведенных словах, по-видимому, происходило следующим образом: сначала гласные начальных слогов наречий *solaj*, *bulaj* под действием регрессивной ассимиляции преобразовались в мягкие *ö* и *ü*, а также выпал целый слог *la* и появилось новое соединение *söjtüp*, *büjtüp*, затем ассимиляция получила обратное направление, и узкий нелабиализованный гласный начального слога, редуцируясь и «уподобляясь» гласному начального слога, заменяется узким лабиализованным гласным *ü*. В определенной степени подобную последовательность изменения гласных, как нам кажется, можно объяснить и некоторой недоразвитостью лабиальной гармонии в тюркских языках, в частности в казахском, когда в начальном слоге встречаются твердые лабиализованные *o* и *u*.

При определении действительных сложных слов обнаруживаются некоторые разногласия между критериями В. В. Радлова и современных тюркологов. Как отмечалось выше, В. В. Радлов рассматривает сложные слова как соединения двух самостоятельных элементов, агглютинированных с помощью гармонии гласных, и в качестве примеров приводит слова, гласные которых не противоречат сингармонической последовательности. Современные же тюркологи, разделяя сложные слова в тюркских языках на слитные и парные, считают, что отличительными признаками последних, помимо лексических, могут быть и фонетические, например подчиненность компонентов слитного слова общему ударению⁶⁵. Кроме того, встречаются утверждения⁶⁶, что «слитное слово» иногда можно легко определить по нарушению в нем принципа сингармонизма, например: *итжатак* 'конура', *көзқарас* 'взгляд' и др.

Мы считаем, что в приведенных выше примерах нарушение принципа сингармонизма вовсе не является признаком, способствующим «легкому» выделению слитного слова. Наоборот, это нарушение позволяет провести четкую границу между компонентами сложного образова-

⁶⁵ Казіргі қазақ тілі. Алматы, 1954, 195 бет.

⁶⁶ Современный казахский язык. Алма-Ата, 1962, с. 171.

ния. Здесь относительная спаянность компонентов слитного слова наблюдается в плане семантики, когда связь между ними (компонентами) носит синтаксический характер.

Однако возможность соединения отдельных слов или основ в слитные слова на основе только синтаксической связи у ряда языковедов вызывает определенные сомнения. А. Исаков пишет: «...некоторые языковеды считают, что соединение слов или корней происходит только синтаксическим путем. Такой вывод является несколько поспешным, так как прежде необходимо определить четкие границы между сложными словами, простыми словами и словосочетаниями»⁶⁷. Более того, совершенно аналогичные с казахскими формами *тасқолір* 'каменный уголь' (букв. камень+уголь), *енбеккүн* 'трудодень' (букв. труд+день), *қолбақа* 'лягушка' (букв. озеро+лягушка) английские образования типа *stone wall* 'каменная стена' (букв. камень+стена), *speech sound* 'звук речи' (букв. речь+звук), *cannon ball* 'пушечное ядро' (букв. пушка+ядро) и другие Отто Есперсен рассматривает как словосочетания, а их атрибутивные элементы либо как перешедшие по конверсии в прилагательные, либо как близкие к прилагательным⁶⁸.

В. В. Радлов, хоть и не называет первые компоненты этих образований прилагательными, все же подобно Есперсену не рассматривает их как составные части сложного слова.

Вместе с тем отмеченные В. В. Радловым слова *sek-sen*, *belbew*, *bilezik* и другие в действительности являются словами, стоящими на той или иной стадии опрощения, т. е. перехода из категории сложных слов в простые. И мы убеждены, что немаловажную роль в этом процессе развития слитных слов играет как прогрессивная, так и регрессивная ассимиляция гласных.

Следовательно, В. В. Радлов, понимая процесс соединения двух самостоятельных слов в одно слитное слово как явление, которому обязательно должна сопутствовать гармония гласных, фактически подходит к данному вопросу несколько односторонне, так как в современном казахском языке встречается целый ряд несомненных

⁶⁷ Қазіргі қазақ тілі, 194 бет. Перевод наш. — К. X.

⁶⁸ Jespersen O A Modern English grammar on Historical principles. Heidelberg, 1914. p. II, v. I, ch. XII.

слитных слов с явно негармоничной последовательностью гласных, например: *esalaŋ, betaldy, ġeksuryŋ, ärtaman* и др. Однако подобный подход полностью обусловлен задачами, стоящими перед исследователем. В этом отношении особый интерес представляют выводы В. В. Радлова о фонетических взаимоотношениях компонентов слитного слова.

Гармония гласных в заимствованных словах

В казахском языке, как и во всех языках мира, имеется целый ряд слов, заимствованных из других языков — в основном из русского, арабского, персидского и монгольского⁶⁹.

Вполне естественно, что при заимствовании иноязычных слов происходит определенное взаимовлияние языков, которое особенно четко проявляется в тех случаях, когда в сравнительно небольшой отрезок времени заимствуется очень большое количество слов.

В тюркских языках степень ассимилированности заимствованных слов в фонетическом отношении прежде всего связана с явлениями сингармонизма. Например, о полной ассимилированности следующих арабо-иранских слов в современном казахском языке говорит не только то, что они входят в основной словарный фонд этого языка, но и определенная сингармоническая последовательность гласных и согласных: *kedej, baŋa, pajda, sawda, bazar, öñör, laza, arzan* и др.

Рассматривая гармонию гласных в плане ее влияния на заимствованные слова и в то же время сравнивая гармонию гласных с некоторыми особенностями других языковых групп, В. В. Радлов пишет: «Так же, как и арабский язык навязывает каждому иностранному слову свой консонантизм и свою систему вокализма, тюркские языки принуждают каждый иноязычный «интервент» следовать господствующим у них законам последовательности гласных и стремятся облечь его в такую форму, которая позволила бы ему стать склеенным гармонией гласных слоговым рядом» (Фонетика, с. 39).

⁶⁹ *Мусабаев Г. Г.* Современный казахский язык. 1: Лексика. Алма-Ата, 1959, с. 46–58; *Сарыбаев Ш. Ш.* Развитие лексики казахского языка в советскую эпоху. — В кн.: М. О. Ауэзов. Сб. статей к его 60-летию. Алма-Ата, 1959; *Рустемов Л. З.* Арабско-иранские заимствования в казахском языке. Алма-Ата, 1963.

Вместе с тем в тюркских языках встречается большое количество слов, еще не подвергшихся ассимилирующему влиянию гармонии гласных. Это чаще всего слова, которые проникли в тюркские языки «вследствие расширения сферы влияния ислама среди всех западных и южных тюркских племен» (Фонетика, с. 39). Называя эти слова «искусственными», «не вызванным необходимостью „импортом“», В. В. Радлов считает, что они оказали вредное, разлагающее влияние на языковое чувство народа.

Так как взаимоотношения между гармонией гласных и своеобразной звуковой формой иностранных слов в различных тюркских языках неодинаковы, другими словами, в ряде заимствованных слов сохраняется негармоническая последовательность гласных, то В. В. Радлов считает необходимым на основании отмеченной характеристики разделить все тюркские языки на четыре главные группы:

1. Тюркские языки, не попавшие под влияние мусульманской культуры и не имеющие письменного языка.

2. Языки обращенных в ислам кочевников и малых сибирских племен, обращенных в ислам только в последнее время и не имеющих письменного языка.

3. Языки, в которых литературный полностью находится под влиянием арабской и персидской литературы, а разговорный как бы препятствует распространению заимствований чисто книжного характера.

4. Языки, в которых литературный язык значится как главный языковой момент.

В первую группу, по мнению автора, входят все восточные языки, за исключением барабинского, во вторую — казахский, киргизский, каракалпакский, барабинский, в третью — иртышско-волжские и среднеазнатские языки, в четвертую — все языки южной группы, основными из которых, по классификации В. В. Радлова, являются туркменский, азербайджанский, турецкий и крымские языки.

В связи с тем что целью данной работы является изучение теоретических положений В. В. Радлова, имеющих непосредственное отношение к казахскому языку, в дальнейшем мы будем рассматривать моменты, касающиеся лишь языков второй группы.

В языках этой группы, куда входит и казахский, В. В. Радлов выделяет два вида слов иноязычного про-

исхождения: 1) заимствованные из русского языка, 2) арабско-персидские слова, заимствованные частично из религиозных, частично из литературных произведений.

При пополнении казахской лексики русскими словами, последние, по Радлову, претерпевают следующие изменения гласных:

1) гласный, находящийся в ударном слоге русского слова, определяет качество огласовки гласных в заимствованном слове:

вечера — *gandyral*^v
деревня — *deräbnä*
варень — *barancyq*^v

2) гласные как ударного, так и неударного слога оказывают влияние на качество огласовки заимствованного слова:

купец — *körös*
волостной — *bolus*

3) гласные русского слова при заимствовании заменяются полностью:

повозка — *pöwöskö*
полковник — *pälkäwnik*
полковой — *palkabaj*

Как видим, В. В. Радлов, определяя пути изменения гласных в словах, пришедших из русского языка, в основном верно указывает на обусловленность той или иной аттракции гласных в заимствованиях. Но если учесть, что гармония гласных в различных тюркских языках неодинакова и особенности гармонии гласных каждого языка этой группы наиболее четко проявляются в процессе заимствования иноязычных элементов, то одного констатирования изменений гласных, очевидно, недостаточно: необходимо выявление причин этих изменений. Иначе говоря, в данном случае для нас не столько важно само влияние гласных русского слова на качество огласовки гласных в заимствованиях, сколько проявление тех или иных особенностей гармонии гласных казахского языка под тем влиянием, которое оказывают русские гласные. Утверждение В. В. Радлова, что в некоторых случаях гласные русского слова в заимствованном заменяются полностью, совершенно не объясняет причин про-

явления определенных видов аттракции гласных в словах *pöwöskö, pälkäwnik, palkabaj*.

Между тем последовательность гласных в этих словах демонстрирует довольно интересные характеристики гармонии гласных в казахском языке. Например, в слове *pöwöskö* широкий огубленный *ö* во втором слоге обусловлен наличием широкого огубленного *o* в соответствующей позиции русского слова только потому, что в казахском языке заднерядный *o* в неначальных слогах не употребляется. При этом весьма развитая (по крайней мере, до третьего слога) в казахском языке аттракция широких огубленных гласных переднего ряда способствует тому, что сингармоническая цепочка гласных слова *pöwöskö*, отклоняясь от гласных слова *повозка* по признаку ряда, сохраняет свои качества, связанные с участием губ и вертикальным положением языка.

Интересные изменения произошли и в слове *pälkäwnik*. Казалось бы, первые две огубленные гласные, последняя из которых к тому же находится в ударной позиции, должны были при заимствовании обусловить также огубленные гласные, как в случае со словом *pöwöskö*, но этого не произошло. Причиной здесь, как нам кажется, служит мягкость огласовки как гласного, так и согласных суффикса *-ник*. При произношении рассматриваемого слова с ударением на последнем слоге, вероятнее всего, произошло некоторое выделение этого слога, определяющего качество гласных всего слова. При этом немаловажную роль сыграло и то, что в казахском языке гласный *o* в неначальных слогах не встречается.

При определении роли гармонии гласных в процессе ассимилирования иноязычных слов необходимо анализировать не только слова, подвергшиеся тем или иным фонетическим изменениям, но и слова, которые, переходя из одного языка в другой, в фонетическом отношении остаются неизменными. Едва ли стоит доказывать, что в этом случае проявляется определенное соответствие звуковых моделей, облегчающее ассимиляцию иностранных слов. Например, в произведениях выдающегося казахского поэта конца XIX и начала XX в. Абая Кунанбаева, в стихах знаменитого казахского поэта-батыра Махамбета Утемисова и в замечательных народных сказаниях «Камбар-батыр» и «Кыз-Жибек» можно встретить заимство-

ванное из русского языка слово *солдат*⁷⁰, которое как в русском, так и в казахском языке произносится *saldat*.

Примеры подобного рода В. В. Радлов не выделяет, и мы считаем, вполне обоснованно. Во-первых, вероятнее всего, во второй половине XIX в. в казахском языке количество русских заимствований было незначительным, не говоря тем более о словах, не изменивших при ассимиляции своей звуковой формы. Во-вторых, эти заимствования употреблялись в основном грамотным меньшинством казахов, знакомых с достижениями русской культуры. Основная же масса казахов того времени либо вообще не знала этих слов, либо по-прежнему приспособлявала их к фонетическому строю казахского языка (мы имеем в виду такие слова, как *партия*, *расход*, *закон*, *шар* и другие, которые можно было изредка услышать в казахской степи еще до Абая)⁷¹.

По сравнению с русизмами арабо-иранские заимствования в казахском языке второй половины XIX в. и раньше составляли значительно большее количество.

По мнению В. В. Радлова, эта группа слов укоренилась в казахском языке «благодаря религиозным книгам» и «благодаря общению с другими мугаметанами, т. е. в большинстве случаев через торговцев из Средней Азии и восточной России или же через татар, живших в степи либо как беженцы, либо работавших учителями или проводниками и т. п.» (Фонетика, с. 43).

Обнаружив определенные закономерности в фонетических изменениях арабских и иранских слов при их заимствовании в казахский язык, В. В. Радлов предпринимает их экспериментальное исследование. Он пишет: «Чтобы убедиться в правоте моей гипотезы, я прочитал перед различными, умеющими читать киргизами (казахами.— К. Х.) татарские тексты и постарался понять правила, по которым они переносят в свой звуковой язык пишущиеся без гласных иностранные слова. При этом выяснилось, что здесь господствуют определенные правила чтения, и эти правила оказывают влияние на вокализацию взятых из письменного языка иностранных слов» (Фонетика, с. 43).

⁷⁰ Сыздыкова Р. Абай шығармаларының тілі. Алматы, 1968, 110 бет.

⁷¹ Там же.

Далее В. В. Радлов отмечает следующие случаи изменения гласных арабо-иранских заимствований:

1) *a* переходит в *ä* и, наоборот, *ä* переходит в *a*, например: *adam*, *müsäpir*, *amanat*;

2) при наличии или появлении огубленных гласных переднего ряда *ö*, *ü* в начальном слоге в неначальных слогах имеют место так же огубленные гласные переднего ряда *ö* или *ü*, например: *ümböt*, *dünjüjö*;

3) долгий гласный под влиянием гласных заднего ряда переходит в узкий гласный заднего ряда *y*, например: *qazy*, *baqyr*.

Кроме того, как известно, в казахском языке иногда встречаются арабо-иранские заимствования, имеющие двойное произношение. По вполне справедливому утверждению В. В. Радлова, «различие произношения арабо-персидских заимствований отчасти происходит из-за того, что часто одни и те же иностранные слова пришли в казахский язык различными путями, т. е. частью благодаря связи, частью благодаря письменному языку» (Фонетика, с. 44). В качестве примеров автор приводит следующие варианты: *toba*, *toşba*, *täşbä* 'раскаянные', *käpir*, *qaryr* 'неверующий'. Помимо этих примеров он приводит слово *qal* и считает, что оно заимствовано посредством связи из соседнего языка в форме *äl* 'сила', в то время как письменный язык имеет это слово в форме *qal* 'стояние'.

При сопоставлении описаний арабо-иранских заимствований, сделанных В. В. Радловым и современными тюркологами⁷², можно легко обнаружить, что факты, на которые указывал В. В. Радлов, в основном верно отражают влияние гармонии гласных на арабо-иранские заимствования, но вместе с тем недостаточность этих фактов приводит к тому, что роль гармонии гласных в процессе заимствования иноязычных слов определяется неполно.

⁷² Талжанов С. К вопросу о влиянии персидского языка на казахский. — В кн.: Тіл мәселелері. 2. Алма-Ата. 1936; Сабитов Н. Арабские и персидские слова в казахском языке. Автореф. Дис... канд. филол. наук. Л., 1944; Рустемов Л. З. Арабско-иранские заимствования в казахском языке; Источники формирования тюркских языков Средней Азии и южной Сибири. Фрунзе, 1966, с. 220, 278.

Так, в «Фонетике» не выделенными остались следующие фонетические параллели⁷³:

1) переднеязычный *ä* в заимствованном слове переходит не только в заднеязычный *a* (на что указывал В. В. Радлов), но и в узкий заднеязычный *y*, в переднеязычные — широкий *e* и узкий *i*: *kādam* > *adym*, *āsār* > *āzer* и т. д. Лишь в некоторых случаях гласный *ä* сохраняется, например: *hār* → *ār*, *hāsām* > *āsem*, *dārādġā* > *dāreġe* и т. д.;

2) долгий узкий *ī* в заимствованном слове переходит в краткий *i*, широкий *e* и узкий заднеязычный *y*: *kollī* > *kül-i*, *tabīb* > *tāwip*, *kazī* > *qazy* и т. д.;

3) долгий гласный *ū* в заимствованных словах заменяется лабиализованными *u*, *ü*, *o*, *ö* и нелабиализованными *i*, *y*, например: *sūfī* > *sopy*, *dāstūr* > *dāstūr*, *mā'lūm* > *mālim* и т. д.;

4) краткий гласный *o*, приблизительно соответствующий казахскому гласному *ö*, при заимствовании заменяется лабиализованными *ö*, *u*, *ü* и нелабиализованным узким *y*, например: *omr* > *ömir*, *honār* > *önör*, *bāhador* > *baty* и т. д.

Кроме того, в конечных слогах заимствованных абстрактных существительных на *-ijat* и *-ijät* гласные *a* и *ä* под влиянием предшествующих гласных переходят в *e*, например: *äbābijat* > *ädebijet*, *ädljät* > *ädilet* и т. д.

Таким образом, можно сказать, что роль гармонии гласных в процессе ассимилирования заимствованных слов в казахском языке В. В. Радловым определяется очень точно, так как действительно эта характерная особенность тюркских языков словно фильтр стоит на пути всех иноязычных элементов, и лишь незначительной части заимствований удается обойти этот фильтр и сохранить свою форму неизменной.

Справедливо также утверждение В. В. Радлова, что в таких тюркских языках, как казахский, киргизский и каракалпакский, арабо-иранских заимствований гораздо меньше, чем, например, в уйгурском, узбекском, азербайджанском и турецком, вследствие чего в языках кипчакской группы эти заимствования в большинстве слу-

⁷³ Для того, чтобы примеры в данной работе были выдержаны в одной транскрипции, мы вынуждены были слова, взятые из кандидатской диссертации Л. З. Рустемова (с. 145–149), переложить на радловскую транскрипцию. — К. А.

чаев подвергались значительным фонетическим изменениям, в то время как в тюркских языках южной группы подобные изменения чаще всего не наблюдаются.

Важное значение для изучения истории казахского языка имеет отмеченное В. В. Радловым положение, по которому, если не все, то подавляющее большинство слов, заимствованных из русского языка во второй половине XIX в., изменяясь, оказывались под влиянием гармонии гласных, тогда как в настоящее время целый ряд русских слов в связи с формированием и расцветом казахского литературного языка заимствуются в том фонетическом облике, в каком они известны в русском литературном языке⁷⁴.

СУЩНОСТЬ ГАРМОНИИ ГЛАСНЫХ

Изучение материалов и положений В. В. Радлова о проявлениях принципов гармонии гласных в процессе заимствования иноязычных слов, присоединения морфологических элементов к корневому слогу и словосложения, а также об интенсивности нёбной и лабиальной гармонии гласных в различных тюркских языках способствует более глубокому, более точному пониманию этого сложного явления.

Обобщив результаты своих наблюдений, В. В. Радлов пытается определить функциональные особенности и происхождение гармонии гласных.

Как известно, гармония гласных является типологически характерной особенностью не только тюркских языков, но и всей так называемой урало-алтайской языковой группы⁷⁵, по словам В. В. Радлова, «одной широко разветвленной языковой семьи, члены которой в грамматическом и лексическом отношении так далеко отходят друг от друга, что едва ли осмелишься назвать их близкими родственниками» (Фонетика, с. 51). Следовательно, невозможно определить сущность и происхождение гармонии гласных, ограничиваясь лишь ее проявлениями в тюркских языках. Поэтому, прежде чем перейти к изло-

⁷⁴ Современный казахский язык. Алма-Ата, 1962, с. 37; Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху; (Тюркские, финно-угорские и монгольские языки). М., 1969, с. 90.

⁷⁵ Ряснен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков, с. 20.

жению своих выводов о происхождении гармонии гласных, В. В. Радлов ставит перед собой вопрос: «Является ли гармония гласных одним из свойств, с самого начала присущих урало-алтайской языковой группе, или же она развилась и распространилась позже как ассимиляция или умлаут в индогерманских языках?» (Фонетика, с. 51).

О. Бётлингк, как утверждает В. В. Радлов, склонен считать, что гармония гласных является одной из с самого начала присущих урало-алтайским языкам особенностей (Фонетика, с. 51), «что те строгие законы гласных покоятся на одной особенной организации языковых органов всех урало-алтайских народов, и они только со временем, благодаря многочисленным соприкосновениям с другими народами, могли быть вновь упразднены»⁷⁶.

Этому предположению О. Бётлингка, по В. В. Радлову, диаметрально противоположна точка зрения Люсьена Адама (*L'harmonie des Voyelles dans la langues Oural-Altaiques*. Paris, 1874), который, опираясь на изучение древних мадьярских языковых памятников, утверждал, что в прежние времена аффиксы со слогами основы соединялись негармонично и что вообще гармоническая связь возникла позже.

Эти предположения О. Бётлингка и Люсьена Адама были отклонены В. В. Радловым как неубедительные. Вполне естественно и то, что В. В. Радлов — прекрасный знаток истории и фольклора тюркских народов, не соглашался с точкой зрения Штейнталя, который, развивая мысль О. Бётлингка, утверждал, что возникновение гармонии гласных может быть связано с леностью ума, духовной пассивностью представлений урало-алтайских народностей⁷⁷ (Фонетика, с. 51—52). «Нет, — пишет В. В. Радлов, — причина возникновения гармонии гласных является морфологической, и она (гармония гласных. — К. Х.) находится в теснейшей связи с внутренней языковой формой урало-алтайских языков» (Фонетика, с. 51—52). В подтверждение своего вывода В. В. Радлов приводит цитату из «Резья и Резьяне» Бодуэна де Курте-

⁷⁶ *Böhltingk O.* Über die Sprache der Jakuten: grammatik, Text und Wörterbuch. Spb., 1851. S. 11. (Выделено мной. — К. Х.)

⁷⁷ *Steintal H.* Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des menschlichen Sprachbaues. Berlin, 1860. S. 180.

из⁷⁸: «В многосложных словах индоевропейских языков всегда вперед выступает один слог, который выделяется посредством относящегося к нему ударения слова. Хотя остальные слоги лишены этого ударения (выделения), которым обладает звуковой (выделяемый) слог, они сохраняют свою индивидуальную особенность и не изменяются под влиянием этого господствующего слога. В туранских языках напротив, все слоги ассимилируются из-за господствующего слога, т. е. подчиняются ему в полном смысле слова. В индоевропейских языках нельзя говорить о настоящих словах, пока отдельные слоговые и звуковые комплексы (основы, суффиксы, и вообще добавления, окончания) не объединяются посредством относящегося (принадлежащего) к одному слогу акцента в одно единое. Точно так же возникает здесь сложение двух слов в одно единое слово благодаря тому, что одно из этих слов теряет свойственный ему тон, и в силу того, что в таких словах этот слог подчиняется общему акценту, который сопровождает один из слогов другого слова. В туранских языках отдельные слова и слоги должны рассматриваться как самостоятельные слова, пока они в одном определенном выражении, в разрез законам гармонии гласных, сохраняют им свойственные гласные. Если же они скрепляются цементом гармонии гласных, то они образуют из отдельных односложных слов одно многосложное слово. Точно так же в туранских языках возникает сложение (слияние) двух слов в единое целое, если гласные одного из слов гармонично сливаются с гласными другого».

Полностью разделяя точку зрения Бодуэна де Куртене относительно сущности гармонии гласных в урало-алтайских языках, В. В. Радлов пытается определить причины возникновения этого своеобразного явления в историческом плане. Он пишет: «Как только в примыкающих языках проснулась склонность к агглютинации, где в следующих друг за другом корнях происходило слияние в настоящие слова, в них появилась необходимость во внешнем соединительном средстве, и народы урало-алтайского рода нашли это соединительное средство в равномерном (пассивном) положении придаточной трубы при произнесении слов, следствием которого

Славянский сборник. Спб., 1876. т. 3, с. 323.

стали явления гармонии гласных. Это положение придаточной трубы позволило аффиксам сохранить по возможности свою первоначальную форму и придавало нюансы только гласным — их самой подвижной составной части» (Фонетика, с. 52).

Для иллюстрации связи агглютинации с гармонией гласных В. В. Радлов приводит два примера:

1. Так, в казахском языке, как и во многих других тюркских языках, встречаются сложные формы глаголов типа *ala-tur*, *qala-tur*, *körö-tur* и т. д. Второй компонент этих образований, по мнению В. В. Радлова, в казахском языке сводится к несомненному окончанию третьего лица настоящего времени в форме *-ady*, *-ödü* (Фонетика, с. 53), например: *bolady*, *körödü*. Не отрицая возможности перехода самостоятельного слова в аффикс, мы все же сомневаемся в том, что отмеченные аффиксы казахского языка происходят от вспомогательного глагола *tur*.

2. Более правомерным нам представляется второй пример: *ala-tuyun* < *ala-turγan*, *kele-tuyun* < *kele-turγan*, хотя процесс превращения самостоятельного слова в аффикс в данном случае прослежен автором не до конца, так как в казахском языке часто встречаются образования типа *ala-tyн*, *kele-tin*, *tura-tyн*, *bara-tyн* и т. д.

Сопоставив последовательность гармонического соединения аффиксальных слогов к корневым слогам в различных тюркских языках, В. В. Радлов приходит к выводу, что степень уподобления гласных аффиксов гласной главенствующего слога в отдельных языках тюркской группы неодинакова. «Однако я вовсе не считаю, — пишет В. В. Радлов, — что появление строгих законов гармонии гласных позволяет сделать нам выводы о возрасте отдельных тюркских диалектов, так как стремление к агглютинации в урало-алтайских языках развивалось и обострялось различным образом... Однако я полагаю, что такие тюркские языки, как алтайский, киргизский и якутский, имеющие очень четкую гармонию гласных, нужно рассматривать как представителей того периода языкового развития, когда формирование языковой мысли тюрков развернулось во всем своем своеобразии. Но этот период, если мы возьмем во внимание совокупность ныне существующих тюркских языков, необходимо рассматривать как прошедший период, в который гармония гласных почти повсюду все больше и больше теряет свою

интенсивность. В этом смысле явлениям киргизского и алтайского вокализма нельзя отказать в определенной архаичности» (Фонетика, с. 54).

Таким образом, В. В. Радлов при определении сущности гармонии гласных в урало-алтайских языках следует за А. Шлейхером, который еще в середине прошлого века утверждал, что основная функция гармонии гласных — делимитативная, т. е. фонетически выражающая смысловую цельность слова⁷⁹.

Сторонниками точки зрения А. Шлейхера о значении гармонии гласных впоследствии стали многие советские и зарубежные ученые⁸⁰. «В настоящее время почти каждый тюрколог отмечает наличие у гармонии гласных централизующей функции, проявляющейся в указании на границы слова и в выделении слова как особого, относительно замкнутого, фонетического комплекса»⁸¹.

Но чем объяснить то, что делимитативную и централизующую функции в тюркских языках выполняет именно гармония гласных, а не какое-нибудь другое явление, например ударение в индоевропейских языках?

В утверждении В. В. Радлова, что гармония гласных в урало-алтайских языках явилась внешним соединительным средством склеивания следующих друг за другом корней при проснувшейся склонности к агглютинации, как нам кажется, еще не раскрывается не только внутренний процесс возникновения гармонии гласных, но и внешнее проявление, когда гласные неначальных слогов уподобляются именно гласному начального слога (если корень односложный, если же многосложный, то последнему гласному корневого слога).

Да он и не мог этого сделать: фактически он был первым ученым, взявшимся за такой титанический труд, как написание первой сравнительной фонетики тюркских языков. И поэтому В. В. Радлов довольно откровенно пи-

⁷⁹ *Schleicher A.* Die Sprachen Europas in systematischer Uebersicht. Bonn, 1850, S. 63—64.

⁸⁰ Напр.: *Алпаров Г.* Об агглютинативной особенности татарского языка. — Вестник научного общества татароведения, 1927, № 7, с. 116; *Богородицкий В. А.* Законы сингармонизма в тюркских языках. — Там же, 1927, № 6, с. 67; Современный казахский язык. Алма-Ата, 1962, с. 96; *Menges K.* Qaraqalpaq Grammar: Phonology. N. Y., 1947, p. 85—86.

⁸¹ *Щербак А. М.* Сравнительная фонетика тюркских языков, с. 70.

шет: «Дальнейших заключений о возникновении гармонии гласных вообще изучением тюркских языков мы достичь не сможем. Чтобы ответить на эту сторону вопроса, мы должны обратиться к сравнительному изучению в области всех урало-алтайских языков, а именно для этой цели необходимо точное сравнение явлений гармонии гласных, какой мы ее встречали в различных языках этой языковой группы, с интенсивностью процесса агглютинации соответствующих языков, т. е. сопоставление фонетических явлений с их морфологическим употреблением. Проведение такого сопоставления в настоящее время невозможно. Для этого нужно провести много предварительных работ и особенно точное сравнительное исследование языковых явлений существующих в настоящее время диалектов урало-алтайских языков» (Фонетика, с. 54).

Достаточно убедительным и вполне приемлемым нам представляется ход рассуждений М. А. Черкасского⁸², который на основе результатов исследований своих предшественников, гипотетически восстанавливая процесс возникновения гармонии гласных, опирается не только на характерные особенности этого явления в алтайских языках, но и на определенную взаимосвязь гармонии гласных с локализацией тюркского ударения.

По Черкасскому, различие фонологической природы гармонии гласных в большинстве других алтайских языков, с одной стороны, и в тюркских языках — с другой, как раз и состоит в том, что у первых это явление фонетически обусловлено, у вторых — нет. Обуславливающим фактором служит ударенность начального слога, на который в алтайских языках ориентируется гармония гласных. Однако в тюркологии накоплено достаточное количество фактов, позволяющих предполагать, что на определенной степени своего развития тюркские языки также обладали ударением на начальном слоге. В полисинтетическом комплексе, предшествовавшем агглютинации, ударение служило лишь средством свободного логико-эмоционального выделения той или иной основы либо элементом ритмики речи.

Развитие агглютинативного слова из полисинтетического комплекса можно рассматривать как определенную

⁸² Черкасский М. А. Тюркский вокализм и сингармонизм: (Опыт историко-типологического исследования). М., 1965.

ступень процесса кристаллизации языковой единицы в речевом потоке. Параллельно с этим процессом изменяется и функциональная природа ударения: по мере формирования слова ударение становится одной из морфологических характеристик последнего и, следовательно, как и само слово, превращается в факт языка.

Таким образом, на этом этапе развития ударение, став словесным, все же сохраняет свою выделительную функцию, хотя само выделение из логико-эмоционального превращается в грамматическое: его роль сводится теперь к выделению корня из ряда соположенных морфем, образующих агглютинативное слово. В связи с этим гармония гласных представляет собой специфическое проявление неударенности аффиксальных гласных, их редукции, в условиях агглютинации урало-алтайского типа. Кроме того, наличие ударения на корневом слоге⁸³ означает, что в этот период развития тюркских языков гармония гласных была фонетически обусловленным явлением.

С течением времени дифференциация морфем все более углублялась, так как те из них, которые развивались в направлении формантов, постепенно утрачивали ощутимую ассоциативную связь с исходными самостоятельными словами и вследствие этого лишались семантической и конструктивной самостоятельности. Ясно, что при таких условиях отпала необходимость в обязательном акцентуационном выделении корня как единственном способе противопоставить его формантам.

Непосредственным результатом репласации ударения, потенциальная предносылка которой была издавна заложена в природе самого ударения, а именно в его двухполюсности, для системы тюркского вокализма явилась утрата фонетической обусловленности гармонии гласных. Тот факт, что, утратив живую фонетическую обусловленность, гармония гласных не только не исчезла, но в некоторых отношениях даже расширилась и стала более последовательной, свя-

⁸³ По существующему среди алтанстов мнению, корни в алтайских языках изначально были односложными. Об этом см.: *Radloff W.* Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türk-sprachen. — Записки ИАН. VIII серия по истории филолог. отд., т. VII, 1906, № 7, с. 33; *Юлдашев А. А.* Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М., 1958, с. 28.

зан со специфической функциональной нагрузкой, которую приобрела гармония в условиях строя тюркских языков.

По мере роста внутренней консолидации слова как основной языковой единицы неизбежно увеличилась и потребность в средствах, которые могли бы противостоять центробежным силам, постоянно сопутствующим агглютинации. Этим централизующим и делимитативным средством и явилась гармония гласных.

Выдвижению рассмотренной гипотезы о возникновении тюркской гармонии гласных в значительной степени способствовали исследования Ф. Е. Корша⁸⁴, Х. Педерсена⁸⁵, Г. Ракетта⁸⁶, Б. Я. Владимирцова⁸⁷ и многих других тюркологов и монголистов.

Итак, по возможности подробно ознакомившись с концепцией В. В. Радлова о сущности и возникновении гармонии гласных в тюркских языках, мы приходим к выводу, что основная функция этого явления ученым выделена правильно. Что же касается процесса возникновения и становления гармонии гласных, то его исследованием занималось несколько поколений ученых и, несмотря на это, ряд моментов проблемы тюркского сингармонизма остались нерешенными.

⁸⁴ Корш Ф. Е. Древнейший народный стих турецких племен. — ЗВОРАО, 1909, XIX.

⁸⁵ Pedersen H. Türkische Lautgesetze. — ZDMG, LVII. Leipzig; Wiesbaden, 1903.

⁸⁶ Raquet G. The accent problem in Turkish. — Lunds Universitets Arsskrift, NF, Avd. 1, XXIV, 4, Lund; Leipzig, 1927.

⁸⁷ Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия: Введение и фонетика. Л., 1929.

СЛОВАРЬ В. В. РАДЛОВА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДИАХРОНИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

«ОПЫТ СЛОВАРЯ ТЮРКСКИХ НАРЕЧИЙ» В. В. РАДЛОВА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Как уже отмечалось, «Опыт словаря тюркских наречий» В. В. Радлова «для своего времени был высшим достижением тюркской лексикографии как по обширности лексического материала, так и по строгой научности его систематизации и подачи в словаре. За десятилетия, истекшие после выхода в свет словаря, ценность его не стала менее значительной, несмотря на создание целой серии национальных словарей различных тюркских языков. Словарь В. В. Радлова до сих пор является единственным тюркоязычным словарем сравнительного типа, а материал по многим тюркским языкам и диалектам подчас можно найти только в этом словаре»¹.

Вместе с тем со времен В. В. Радлова тюркская лексикография выработала свои определенные традиции, и отдельные словари по конкретным тюркским языкам в качественном и количественном отношении вплотную приблизились к замечательным образцам отечественной и зарубежной лексикографии, например «Киргизско-русский словарь» К. К. Юдахина².

Широкий размах лексикографической работы в нашей стране привлек внимание многих языковедов, в том числе и тюркологов, к рассмотрению вопросов теории

¹ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Спб., 1893, т. 1, От издательства. Фотомеханич. переизд.

² Список словарей, составленных казахскими языковедами, приведен в «Библиографическом указателе литературы по казахскому языкознанию» Ш. Ш. Сарыбаева (Алма-Ата, 1965), с. 165—169. — К. Х.

лексикографии³. Для более успешного, теоретически обоснованного составления словарей с 1957 г. выпускается «Лексикографический сборник», в котором можно встретить целый ряд статей, посвященных как частным, так и общим вопросам лексикографии. Теоретическую направленность сборника характеризует следующая цитата из его первого выпуска: «Теорию лексикографии нельзя сводить к своему рода обобщенной инструкции для составления словарей, к своду технических правил оформления словаря, к перечню средств и приемов лексикографической трактовки материала. Теория лексикографии теснейшим образом связана со всеми научными дисциплинами, изучающими лексическую систему языка и законы его развития»⁴.

В последние два-три десятилетия должное освещение начинают получать вопросы общей теории лексикографии, к которым, в частности, относится вопрос о различных типах словарей.

К какому же типу относится «Опыт словаря тюркских наречий», составленный В. В. Радловым? Каковы его отличительные особенности? Какова функция словаря В. В. Радлова во второй половине прошлого столетия и в настоящее время?

Прежде чем перейти к рассмотрению этих вопросов, по-видимому, необходимо выделить основные моменты современной типологической классификации словарей.

Яков Малкиэль, выступивший на лексикографической конференции в университете штата Индиана (США, 1960 г., 11—12 ноября) с докладом «Типологическая классификация словарей на основе их отличительных черт»⁵ по материалам испанской лексикографии, для разделения словарей на типы выдвигает три основных критерия, каждый из которых выражается некоторыми конкретными положениями.

³ См.: *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии. — Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, 1940, № 3, с. 83—117; *Боровков А. К.* Из опыта составления русско-национальных словарей. — Лексикографический сборник. Вып. 1. М., 1957, с. 136—159; *Кенесбаев С. К.* Из опыта составления толкового словаря казахского языка: Тезисы доклада. Алма-Ата, 1960; *Юлдашев А. А.* Принципы составления тюркско-русских словарей. М., 1972; и др.

⁴ Лексикографический сборник. Вып. 1, с. 3.

⁵ *Malkiel Y.* A typological classification of dictionaries on the Basis of distinctive features. — International Journal of American Linguistics, 1962, part IV, vol. 28. N 2. april.

Первый критерий, по Малкиэлю, — классификация словарей в зависимости от сферы распространения лексического материала. Малкиэль предлагает объединение, охватывание слов как с точки зрения специалиста, так и неспециалиста. Эти словари он называет наиболее объективными, затрагивающими определения лишь чего-то реального⁶. Более конкретная форма этого типа словарей зависит от того, на чем сосредоточено внимание исследователя: 1) «на частоте» словарных статей, 2) на объединенном или же разграниченном ряде языков или 3) на уровне концентрации определенных лексических данных (названий реальных, собственных имен и т. д.).

Второй критерий — классификация словарей в зависимости от перспективы (*classification by perspective*) — можно противопоставить предыдущему на основании того, что в этом случае имеющиеся лексические факты составляют независимо от сферы распространения и предпочитаемого тона. В качестве основных моментов, характеризующих словари в данном отношении, Малкиэль выделяет 1) синхроническое и диахроническое отражение лексики языка, 2) последовательность слов в словаре (традиционная, семантическая и произвольная), 3) характер тона изложения (объективный, дидактический и шуточный)⁷.

Третьим критерием, способствующим классификации словарей, как считает Малкиэль, является форма представления лексического материала (*classification by presentation*), т. е. такие технические средства оформления словарей, как сокращения, транскрипция, ударение, нумерация и т. д.⁸

Таким образом, Яков Малкиэль пытается найти универсальные критерии, которые позволили бы разработать типологическую классификацию словарей. Однако, как мы видели, автор смешивает отличительные признаки внутренней и внешней структуры существующих словарей в одном классификационном критерии. К тому же классификация в зависимости от сферы распространения лексических данных даже при дальнейшем разделении на количественный, языковой и концентрированный принципы не в состоянии раскрыть функциональную

⁶ Там же, с. 5.

⁷ Там же, с. 15.

⁸ Там же, с. 20—22.

основу соответствующих словарей, так как требует еще дополнительного описания каждого типа словаря в отдельности.

Если рассмотреть «Опыт словаря тюркских наречий» В. В. Радлова с точки зрения критериев, предложенных Малкиэлем, и попытаться определить место, занимаемое этим словарем в типологическом ряду других словарей, то здесь, очевидно, можно говорить, во-первых, о количественной характеристике лексических данных, представленных в словарях, во-вторых, об особенностях словаря В. В. Радлова как переводного, когда, с одной стороны, мы имеем слова конкретных тюркских языков, а с другой — их семантические эквиваленты в русском и немецком языках. Если бы в словаре В. В. Радлова была собрана лексика какого-нибудь одного языка тюркской семьи с переводом на русский и немецкий языки, то мы, не колеблясь, назвали бы его трехязычным и рассматривали бы его просто как один из распространенных видов переводного словаря. Но в данном случае дело обстоит несколько иначе: слова ряда тюркских языков составлены В. В. Радловым в единый систематизированный список, параллельно с которым располагаются слова из русского и немецкого языков.

В отличие от Я. Малкиэля Л. В. Щерба, разрабатывая типологическую классификацию словарей, не стремится к нахождению универсальных критериев, которые подобно треугольной призме, преломляющей солнечный луч на разноцветный ряд спектра, способствовали бы разделению существующих словарей на определенные типы. Для того чтобы выделить главные особенности, лежащие в основе типологического различия словарей, Л. В. Щерба последовательно отбирает каких-либо два типа и проводит сопоставительный анализ. Например, он сравнивает академический (или нормативный) словарь со словарем-справочником, к которому, по его мнению, относятся переводные, энциклопедические, большинство технических, областных и словарей определенных говоров. Указав на разное практическое назначение этих двух типов словарей и на возможные принципы, по которым бы в них объединялись слова, Л. В. Щерба приходит к выводу, что «словарь-справочник характеризуется тем, что его слова не образуют цельной единой выразительной системы, или принадлежат к разным — хронологиче-

ски и географически — человеческим коллективам, или представляя собою лишь часть слов, образующих эту систему. Слова в академическом, или нормативном, словаре — наоборот, служат для взаимопонимания членов определенного человеческого коллектива, составляют единую сложную ткань, единую систему, которая, к сожалению, бывает обыкновенно очень плохо отражена, а то и вовсе не отражена в существующих словарях этого типа»⁹.

Таким же образом Л. В. Щерба вскрывает теоретические противоположения энциклопедического и общего, thesaurus и обычного (толкового или переводного), обычного (толкового или переводного) и идеологического, толкового и переводного словарей и, наконец, неисторического и исторического словарей.

Мы специально подробно остановились на выводах Л. В. Щербы относительно принципиальных различий между словарем академического типа и словарем-справочником, так как они (эти выводы) имеют непосредственное отношение к типологической характеристике исследуемого нами «Опыта словаря тюркских наречий» В. В. Радлова. Более того, рассуждая о некоторых принципах составления словарей-справочников, Л. В. Щерба затрагивает и вопрос определения типа, к которому относится словарь В. В. Радлова.

«Чаще всего в основе словарей-справочников нашего времени, — пишет Л. В. Щерба, — лежит идея нации, более или менее сужаемая и расширяемая, как географически, так и исторически... Однако не всегда идея нации является основой словаря-справочника: мы имеем замечательный, в свое время оказавший неоценимые услуги науке и практике многотомный «Опыт словаря тюркских наречий» В. В. Радлова, возможность которого базируется на большой близости турецких языков, могущих рассматриваться как диалекты единого, однако несуществующего языка. Приблизительно на подобной основе строятся часто этимологические словари»¹⁰.

Конкретизируя типологический анализ Л. В. Щербы в отношении «Опыта словаря тюркских наречий» В. В. Радлова, мы считаем необходимым посредством описания истории создания словаря, источников, исполь-

⁹ Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии, с. 92.

¹⁰ Там же, с. 93—94.

зованных при его написании, и принципа расположения слов выделить наиболее существенные его свойства

О том, как начиналась работа по созданию словаря, В. В. Радлов писал: «Приступив в 1859 году к исследованию тюркских наречий собственного Алтая, я с самого начала стал собирать не только произведения народного творчества, но и по возможности объемистый лексический материал. Каждое слово, встреченное мною во время исследований, я внес в алфавитный порядок, чтобы таким образом облегчить себе понимание собранных текстов. Основанием для словаря послужили, понятно, те наречия, которые я исследовал сперва, т. е. наречия алтайских горных калмыков и телеутов»¹¹.

В 1860-х годах список собранных слов был дополнен материалами по казахскому, киргизскому, тувинскому, шорскому, уйгурскому и хакасскому языкам.

В 1864 г. В. В. Радлов закончил редактирование собранного лексического материала по названым тюркским языкам и послал словарь вместе с первым томом «Образцов народной литературы тюркских племен» в Петербург академику А. А. Шифнеру, который использовал материалы словаря при издании «Образцов» В. В. Радлова, а затем в 1867 г. возвратил его автору в Барнаул с предложением несколько изменить последовательность словарных статей, после чего обещал содействовать в опубликовании словаря. Будучи обязанным А. А. Шифнеру за помощь, оказанную им при издании «Образцов», В. В. Радлов приступает к переработке своего труда. Переехав в Казань, В. В. Радлов дополняет накопленные материалы словами из татарского, башкирского, кипчакского, древнеуйгурского, а в петербургский период — словами из караньского, турецкого, крымско-татарского, джагатайского и других тюркских (живых и мертвых) языков.

«С различных сторон уговаривали меня, — пишет В. В. Радлов, — приняться за издание собранных мною лексических материалов тюркских наречий, но я откладывал это издание с года на год, так как считал нужным предварительное изучение старейших памятников джагатайской и османской литератур. В конце концов я убе-

¹¹ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893, с. 1

дится в основательности советов друзей моих поспешить с изданием словаря, ибо желательной полноты достичь во всяком случае невозможно, и решился уже в настоящее время издать его под заглавием „Опыт словаря тюркских наречий“»¹².

Ясно, что создание капитального словаря тюркских наречий на основании материалов, собранных лишь одним исследователем, практически невозможно. И поэтому В. В. Радлов в своем труде использовал словари по отдельным тюркским языкам, составленные его предшественниками. В словарь были внесены слова из «Словаря российско-татарского» учителя татарского языка И. Гиганова (Спб., 1804), «Словаря татарского языка» А. Троянского (Казань, 1833; изд. 2, Казань, 1835), из «Словаря джагатайско-турецкого» В. В. Вельяминова-Зернова (Спб., 1868), из «Сравнительного словаря турецко-татарских наречий» Л. Будагова (т. 1—2. Спб., 1869—1871), из «Грамматики алтайского языка» (Казань, 1879), из «Джагатайских этюдов» Вамбери (Лейпциг, 1867. На нем. яз.), из «Турецко-французского словаря» Бианки (Париж, 1835), из «Турецко-арабско-персидского словаря» Зенкера (Лейпциг, 1862—1876. На нем. яз.), из «Турецко-армянско-французского словаря» (Вена, 1883), из словаря Паве де Куртейля (*Dictionaire Turk-Oriental*. Paris, 1870), из «Калькутского словаря джагатайского языка в Восточном Туркестане» Р. Б. Шоу (Калькутта, 1880. На англ. яз.), из «Русско-сартавского словаря» Е. Наливкина (Казань, 1884), из «Словаря алтайского и аладагского наречий тюркского языка» В. И. Вербицкого (Казань, 1884) и из других менее содержательных словарей второй половины прошлого столетия.

Таким образом, В. В. Радлов при составлении «Опыта словаря тюркских наречий» использовал материалы около полутора десятка словарей по самым различным тюркским языкам. Что касается лексики казахского языка, то, очевидно, основная масса слов этого языка была зарегистрирована В. В. Радловым во время его путешествий по восточной и южной части Казахстана в 60-х гг. XIX в. и представлена в третьем томе «Образцов народной литературы тюркских племен». Но так как В. В. Радлову не удалось исследовать язык казахов западных областей Казахстана, для более объективного

¹² Там же, с. 4—5.

отражения лексики казахского языка он привлекает слова из «Материалов для изучения киргизского наречия» Н. И. Ильминского (Казань, 1861)¹³, который, как известно, занимался исследованием казахского языка в основном в западных областях Казахстана.

Включение в «Опыт словаря тюркских наречий» слов из целого ряда ранее созданных словарей позволило до определенной степени удовлетворить весьма ощутимую в то время потребность в руководстве, которое могло бы служить пособием как при чтении литературных произведений тюркоязычных народов, так и при теоретическом исследовании отдельных тюркских языков и практическом овладении ими.

Однако использование В. В. Радловым материалов из словарей своих предшественников ни в коем случае нельзя понимать как механическое объединение результатов собственных исследований с ранее накопленными лексическими материалами других тюркологов. Это становится очевидным, если обратить внимание на то, что в словаре В. В. Радлова слова каждого, отдельно взятого тюркского языка не включены в обособленные лексические группы, а соединены в единый алфавитный список, причем последовательность расположения слов осуществляется на основе различия их фонетической формы.

«Каждое, хотя бы самое незначительное, звуковое изменение слов в различных наречиях, — пишет В. В. Радлов, — получило особое место в алфавитном порядке. Я избежал этимологической группировки, встречаемой в других турецких словарях (где часто имена существительные и образовавшиеся из них прилагательные или глаголы и производные от них поудительные, возвратные и т. д. формы соединяются), и дал каждому слову отдельное место»¹⁴.

С целью выявления родственных связей между конкретными тюркскими языками в лексическом отношении В. В. Радлов указывает на множество случаев, когда в процессе дифференциации фонетическая форма, а иногда и семантика слова подвергались изменениям, обусловленным внутренним законом развития отдельного тюркского языка и теми условиями, в которых это развитие происходило. «Так как слова различных наречий переме-

¹³ См. там же, с. 5—6.

¹⁴ Там же, с. 5—6.

шаны между собою, — пишет В. В. Радлов, — я старался у всякого слова в скобках обозначать наречие или наречия, в которых я его встретил. Чтобы облегчить сравнение наречий между собою, я указываю у каждого слова на родственные и соответствующие слова всех других наречий, так что читатель имеет возможность, без всякого труда, проследить и отыскать связь родственных форм. У одной формы находятся более подробные указания на все остальные (это обыкновенно то слово, которое я впервые внес в свой словарь)»¹⁵. Так, слово *агач*, по Радлову, в значении 'дерево', 'деревянный' функционирует в телеутском, алтайском, лебединском¹⁶, киргизском, татарском, турецком, азербайджанском, крымско-татарском и караимском, со значением 'жердь', 'палка', 'удары палкою' — в турецком и алтайском и, наконец, в значении 'мера длины от 6 до 7 верст' — в турецком и азербайджанском языках. В этой же словарной статье В. В. Радлов выделяет несколько аналогичных форм из родственных языков и указывает на их принадлежность, например: *агач*, *агаши*, *агас*, *ыгач*, *аным*, *наш*, *наш-аваши*, которым в словаре посвящены отдельные статьи. *Агач*, по Радлову, употребляется в кюэриксском наречии (чулымско-тюркского языка), языке барабинских татар и куманском языке; *агас* или *агыс* — в койбальском диалекте хакасского языка; *агаши* — в казахском языке, шорском и сагайском диалектах хакасского языка; *агач* или *ыгач* — в уйгурском и джагатайском языках и т. д.

Представленные в большом количестве примеры позволяют проследить закономерности фонетической дифференциации слов в различных языках тюркской семьи, а значит, и пронаблюдать некоторые особенности фонетической структуры конкретных тюркских языков.

Развитие лексики какого-либо языка, как известно, выражается не только в обогащении за счет ее внутренних и внешних ресурсов, не только в активизации и усовершенствовании отдельных форм слово- и формообразования, но и, например, в выходе вследствие разных причин из употребления некоторых слов. Так, в казах-

¹⁵ Там же, с. 6.

¹⁶ В прошлом веке лебединский язык, по-видимому, был более обособлен и поэтому не рассматривался как диалект алтайского языка, что имеет место в наши дни. См., напр.: Языки народов СССР: Тюркские языки, т. 2, с. 5.

ском слове *қарақат* 'черная смородина' второй компонент не сохранил своего лексического значения и самостоятельно не употребляется. Это послужило причиной того, что понятие «красная смородина» в современном казахском языке передается словосочетанием *қызыл қарақат*¹⁷ букв. 'красная черная смородина'. Обратившись же к «Опыту словаря тюркских наречий» В. В. Радлова, мы обнаруживаем, что *кат* в телеутском языке, сагайском и койбальском диалектах хакасского языка имеет значение 'круглая, гладкая ягода'. Подобная реконструкция утраченного лексического значения возможна и в случае с казахским словом *қатын-қалаш*, последний компонент которого в современном казахском языке самостоятельно не употребляется. По Радлову, *қалаш* в джагатайском языке значил 'беспомощный, оставленный без средств к жизни', что, по-видимому, и объясняет сохранение в слове *қатын-қалаш* некоторого оттенка пренебрежительного и непочтительного отношения.

Следовательно, систематизированное объединение слов из целого ряда родственных языков, в данном случае тюркских, помимо отражения фактов истории звуковых процессов способствует проведению этимологического анализа над словами этих языков и тем самым характеризует типологическую особенность словаря как частично этимологического. Это, несомненно, связано, во-первых, с включением в словарь лексики большинства тюркских языков, во-вторых, со сравнительным характером построения словаря, которое при этом отличается своим оригинальным принципом, так как в основе сравнения лежит не лексическое значение слова, а прежде всего его фонетическая форма. Подобная направленность сравнительного анализа в словаре В. В. Радлова до определенной степени ограничивает возможность рассмотрения процесса дифференциации тюркских языков в лексическом отношении. Но именно «до определенной степени», потому что указания В. В. Радлова о наличии или отсутствии какого-либо слова в том или ином тюркском языке все же говорят о своеобразном сочетании в рассматриваемом словаре фонетического и лексического планов при сравнительном подходе к объединению слов в целом.

¹⁷ Русско-казахский словарь. Алма-Ата, 1946, т. 2, слово *смородина*.

Обычно же при составлении словарей сравнительного типа лексикографы руководствуются несколько иными принципами расположения слов. Так, в «Сравнительном словаре турецко-татарских наречий» Л. З. Будагова «слова расположены... по корням, т. е. все производные формы приводятся в одном гнезде с корнем (основой), что нередко ведет к тому, что для отыскания нужного слова приходится просматривать всю данную статью, часто довольно пространную; труд, связанный с просмотром всей статьи в целом, вознаграждается возможностью обозреть серию (часто исчерпывающую) слов, образованных от данного корня (основы)»¹⁸.

В «Сравнительном словаре абхазско-адыгских языков», по утверждению М. А. Кумахова, строение алфавитно-тематическое, т. е. слова разделены на группы, каждая из которых составляет названия одного круга предметов, например названия частей тела, степени родства, бытовых предметов и т. д.; в свою очередь слова каждой группы располагаются в алфавитном порядке¹⁹. Кроме того, слова в этом словаре сгруппированы по частям речи.

Сопоставление названных словарей (включая словарь В. В. Радлова), несмотря на ряд принципиальных расхождений в построении, позволяет классифицировать их как словари сравнительного типа, так как наиболее существенным для типологической характеристики этих словарей в данном случае является систематизированный список слов и их объяснений, призванных отражать лексико родственных языков в сравнительном плане²⁰.

Таким образом, если исходить из типологической классификации, предложенной Л. В. Щербой, по которой среди существующих словарей имеется такой тип, как словарь-справочник, подразделяющийся на ряд словарей по принципу объяснения слов, то, очевидно, «Опыт словаря тюркских наречий» В. В. Радлова можно определить как 1) переводной, 2) сравнительный, 3) частично этимологический словарь-справочник.

¹⁸ Кононов А. Н. Предисловие. — В кн.: Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Спб., 1869.

¹⁹ Кумахов М. А. О задачах и принципах составления сравнительного словаря абхазско-адыгских языков. — Лексикографический сборник. Вып. 6. М., 1963, с. 72.

²⁰ Мусабаев Г. Г. Лексика. — В кн.: Қазіргі қазақ тілі. Алматы, 1954, с. 89.

Кроме того, по мнению А. С. Чикобавы, «сравнительный словарь в той или иной мере историчен. Поэтому и естественно его называть историко-сравнительным, в отличие от документально-исторического»²¹.

В заключение этого раздела необходимо отметить некоторые другие особенности «Опыта словаря тюркских наречий» В. В. Радлова. Одной из таких особенностей в словаре В. В. Радлова является то, что после каждого реестрового слова в скобках автор указывает конкретные тюркские языки, в которых он их встретил. Это позволяет выделить, во-первых, слова, общие для всех тюркских языков, например: существительные: *бас* 'голова', *су* 'вода', *тас* 'камень', *тау* 'гора', *ас* 'пища', *агаш* 'лес, дерево', *кісі* 'человек', *жер* 'земля', *кун* 'солнце, день' и т. д.; глаголы: *ал* 'бери, возьми', *айт* 'скажи, говори', *бар* 'иди', *іш* 'пей', *кара* 'смотри', *кел* 'приходи' и т. д.; прилагательные: *ак* 'белый', *кара* 'черный', *кызыл* 'красный', *жаксы* 'хороший', *сары* 'желтый' и т. д.; местоимения: *мен* 'я', *сен* 'ты', *ол* 'он', *біз* 'мы' и т. д.; числительные: *бір* 'один', *екі* 'два', *уш* 'три', *торт* 'четыре', *бес* 'пять', *алты* 'шесть', *жеті* 'семь', *сегіз* 'восемь' и т. д.; во-вторых, слова, отражающие лексические расхождения между тюркскими языками.

Для обособления так называемой чисто тюркской лексики В. В. Радлов в своем словаре очень часто указывает на иноязычное происхождение слов, заимствованных тюркоязычными народами из арабского, персидского, монгольского и русского языков. Даже при самом поверхностном просмотре материалов словаря В. В. Радлова становится очевидным, что арабо-иранские заимствования получили наибольшее распространение в тюркских языках южной группы; влияние монгольского языка к середине XIX в. наиболее ощутимо в тюркских языках восточной группы и, наконец, в языках народов (имеются в виду тюркоязычные), одними из первых вошедших в состав Российской империи, преобладает влияние русского языка. В настоящее время, конечно, картина соотношения влияния различных языков на многие тюркские резко изменилась: влияние арабского, персидского и монгольского языков в значительной степени

²¹ Чикобава А. С. К вопросу взаимоотношений этимологического и сравнительного словарей. — Лексикографический сборник, вып. 6, с. 26.

ослабло, а влияние русского языка, наоборот, усилилось²².

Некоторые слова, отражающие самобытные стороны жизни различных тюркоязычных племен второй половины XIX в., в словаре В. В. Радлова получили интересные в познавательном отношении для современного представителя тюркоязычных народов объяснения.

Чтобы по мере возможности полнее охватить конкретные случаи употребления того или иного слова, В. В. Радлов приводит большое количество примеров, определенная часть которых заимствована им из «Образцов народной литературы тюркских племен». Кроме того, в словаре В. В. Радлова довольно часто встречаются пословицы и поговорки, которые вместе с другими примерами обогащают словарь, делают его более насыщенным. Вот несколько пословиц, выписанных нами из словаря В. В. Радлова:

*Қайындағы күйеуден
қарғылаған ит артық*

Лучше быть собачкой
с ошейником, чем жить
зятем у тестя

*Балалы үй — базар,
Баласыз үй — мазар*

Дом с детьми — базар,
дом без детей — кладбище

*Жақсыдан шарапат,
жаманнан кесепат*

От доброго — добро,
от злого — зло

Как правило, в словаре В. В. Радлова каждое производное слово обособлено и имеет свою отдельную статью. Чаще всего в словаре встречаются производные, оканчивающиеся на *-лык* (*-лік*, *-дык*, *-дік*, *-тык*, *-тік*) — словообразовательный аффикс имен, выражающий абстрактное понятие; *-ла*, (*-ле*, *-да*, *-де*, *-та*, *-те*) — аффикс глаголообразования; *-лы* (*-лі*, *-ды*, *-ты*, *-ті*) — аффикс, с помощью которого образуются прилагательные; *-шы*, *-ші* — аффикс агентивного и орудийного значения; *-сыз*, *-сіз* — аффикс отрицания.

Необходимо отметить объективности ради, что в словаре В. В. Радлова хоть и не часто, но все же встречаются разного рода неточности. Глагол *ауыздас*, как утвер-

²² Мусабиев Г. Г. Современный казахский язык. Ч. 1: Лексика. Алма-Ата, 1959, с. 57; Дмитриев Н. К. Арабские элементы в башкирском языке. — Записки коллеги востоковедов, 1930, т. 5, с. 121; Баскаков Н. А. и др. О развитии тюркских литературных языков. — В кн.: Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1969, с. 32.

ждает В. В. Радлов, в казахском языке употребляется в значении 'целоваться', но, как известно, в казахском языке это значение выражается словом *суйісу*; *ауыздасу* на русский язык переводится как 'разговор двух лиц, к которому один из собеседников стремился очень сильно', например: *Бір ауыздастырышы онымен* 'Сделай так, чтобы я обмолвился с ним хоть одним словечком'.

Кроме неточностей в передаче значений того или иного тюркского слова встречаются неточности в написании того или иного слова. Однако они не умаляют всех достоинств словаря. О том, что «Опыт словаря тюркских паречий» В. В. Радлова и в наши дни сохранил свое значение, говорит хотя бы тот факт, что сравнительно недавно в нашей стране вышло фотомеханическое переиздание этого капитального труда.

К ВОПРОСУ О ЗАИМСТВОВАНИЯХ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Изучая историю возникновения и развития отдельных народов, государств и культур, мы часто находим в ней следы влияния других, соседних и несоседних, народов и культур. Различного рода контакты народов, относящихся к одной или разным этническим общностям, определили характер их исторического, политического, экономического и культурного развития. Следствием этих контактов являются и изменения в языке исторически взаимосвязанных народов. Вызванные особенностями форм языкового общения, эти изменения становятся фактами взаимовлияющих языков и в той или иной степени определяют их дальнейшее развитие.

Но «какие бы формы ни принимало соприкосновение языков (их контакты), — пишет В. А. Звегинцев, — на результаты их «общения» оказывают влияние не только сами факты контактов и структура языков, но и факты неязыкового характера: экономические, политические, военные условия соприкосновения языков, культурный престиж вступивших в контакт языков, многочисленность говорящих на них народов и т. д.»²³. Следовательно, «изучение контактов конкретных языков необходимо всегда проводить с обязательным учетом исторических

²³ Звегинцев В. А. Очерки по общему языкознанию. М.: Изд. МГУ, 1962, с. 204.

(в самом широком смысле этого слова) условий, в которых возникают эти контакты»²⁴.

Какова же картина взаимоотношений казахского языка с другими языками? Каким изменениям подвергся казахский язык в результате различного рода контактов с другими языками?

Отвечая на эти вопросы, современные казахские языковеды чаще всего выделяют три типа языковых контактов: 1) казахско-арабо-персидские языковые отношения; 2) казахско-русские языковые отношения; 3) казахско-монгольские языковые отношения²⁵. Связи казахского языка с другими тюркскими языками в основном изучаются в плане определения и сопоставления родственных явлений и элементов, при этом очень часто остаются неохваченными вопросы связи казахского языка с тюркскими языками наиболее древнего периода, что, естественно, препятствует прояснению картины исторического развития казахского языка²⁶. Основной трудностью в изучении вопросов истории развития казахского языка и его наиболее древних контактов с другими языками является, как известно, отсутствие письменных памятников. И даже при рассмотрении первоначального этапа казахско-русских языковых отношений, которые берут свое начало гораздо позже, чем казахско-арабо-иранские и тем более казахско-монгольские, «установить их точные даты не представляется возможным, так как не сохранилось письменных документов, где эти заимствованные слова

²⁴ Там же.

²⁵ См., напр.: *Мусабаев Г. Г.* Современный казахский язык. I: Лексика. Алма-Ата, 1959, с. 46—59; *Сарыбаев Ш. Ш.* К вопросу о монгольско-казахских языковых связях. — В кн.: Қазақ тілі тарихы мен диалектологиясының мәселелері: Сб. статей. Алма-Ата, 1960, вып. 2; *Муллина Р.* К вопросу о русских и международных заимствованиях путем калькирования в казахском языке. — Уч. записки Каз. гос. ун-та (язык и литература), т. XIX, 1955; *Рустемов Л.* Арабско-иранские заимствования в казахском языке. Автореф. Дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1963.

²⁶ В этом отношении исключение составляют следующие работы языковедов: *Сауранбаев Н. Т.* Некоторые черты древнекипчакского языка. — Вестник АН КазССР, 1948, № 12; *Курьшжанов А.* Көне түрк тілдерінің жазу нұсқалары мен қазіргі қазақ тілі. — Материалы конференции по казахской и русской филологии: Тезисы докладов. Алма-Ата, 1962; *Он же.* «Кодекс Куманикус» — ескі мұрамыз. — Қазақ әдебиеті, 1960, 12 август, № 33; *Айдаров Г.* VIII ғасырдағы Топықоқ ескерткішіндегі қазақ тіліне тән сөздер. — Қазақ тілі мен әдебиеті, 1959, № 6; и др.

были бы зафиксированы»²⁷. Это высказывание, по-видимому, вполне справедливо в отношении древнего периода развития казахского языка и эпохи средневековья.

Одним из важных источников для изучения вопросов развития казахской лексики позднего периода считается «Опыт словаря тюркских наречий», составленный В. В. Радловым. Представленные в нем арабо-персидские и русские заимствованные слова, употреблявшиеся казахами в середине и во второй половине прошлого столетия, при сравнении с аналогичными заимствованиями середины XIX в. помогают документально раскрыть процесс изменения контактов казахского языка с другими языками. Дополняя иноязычные слова, зарегистрированные В. В. Радловым, материалами из других источников, мы попытаемся определить место этой категории слов в казахском языке. Вместе с тем это, как нам кажется, будет способствовать определению значения труда В. В. Радлова в изучении заимствований в казахском языке.

Русские заимствования в казахском языке

Русизмы казахского языка в «Опыт словаря тюркских наречий» В. В. Радловым были внесены из лексического материала третьего тома «Образцов устного народного творчества тюркских племен». Это и определило их количественный и качественный состав в словаре.

Часть записанных В. В. Радловым заимствований из русского языка связаны с названиями военно-административных должностей. Эти слова явились как бы отражением вполне определенных исторических событий, о которых М. Вяткин писал: «...завоевание Средней Азии окружало Казахстан системой русских крепостей, и Казахстан надолго превратился в колоннию российского царизма. Это изменившееся политическое положение позволило царизму разрешить и проблему административного управления Казахстаном, причем эта проблема была разрешена в реакционном направлении на основе укрепления чиновничьего и военно-оккупационного аппарата»²⁸. В результате в казахский разговорный, да и в ли-

²⁷ Мусыбаев Г. Г. Современный казахский язык. Ч. 1: Лексика. Алма-Ата, 1950, с. 46.

²⁸ Вяткин М. Очерки по истории Казахской ССР. Алма-Ата, 1911, с. 311.

тературный²⁹ язык проникают такие слова, как *палке-уник* 'полковник', *палкабай* 'полковой', *салдат* 'солдат', *жандырал* 'генерал', *болыс* 'волостной' и др.

С переселением русских крестьян в казахские степи вокруг крепостей образовывались русские поселения, где чаще всего возникали большие и малые ярмарки. В этих ярмарках постепенно стало участвовать кроме русских значительное количество казахов, что послужило расширению торговли между ними. Эта сторона общения двух народов в казахском языке отразилась такими заимствованиями, как *конес* 'купец', *деребне* 'деревня', *ылаука* 'лавка', *шерет* 'очередь', *шот* 'счеты' (*шотка салды* он высчитал на счетах), *сома* 'сумма, торговый оборот', *жарменке* 'ярмарка, базар' *поуоско* 'повозка', *опайка* 'телячья кожа в выделке на сапожный товар'³⁰, *бошке* 'бочка'.

Кроме выделенных заимствований среди материалов Радлова по казахскому языку можно встретить и следующие слова: *стел* 'стол', 'стул', *ыстолба* 'столб для привязывания лошадей', *шипшик* 'маленькие шипцы для удаления червей из спины скота'.

К русизмам В. В. Радлов относит и казахское слово *абакты* 'тюрьма', которое, по его мнению, восходит через русский к немецкому *гаунзахта*. К. К. Юдахин либо следом за В. В. Радловым, либо самостоятельно определяет *абакты* как заимствование из русского языка, при этом утверждает, что слово это в современном киргизском языке несколько устарело³¹.

Существует мнение, что *лабакты* (*абакты*) происходит от монгольского *авах* 'взять, заключить в тюрьму'³².

Подтверждением, что *лабакты* является исконно казахским словом, может служить случай употребления слова *лабак* в «Сказании о Кобланды-батыре», а также наличие *абак* 'сбежавший раб' в словаре Л. Будагова³³, на что указала Б. Сулейменова.

²⁹ Сыдықова Р. Абай шығармаларының тілі: (Лексика мен грамматикасы). Алматы, 1968, 108—128 бет.

³⁰ Это слово (*опайка* — *опоек*) Радлов толкует как 'черная киргизская кожа', мы же в данном случае предпочли объяснение В. Дала. См.: Дала В. Толковый словарь. М., 1956, т. 2, с. 674.

³¹ Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь, *абак*.

³² Қазақ тілінің қысқаша этимологиялық сөздігі. Алматы, 1966, 107—108 бет.

³³ Там же.

Учитывая, что *абакты* (*лабакты*, *абах*) встречается в тюркских и монгольских языках, мы считаем более логичным предположение, по которому данное слово либо просто алтайского происхождения и берет свое начало с того периода, когда тюркские и монгольские языки не успели дифференцироваться³⁴, либо оно в тюркских языках возникло в результате заимствования из монгольского или наоборот.

Из русского языка, как утверждает В. В. Радлов, казахами было заимствовано и слово *сіле*, которое явилось казахской интерпретацией русского слова *сила*. Причиной подобной этимологизации казахского слова *сіле*, вероятнее всего, послужили, во-первых, весьма неполный анализ семантического разнообразия в употреблении слова *сіле*, концентрация внимания лишь на определении его значения в словосочетании *сілем қурылды*, во-вторых, точка зрения Л. Будагова, рассматривавшего слово *сіле* как заимствованное из русского языка³⁵.

Для определения этимологии этого слова А. Курьшжанов приводит примеры из казахского, киргизского, телеутского, шорского, якутского, узбекского, чувашского, монгольского и маньчжурского языков и приходит к выводу, что *сіле* в некоторых тюркских языках в семантическом плане претерпело определенную трансформацию, а именно: *сіле* 'жилы, шейные жилы' перешло в *сіле* 'сила'³⁶. Употребление данного слова в целом ряде языков алтайской семьи отрицает возможность его заимствования из русского языка.

Вместе с тем интересно отметить, что аналогичные формы со сходными значениями были обнаружены в ряде языковых семей, в современной лингвистической литературе называемых ностратическими языками³⁷.

Что касается других слов из «Опыта словаря тюркских наречий» и «Фонетики северных тюркских наречий», то их иноязычное (в данном случае из русского языка) происхождение не вызывает сомнений.

³⁴ Баскаков Н. А. Тюркские языки. М., 1960, приложение 2, с. 228—229.

³⁵ Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 1. Спб., 1869.

³⁶ Қазақ тілінің қысқаша этимологиялық сөздігі. Алматы, 1966, 179—180 бет.

³⁷ Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971.

Конечно, приведенные заимствованные слова не отражают в полной мере лексической стороны казахско-русских языковых контактов середины и второй половины XIX в. Зафиксированные Радловым русские заимствования в казахском языке можно дополнить следующим списком слов, составленным на основе материалов современных исследований по этому вопросу³⁸.

1. Слова, связанные с домашней обстановкой и домашним хозяйством: *самауыр* 'самовар', *сіренке* 'сиранка', *қарзенке* 'корзинка', *тәрелке* 'тарелка', *пілте* 'фитиль', *бедре* 'ведро', *ботелке* 'бутылка', *кереует* 'кровать', *жәшік* 'ящик' и др.

2. Слова, связанные с упряжью, предметами гужевого транспорта: *божы* 'вожжи', *шана* 'сани' и др.

3. Слова, связанные с обувью, мануфактурой и предметами украшения: *батенке* 'ботинки', *батес* 'батист', *пенжек* 'пиджак', *кало* 'галоши', *шәл* 'шаль' и др.

4. Слова, связанные с земледелием, огородничеством: *борозна* 'борозда', *сока* 'соха', *картон* 'картофель', *шешке* 'семечки' и др.

5. Слова, связанные с территориальным и административным делением, а также слова, указывающие на административную должность, учреждение: *ояз* 'уезд', *пешет* 'печать', *облыс* 'область', *губернатор* 'губернатор', *сот* 'суд', *старшин* 'старшина', *закун* 'закон', *участке* 'участок', *кеңсе* 'канцелярия', *турсе* 'тюрьма', *песір* 'писарь', *пошта* 'почта' и др.

6. Слова, связанные с инструментами, постройками и стройматериалами: *пеш* 'печь', *шолан* 'чулан', *борене* 'бревно' и др.

7. Слова, связанные с торговлей, мерой веса: *селкобай* 'целковый', *монет* 'монета', *әшмешке* 'осьмушка', *келгірам* 'килограмм', *пұт* 'пуд' и др.

Кроме того, во второй половине прошлого столетия и ранее в казахский язык вошли следующие русские слова: *орыс* 'русский', *кірес* 'крест', *шіркеу* 'церковь', *пар* 'пара',

³⁸ *Сарыбаев Ш. Ш.* Развитие лексики казахского языка в советскую эпоху. — В кн.: М. О. Ауэзову: Сб. статей к его шестидесятилетию. Алма-Ата, 1959, с. 235—236; *Мусабаев Г. Г.* Современный казахский язык. Ч. 1: Лексика. Алма-Ата, 1959, с. 46—52; *Сулейменова Б.* О русских словах в произведениях Абая. — Известия АН КазССР. Сер. обществ. наук, 1964, вып. 4, с. 57—66; *Кенесбаев С. К.* К вопросу о влиянии русского языка на казахский. — Вестник АН КазССР, 1953, № 6, с. 11—19.

сыяз 'съезд', шар 'шар', майыр 'майор', партия 'партия', поштабай 'почтовый', атпевет 'адвокат' и др.

Разумеется, все отмеченные слова были заимствованы в самые различные периоды казахско-русских языковых контактов, обусловленных определенными историческими обстоятельствами.

Одну из наиболее последовательных периодизаций русских заимствований выдвинул проф. Г. Г. Мусабаев³⁹. Прежде всего он замечает, что его периодизация заимствования русизмов носит ориентировочный характер. Он выделяет четыре основных периода заимствования.

Первый период, по его убеждению, берет начало в древнюю эпоху и заканчивается в начале XVII столетия, когда «хозяйственно-экономическое соприкосновение было не таким тесным». «Казахская степь еще не видела русских переселенцев, непосредственная связь была очень слабой, поэтому заимствование из русского языка было незначительным, во-первых, в силу разносистемности языка, во-вторых, этому мешало различие религий»⁴⁰.

Второй период ограничивается отрезком времени с XVII в. до второй половины XIX в., в течение которого произошло «добровольное подчинение Казахстана Российской империи». В это время имело место массовое переселение русских в казахские степи, «взаимоотношения обоих народов развиваются очень быстрыми темпами» — все это создало благоприятные условия для заимствования. Третий период начинается во второй половине XIX в. и продолжается вплоть до Октябрьской революции. «Этот период сравнительно с прошедшими двумя периодами является более плодотворным, так как к этому времени все три жуза казахов уже перешли в подданство России; кроме того, бурное развитие капитализма в России и оживленная торговля, денежный оборот, а также культурный обмен между двумя народами явились причиной введения многих новых слов в казахский язык»⁴¹.

Четвертый период заимствования русских слов —

³⁹ Мусабаев Г. Г. Современный казахский язык, ч. I: Лексика, с. 47—48.

⁴⁰ См. там же.

⁴¹ Мусабаев Г. Г. Современный казахский язык, ч. I: Лексика, с. 47—48.

послеоктябрьский. Этот период можно назвать периодом наибольшего благоприятствования языковых контактов.

Таким образом, мы видим, что вторая половина XIX в., т. е. именно тот период, когда В. В. Радлов занимался сбором и регистрацией казахской лексики, как бы «занимает второе место» в истории влияния русского языка на казахский.

Однако, как уже отмечалось, среди материалов В. В. Радлова по казахскому языку нами было обнаружено весьма незначительное количество русских заимствований. Чем же объяснить отсутствие в словаре В. В. Радлова более или менее полного списка интересующей нас категории слов? В данном случае, по-видимому, причиной послужили два обстоятельства: во-первых, В. В. Радлова, как и многих тюркологов того времени, интересовала прежде всего оригинальная лексика конкретных тюркских языков, и это вполне естественно, так как, не изучив досконально исследуемый язык, трудно заниматься вопросами его контактов с другими языками; во-вторых, очевидно, во второй половине XIX в. русские заимствования не выполняли той в громадной степени важной функции, которую они выполняют в наши дни, и поэтому В. В. Радлов не уделял специального внимания этой категории слов словарного состава казахского языка. Несмотря на то, что русизмы казахского языка в «Опыте словаря тюркских наречий» встречаются очень редко и число их не превышает двух десятков, лингвистический анализ этих слов позволяет нам сделать интересные выводы о фонетической стороне казахско-русских языковых контактов второй половины XIX в.

Как уже отмечалось в предыдущей главе, русские заимствования в прошлом столетии и ранее чаще всего подвергались фонетическим изменениям, характер которых был обусловлен фонетическими особенностями казахского языка. Каждое русское слово как бы проходило через своеобразный фильтр, роль которого выполняли закон гармонии гласных и оригинальный состав казахских гласных и согласных. Соответствие же звуковой формы отдельных русских слов особенностям фонетической системы казахского языка явилось одним из факторов, способствовавших более быстрому их усвоению.

Таким образом, наблюдения В. В. Радлова над фонетическими изменениями русских заимствованных слов в

казахском языке показали, что в период его научной деятельности сфера влияния русского языка на казахский ограничивалась лишь рамками лексики. Подобное явление вполне закономерно: лексика представляет собой наиболее проникаемую часть любого языка, т. е. лексика каждого языка в большей степени подвержена изменениям, чем фонетическая, морфологическая и синтаксическая структура⁴².

Правда, в таких печатных изданиях прошлого столетия, как «Дала ұалаятының газеті» и «Түркістан ұалаятының газеті», можно встретить заимствования из русского языка, которые употреблялись без каких-либо изменений, сохраняя все свои специфические, не свойственные для казахского языка особенности, например: *генерал-губернатор, адъютант, апрель, кадетский корпус, университет, инспектор, делопроизводитель, министр, полковник*⁴³, *почетный гражданин, ветеринарный фельдшер, заказной* и др.⁴⁴

Отдельные представители казахского народа, например Чокан Валиханов, Абай Кунанбаев, Ибрай Алтынсарин и другие, хорошо владея русским языком, зная замечательные творения русской культуры, употребляли русские слова в той форме, в какой они функционировали в русском языке. Несомненно, что подобный способ заимствования русских слов был нетипичным для основной массы казахов, которые «подчиняли» эти слова казахской фонетической и морфологической структуре. В. В. Радлова же, как известно, главным образом интересовали материалы по казахскому народному разговорному языку, и поэтому записанные им русские заимствования, по-видимому, можно рассматривать как наиболее характерные для того времени как в лексическом, так и в фонетическом отношении.

Следовательно, исходя из наблюдений В. В. Радлова (хотя и немногочисленных) над русскими заимствованиями в казахском языке второй половины XIX в., мы можем

⁴² См.; напр.: Звегинцев В. А. Очерки по общему языкознанию. М.: Изд. МГУ, 1962, с. 244; Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М., 1959, с. 207.

⁴³ Сарыбаев Ш. Ш. Развитие лексики казахского языка в советскую эпоху. — В кн.: М. О. Ауэзову: Сб. статей к его шестидесятилетию. Алма-Ата, 1959, с. 234.

⁴⁴ Сулейменова Б. О русских словах в произведениях Абая. — Известия АН КазССР. Сер. обществ. наук, 1964, вып. 4, с. 64.

заклучить, что в этот период казахско-русские языковые контакты носили лишь поверхностный характер, т. е. влияние русского языка распространялось только на отдельные разряды казахской лексики, но не затрагивало структуры казахского языка.

Для изучения истории казахско-русских языковых отношений важное значение имеет высказывание Радлова о том, что в его время заимствование русских слов в Казахстане было неравномерным, не везде одинаковым: в южных областях преобладало влияние узбекского языка, содержащего гораздо большее количество арабо-иранских заимствований, чем казахский, а на севере — русского⁴⁵. Подобная локализация влияния узбекского и русского языков на казахский язык частично сохранилась и в наши дни.

Современное состояние казахско-русских языковых контактов может получить наиболее полное и объективное освещение, как и в случае изучения многих других языковых явлений, только при сочетании синхронического и диахронического подхода в изучении различных аспектов этой проблемы. Иначе говоря, современное состояние казахско-русских языковых контактов приобретает большую ясность тогда, когда они рассматриваются не изолированно, а в связи с развитием аналогичных явлений в прошлом веке. Это и обуславливает значение «Опыта словаря тюркских наречий» В. В. Радлова.

Однако прежде чем перейти к сопоставлению состояний рассматриваемых контактов в историческом плане, ограничиваясь лишь одной стороной данного вопроса, а именно влиянием русского языка на казахский, попытаемся выделить главные особенности этого влияния в послеоктябрьский период.

В этот период обогащение лексики казахского языка происходило, во-первых, за счет использования внутренних ресурсов языка (словообразование, калькирование, расширение значения слова, введение диалектной и разговорной лексики), во-вторых, посредством заимствования громадного количества иноязычных слов в подавляющем большинстве из русского или через русский язык. При этом «процесс заимствования иноязычных слов, как утверждает К. Мусаев, был бурным в начальный период

⁴⁵ Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен. Сиб. 1870, т. 3, с. 18.

послеоктябрьского развития казахского языка, и в настоящее время он заметно ослабел, уступив главенствующую роль словообразованию и калькированию»⁴⁶.

В связи с бурным развитием науки, техники, экономики, промышленности, национального искусства и литературы⁴⁷ значительную часть заимствованных в послеоктябрьский период слов составляют термины, для унификации которых в Казахстане была выпущена серия терминологических словарей⁴⁸.

Отмечая колоссальную интенсивность развития казахского языка в советскую эпоху, М. О. Ауэзов писал: «В наше время словарь казахского языка пополнился неизмеримо, наше поколение в этом отношении несравненно богаче Абая...»⁴⁹.

Влияние русского языка на казахский в послеоктябрьский период не ограничивается изменениями только в лексике. Вместе с русскими словами в казахский язык проникают новые фонемы. «Так, в консонантизме казахского языка за советское время происходит процесс выделения фонем *y*, *и*, которые раньше в языке отсутствовали»⁵⁰.

Многие русские слова в силу специфичности своей фонетической структуры при массовом заимствовании нарушают одну из принципиальных особенностей казахского языка — гармонию гласных — и тем самым оказывают влияние на фонетическую структуру казахского языка. Правда, в настоящее время все еще наблюдается неодинаковость произношения русских заимствований. Так, старшее поколение казахов и большая часть коренного населения в отдельных районах Кызыл-Ординской, Чимкентской, Гурьевской и других областей, где в численном отношении преобладают казахи, русские заимствования

⁴⁶ Мусаев К. Казахский язык.— В кн.: Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху: (тюркские, финно-угорские и монгольские языки). М., 1969, с. 70.

⁴⁷ Кийкбаев Н. К. К вопросу о формировании и развитии казахской социалистической нации.— В кн.: Формирование социалистических наций в СССР. М., 1962, с. 225—276.

⁴⁸ Библиографию по данному вопросу см.: Сарыбаев Ш. Ш. Библиографический указатель литературы по казахскому языкознанию. Алма-Ата, 1965, с. 165—169.

⁴⁹ Ауэзов М. О. Некоторые вопросы развития казахского литературного языка.— Литературная газета, 1951, 4 октября.

⁵⁰ Мусаев К. Казахский язык, с. 82—83; См. также: Мусабаев Г. Г. Современный казахский язык, с. 52.

произносятся в соответствии с правилами фонетики казахского языка, что, как мы видели, было характерно для дореволюционного периода. У казахов же среднего и молодого поколения в подавляющем большинстве случаев произношение близко или тождественно русскому.

В советский период русский язык частично оказывает влияние на морфологическую и синтаксическую структуру казахского и некоторых других тюркских языков. В связи с этим Н. А. Баскаков пишет: «Из многообразных изменений, происходящих в синтаксисе конкретных тюркских языков, наиболее продуктивными являются следующие: а) инверсия в составе словосочетаний и предложений; б) развитие конструкции с вводными словами и предложениями; в) активизация во всех жанрах обособления отдельных членов предложения и г) развитие многообразных форм сложноподчиненного союзного предложения. Некоторые из этих явлений в весьма слабой мере, в зачаточном состоянии встречались в тюркских языках как в древних и средневековых, так и в новых... другие были вызваны внешними импульсами и, в частности, влиянием синтаксических норм русского языка»⁵¹.

Несмотря на значительное расширение функции современного казахского языка во многих районах республики у казахов наблюдается казахско-русское двуязычие. «По степени владения двумя языками казахское население можно разделить на три группы: 1) знающие хорошо оба языка, 2) знающие русский язык слабее, чем казахский (в настоящее время этот тип преобладает над двумя другими), 3) знающие родной язык слабее, чем русский (к этой группе относится в основном казахская молодежь городов и поселков, которая обучается в школах на русском языке и лишь в быту употребляет казахский язык»⁵². Кроме того, сравнительно редко можно встретить казахов, совершенно не владеющих русским языком, а также казахов, не знающих свой родной язык.

Исходя из изложенного в данном разделе, как же можно охарактеризовать современное состояние казахско-русских языковых контактов?

⁵¹ Баскаков Н. А. О развитии тюркских литературных языков: (Изменение в грамматике). — В кн.: Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1969, с. 41.

⁵² Мусаев К. Казахский язык, с. 108.

В докладе, посвященном отдельным вопросам языковых контактов, В. И. Абаев пишет: «...субстрат и заимствование представляют проникновение элементов одной системы в другую. Но при субстрате это проникновение несравненно глубже, интимнее, значительнее. Оно может пронизать все структурные стороны языка, тогда как заимствование, как правило, распространяется только на некоторые разряды лексики. Интимность и глубина сближают субстратные связи со связями, основанными на родстве. И субстрат, и родство предполагают этнографические связи. В отличие от них заимствование ни в коей мере не связано с этногенезом.

Когда мы пытаемся уяснить, в чем причина своеобразия языковых последствий субстрата, уяснить, почему эти последствия оказываются интимнее и глубже, чем при заимствовании, даже самом интенсивном, мы приходим к проблеме двуязычия.

...Длительное двуязычие создает предпосылки для далеко идущего смешания и взаимопроникновения двух языковых систем. Лингвистическую специфику субстрата можно объяснить только на почве двуязычия»⁵³.

Но можно ли в данном случае говорить о субстратном характере развития современного казахского языка в условиях казахско-русского двуязычия?

Мы считаем, что нет. Во-первых, за исключением отдельных случаев (например, продуктивность заимствованных из русского языка суффиксов *-ов, -ова, -ин, -ина, -ев, -ева: Досанов, Досанова, Жангалин, Жангалина, Тлеубаев, Тлеубаева*), морфологическая структура казахского языка в контакте с русским не претерпела каких-либо существенных изменений. Во-вторых, влияние русского языка не нарушает стройности и сравнительной последовательности системы вокализма и сингармонизма исконно казахских слов, обусловленных основными принципами фонетической структуры. В-третьих, если в синтаксической структуре казахского языка и произошли некоторые изменения, вызванные калькированием отдельных синтаксических конструкций русского языка, то они в современном казахском литературном языке не носят глубоко преобразующего характера, а в разговорном языке встречаются редко.

⁵³ Абаев В. И. О языковом субстрате. - Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР, 1956, вып. 4, с. 59.

Значит, наиболее подверженной влиянию русского языка оказалась казахская лексика, обогатившаяся в советскую эпоху огромным количеством новых слов. Остальные же структурные стороны казахского языка продолжают сохранять свое типологическое своеобразие, т. е. влияние русского языка на фонетическую, морфологическую и синтаксическую структуру казахского языка в настоящее время не является, выражаясь словами В. И. Абаева, «глубоким, интимным, значительным», что, вероятнее всего, обусловлено отсутствием генетического родства и типологической общности между русским и казахским языками.

Данное положение отражает лингвистическую сторону вопроса. С точки зрения же социальной лингвистики сопоставление казахско-русских языковых контактов второй половины XIX века и послеоктябрьского периода позволяет сделать следующие выводы: 1) в настоящее время по всей республике распространено казахско-русское двуязычие, факты русско-казахского крайне редки; 2) социальные функции русского языка значительно расширились, охватывают все сферы деятельности населения, русский язык прочно утвердился как язык межнационального общения, казахский язык также значительно расширил свои социальные функции, факты межнационального общения народов Казахстана на казахском языке встречаются регионально.

Арабо-иранские заимствования в казахском языке

Судя по лексическим материалам, представленным в «Опыте словаря тюркских наречий», в середине и во второй половине прошлого столетия арабо-иранских заимствований в казахском языке было несравненно больше, чем русских заимствований.

Как утверждает В. В. Радлов, слова из арабского и иранских языков в казахском укрепились «благодаря религиозным книгам» и «общению с другими мугаметами», т. е. в большинстве случаев через торговцев из Средней Азии и Восточной России или же «через татар, живших в степи, либо как беженцы, либо работавших учителями или проводниками и т. п.»⁵⁴.

Определяя значение и влияние религиозных произве-

⁵⁴ Радлов В. В. Фонетика, с. 43.

дений на тюркоязычные народы, в данном случае на казахов, В. В. Радлов в предисловии к третьему тому «Образцов» (с. XX—XXI) выделяет лишь одну сторону этого чрезвычайно сложного процесса, а именно наводнение, загромождение казахского языка иноязычной, главным образом арабо-иранской, лексикой. Подобные факты злоупотребления арабо-иранскими заимствованиями Радловым рассматриваются как весьма отрицательные явления, оказывающие влияние на «языковое чувство» народа.

Полевые наблюдения позволили В. В. Радлову сделать вывод, что распространение арабо-иранских заимствований в казахском языке неравномерно: в южных областях, особенно в современных Чимкентской, Джамбулской и Кызыл-Ординской, в разговорной речи казахов и в наши дни можно встретить эти заимствования в гораздо большем количестве, чем в северных и восточных областях.

В «Фонетике» В. В. Радлов еще не производит каких-либо разграничений между заимствованиями из арабского и иранских языков. Такой подход к изучению иноязычных слов в тюркских языках, на наш взгляд, был обусловлен тем, что В. В. Радлова интересовало не столько происхождение того или иного заимствованного слова, сколько устойчивость фонетической структуры (в частности, состава гласных и согласных, закона гармонии гласных) тюркских языков при заимствовании слов из арабского и иранского языков.

В «Опыте словаря тюркских наречий» для выделения исконно тюркской лексики В. В. Радлов указывает на иноязычный пласт в словарном фонде конкретных тюркских языков, причем для большей объективности делит рассматриваемые нами в данном разделе заимствования на две группы — арабские и иранские. В предлагаемых ниже тематических списках слов, частично отражающих наиболее употребительные арабо-иранские заимствования в казахском языке второй половины XIX в., взятых из словаря Радлова (с его переводом), мы также не объединяли эти группы слов. Из арабских заимствований он выделяет следующие:

слова, связанные с религией:

айт 'праздник после Рамазана'; *айт айы* 'месяц Рамазана'; *ажал* 'смерть, час смерти'; *акрет* 'саван, плат, в ко-

торый заворачивают труп'; *алла* 'бог, аллах'; *азан* 'призыв на молитву'; *арам* 'нечистый, запрещенный шариа-том'; *аруақ* 'души умерших, предков', *әулие* 'святой', *дін* 'вера, религия', *обал* 'грех', *молда* 'мулла', *намаз* 'молитва', *ораза* 'пост', *шариат* 'религиозный закон', *құбыла* 'сторона молитвы, запад' и т. д.;

слова, отражающие культурно-научные понятия: *әліп* 'первая буква арабской азбуки', *ғалым* 'ученый', *қауым* 'народ, люди, следующие одной вере', *қалам* 'перо', *қат* 'письмо, грамота', *ноқат* 'точка', *кітап* 'книга', *мектеп* 'школа', *муғалім* 'учитель', *дәуіт* 'чернильница', *мәжіліс* 'собрание';

слова, отражающие отвлеченные понятия: *айла* 1) 'хитрость', 2) 'ум, разум', *ақиқат* 'верно, действительно', *құса* 'тяжелая тоска', *қыйанат* 'вероломство, низость', *қасиет* 'достоинство, цена', *қайрат* 'сила, крепость, возбуждение', *ықтияр* 'воля, мнение, свободный выбор', *ықлас* 'откровенное намерение, сильное желание', *өмір* 'жизнь', *әмір* 'могущество, воля', *элемет* 'знак, чудо', *әлем* 'мир', *әл* 'сила, могущество', *амал* 'средство, с помощью которого человек в состоянии что-нибудь совершить', *азап* 'мука, мучение, печаль, страдание, наказание, попытка', *ақыл* 'ум, разум, умственное дарование', *ауқат* 'средства к жизни, имение, имущество', *айып* 'вина', 'преступление', *тәрбие* 'воспитание', *ыза* 'досада, гнев';

некоторые другие существительные: *әкім* 'начальник', *әскер* 'войско, солдат, воин', *адам* 'человек', *әйел* 'женщина', *қалық* 'народ', *құрбы* 'живущие в одних и тех же обстоятельствах, люди одного положения, ровесники', *ыбрат* 'пример, модель', *қамыр* 'тесто', *қарыз* 'долг, заем', *қата* 'ошибка', *аса* 'трость, посох', *тарық* 'время-исчисление' и т. д.

Основная масса арабских заимствований в казахском языке представлена существительными, но можно встретить и другие части речи, например прилагательные: *айбат* 'прекрасный, важный, могучий; сердитый, грозный вид', *азиз* 'сильный, могучий, сердитый', *әзір* 'готовый, наготове', *әділ* 'справедливый', *әдемі* 'прекрасный, превосходный, отличный', *анар* 'милостивый', *арам* 'нечистый, противозаконный', *ғажап* 'замечательный, прекрасный', *ғажайып* 'удивительный, добрый, честный, добросовестный', *қасар* 'несчастный, бедный, нищий' и т. д.; наречия: *әуелі* 'сначала, прежде всего,

вначале', *мәселен* 'например' и т. д.; с о ю з *яғни* 'то есть'; местоимения: *күллі* 'все, весь, вся' и т. д.

Из иранских заимствований, употребляющихся в казахском языке, В. В. Радлов выделяет следующие:

названия дней недели: *дүйсенбі* 'понедельник', *сейсенбі* 'вторник', *сәрсенбі* 'среда', *бейсенбі* 'четверг', *сембі* 'суббота', *жексенбі* 'воскресенье', *апта* 'неделя';

слова, отражающие отвлеченные понятия: *арман* 'желание, стремление', *азат* 'освобождение', *өнер* 'искусство, ремесло, ловкость' и т. д.;

слова хозяйственно-бытового значения: *ара* 'пила', *қант* 'сахар', *ұлтарақ* 'подошва, стелька', *дүрбі* 'бинокль';

слова, связанные с религией: *құдай* 'бог', *қожа* 'учитель, мулла, духовное лицо, потомок пророка', *дәруиш* 'дервиш', *періште* 'ангел', *кіна* 'вина, грех, проступок' и т. д.;

некоторые другие существительные из иранских языков: *опиын* 'опиум', *аспан* 'небо', *айдақар* 'дракон, чудовище', *кедей* 'бедный, бедняк', *кербез* 'франт, шеголь', *келбет* 'наружность', *қуә* 'свидетельство', *қағаз* 'бумага', *мейман* 'гость' и т. д.

Кроме того, встречаются **отдельные прилагательные:** *азар* 'злой, худой, негодный', *арзан* 'дешевый', *арамза* 'нечистый, злоумышленный', *зирек* 'понятливый, смывленный, догадливый, способный, умный' и т. д.

Большая часть выписанных нами из словаря В. В. Радлова арабо-иранских заимствований продолжает функционировать в казахском языке и в настоящее время и даже входит в его основной словарный фонд. Остальные же слова этой группы иноязычной лексики (особенно слова религиозного содержания или связанные с религией) либо имеют узкие рамки общественной функции, либо вовсе вышли из употребления и сохранились в общем словарном составе в качестве историзмов. например: 1) арабизмы: *айат* 'стих корана', *алал* 'чистый, святой', *азан* 'призыв к молитве', *елем* 'военное знамя', *қазрет* 'господин, большей частью почетное звание духовных лиц', *қажы* 'богомолец, идущий в Мекку', *қазы* 'судья', *ықсан* 'милостыня', *ыба* 'почтенно', *қағыр* 'гнев, наказание, могущество', *қатрат* 'опасность, нужда', *зарурат* 'нужда, нужное', *күшір* 'десятина духовным лицам (из ста голов скота одна)' и т. д.; 2) иранизмы: *тоқит*

'трон', нарқа 'цена', өнербет 'художник, ремесленник, ловкий', қырынтай 'пленник, добыча' и т. д.

Причину резкого сокращения в советский период заимствований из арабо-иранских языков можно объяснить значительным расширением социальных функций русского языка и его влиянием на казахский⁵⁵. Вместе с тем интересно отметить, что в последнее десятилетие в произведениях некоторых казахских писателей и литературоведов наблюдается увлечение арабизмами и фарсизмами, функционировавшими в казахском литературном языке прошлого века. Причину данного явления определить довольно трудно. Возможно, что происходит из-за того, что историческая тематика в современной казахской литературе стала одной из наиболее актуальных и популярных.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВНУТРЕННИХ РЕСУРСОВ В КАЧЕСТВЕ ИСТОЧНИКА ПОПОЛНЕНИЯ ЛЕКСИКИ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

Каким бы ни был процесс заимствования иноязычных слов, в каждом языке наряду с ним происходит образование новых слов на основе использования внутренних языковых ресурсов⁵⁶. Подобное явление вполне закономерно, так как часто заимствованное слово для людей, недостаточно хорошо или же вовсе не владеющих языком, из которого это слово было заимствовано, функционирует как нечто изолированное, оторванное от того общего круга понятий, с которыми оно связано как своей формой, так и содержанием. В родном же языке наоборот — опыт и ежедневная практика и связанное с ним так называемое языковое чутье позволяют нам воспринимать значение того или иного слова не только в его связи с контекстом или рядом производных, но и в зависимости от наличия или отсутствия тех или иных морфологических элементов, а также его места в синтаксиче-

⁵⁵ Мусабаев Г. Г. Современный казахский язык, ч. 1, с. 57; Әбилқасимов Б. Алғашқы қазақ газеттерінің тілі. Алматы, 1971, 97 бет.

⁵⁶ См., напр.: Барлыбаев Р. Қазақ тілінде сөз мағнасының келеуі мен тарылуы. Алматы: Мектеп, 1968; Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка, с. 63.

ской конструкции. К тому же, если учесть, что при заимствовании иноязычных слов в качестве препятствующих моментов могут выступать типологическое различие, несоответствие фонетических структур, неодинаковость моделей синтаксических конструкций языков и целый ряд факторов лингвистического характера, то становится вполне очевидным, что заимствование готовых форм может быть сопряжено со значительными трудностями.

Вместе с тем между двумя способами пополнения словарного фонда существует определенная зависимость: чем легче заимствованные слова (будь то в силу лингвистических или же нелингвистических причин) проникают в какой-либо язык, тем реже возникает необходимость в использовании внутренних ресурсов этого языка для образования новых слов.

Так, продуктивность различных способов обогащения словарного состава казахского языка в послереволюционный период была неодинакова. В 20—30-х гг., да и несколько позже, несмотря на структурные различия, в казахском языке процесс заимствования слов из русского и через русский язык был очень бурным, а «в настоящее время он заметно ослабел, уступил главенствующую роль словообразованию и калькированию»⁵⁷.

В чем же причина подобных изменений? Казалось бы, должно быть наоборот. Ведь послеоктябрьский период в Казахстане характеризуется развитием национальной литературы и искусства, науки и техники, что было вызвано коренными изменениями в экономической и общественной жизни казахского народа. Все это, как известно, сопровождается широким распространением множества новых, ранее неизвестных понятий, предметов и их названий, основная масса которых проникает в казахский язык в результате заимствования из русского и других европейских языков через русский.

За последние два-три десятилетия в Казахстане значительно возросла численность людей, говорящих на русском языке. Это значит, что языковая ситуация в Казахстане становится все более благоприятной для заимствования русских слов, а не использования внутренних ресурсов казахского языка.

⁵⁷ Мусаев К. М. Казахский язык. — В кн.: Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху, с. 70.

Однако, указывая на изменения языковой ситуации в пользу заимствования из русского языка, мы не учитывали значительное расширение общественных функций казахского языка⁵⁸. Именно высокая степень интенсивности функционального развития и послужила причиной большей активизации внутренних ресурсов в пополнении словарного фонда казахского языка в последние десятилетия.

Вместе с тем необходимо помнить, что «функциональное развитие казахского языка всегда отставало от развития той или иной отрасли знания, которую язык призван обслуживать. Так, например, бурное развитие науки в Казахстане, происходившее в 40—50-х годах, в языке получает отражение лишь в 50—60-е годы. Это является в какой-то мере результатом функциональной ограниченности языка в предыдущий период»⁵⁹.

Продуктивность использования внутренних ресурсов в качестве источника пополнения лексики казахского языка отчетливо проявляется при сопоставлении ряда казахских слов дореволюционного и послереволюционного периодов. Для этого весьма пригодными являются, с одной стороны, современные казахско-русские и русско-казахские словари, а с другой — материалы по лексике казахского языка второй половины прошлого века, содержащиеся в «Опыте словаря тюркских наречий» В. В. Радлова.

В предлагаемом ниже списке слов мы попытались выделить конкретные факты одного из наиболее интересных явлений в развитии лексики казахского языка, каким, на наш взгляд, является расширение значений отдельных казахских слов. В левом столбце представлены казахские слова, в среднем — перевод этих слов, сделанный В. В. Радловым в «Опыте словаря тюркских наречий», в третьем — значения, с которыми эти слова функционируют в современном казахском языке:

⁵⁸ Балакаев М. Б. Краткие сведения о казахском языке. — В кн.: Современный казахский язык. Алма-Ата, 1962, с. 11; Хасанов Б. Языки народов Казахстана и их взаимодействие. Алма-Ата, 1976, с. 43.

⁵⁹ Мусаев К. М. Казахский язык. — В кн.: Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху, с. 110.

<i>азамат айтыс</i>	юноша (лет двадцати) 1) разговаривать, беседовать, между собою говорить, спорить, ссориться; 2) вести тяжбу словесно перед судьей	гражданин дискуссия, прения
<i>алу айналу</i>	взятие 1) вертеться, вращаться; 2) мешкать, долго оставаться, опаздывать	займствование (лингв.) оборот (капитала)
<i>аудау атау азайту білімді буын</i>	окружность, объем дать имя, назвать уменьшить, убавить знающий 1) сустав, член; 2) поколение	район термин вычитание (матем.) образованный слог (грам.)
<i>дареже екпінді</i>	степень 1) взбесившийся (о лошадах); 2) увлекающийся в разговоре, смело говорящий	степень (матем.) ударный
<i>ер</i>	1) мужчина; 2) герой; 3) возмужалый, выросший человек	Герой (Социалистического Труда)
<i>жанды жарыс жақтау</i>	оживленный, живой бега 1) заступничество, защита; 2) косяки дверные и оконные	одушевленный (грам.) конкурс, соревнование оправа (очков и т. д.)
<i>жінішке жазушы жалғау жолдас</i>	тонкий писец связка 1) спутник; 2) место, выходящее после рождения младенца	палатальный (лингв.) писатель окончание (грам.) товарищ
<i>жыйнақ</i>	нечто собранное	сборник (например, научных трудов)
<i>жоспар</i>	неясный, неопределенный (след, догадка)	план
<i>жүту зат</i>	глотание 1) лицо, род, происхождение, обладатель; 2) вещь, материал, предмет, природа; 3) имущество, драгоценность	поглощение (физ.) материал (философ.)
<i>кеш</i>	1) поздний; 2) вечер	вечер (как культурное мероприятие)
<i>кілт кешіру күндік</i>	ключ простить 1) платок на голове, который носят женщины; 2) вуаль	ключ (гаечный) амнистировать козырек

<i>енер</i>	искусство, ловкость, ремесло	ре-искусство (как совокупность театрального, кинематографического и музыкального искусства)
<i>өрнек</i>	узор, рисунок	выражение (матем.)

Вызванные необходимостью отразить изменения, произошедшие в экономической, научной, культурной, общественной жизни и в быту, казахские слова приобрели новые значения путем расширения старого, как правило, по принципу аналогии, сохранения логической связи между новым и старым значениями. Иначе говоря, качество, признак, определенный характер движения, действия или понятие конкретной предметности, лежащие в основе содержания слова, в процессе расширения значения сохраняются, приобретая несколько иной оттенок семантического выражения. Например, казахское слово *тол* до революции обозначало, по Радлову, 'куча, множество, толпа', а в советскую эпоху в связи с распространением литературы по вопросам философии и другим общественным наукам, а также трудов К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина на казахском языке это слово употребляется с терминологическим значением 'класс'. Терминологическое значение в послеоктябрьский период развития казахского языка приобрели и слова *қышқыла* 'кислый — кислота' (хим.), *қуат* 'сила — мощность' (физ.), *қорғаушы* 'защитник — защитник' (спорт.) и др. Но превращение слов в термины — это лишь один из частных случаев расширения значения. Иной характер расширения значения проявляется в развитии таких слов, как *қоңырау* 'колокол — звонок' (электрический, механический и др.), *көркем* 'красивый, художественный', *күндік* 'платок на голове, который носят женщины, вуаль, козырек' и др.

Одним из способов использования внутренних ресурсов в качестве пополнения лексики языка является аффиксальное словообразование. По сравнению с расширением значения оно более продуктивное, что, несомненно, связано с расширением функции отдельных аффиксов.

Чтобы указать на ряд фактов, характеризующих описываемое явление в казахском языке, мы попытались проследить семантические изменения, которые произошли в результате присоединения того или иного аффикса к некоторым корням (основам). Для этого мы обрати-

лись к лексическим материалам по казахскому языку в «Опыте словаря тюркских наречий» В. В. Радлова, сопоставление которых с фактами современного казахского языка позволило убедиться в том, что отдельные аффиксы этого языка действительно расширили свои функции и тем самым препятствовали проникновению в казахский язык иноязычных морфологических элементов. В предлагаемом ниже списке слов слева приведены слова и их значения, заимствованные нами из словаря В. В. Радлова, а справа — слова и их значения, образовавшиеся в результате присоединения того или иного аффикса уже в советскую эпоху развития казахского языка:

<i>усақ</i>	мелкий, размолотый	— <i>усатушы</i>	дробильщик (металлург)
<i>бұрғы</i>	буравчик, сверло, кловорот	— <i>бұрғышы</i>	бурильщик (геолог.)
<i>жетек</i>	ведомый в поводу (лошадь, верблюд)	— <i>жетекші</i>	руководитель (научный, педагогический)
<i>тіл</i>	язык	— <i>тілші</i>	корреспондент
<i>талқыла</i>	1) дубить кожу; 2) бить ногами в бок (о лошади)	— <i>талқылаушы</i>	вальцовщик (металлург)
<i>орман</i>	лес	— <i>орманшы</i>	лесник
<i>ерін</i>	губа	— <i>еріндік</i>	лабиальный (линг.)
<i>етіс</i>	сделать вместе, помочь друг другу в работе	— <i>етістік</i>	глагол
<i>қал</i>	оставаться	— <i>қалдық</i>	разность (матем.)
<i>қисық</i>	кривой	— <i>қисықтық</i>	кривизна (матем.)
<i>кең</i>	широкий, обширный	— <i>кеңістік</i>	пространство (физ.)
<i>жалғау</i>	связка	— <i>жалғаулық</i>	союз (грам.)
<i>жексенбі</i>	воскресенье	— <i>жексенбілік</i>	воскресник
<i>сенбі</i>	суббота	— <i>сенбілік</i>	субботник
<i>мұз</i>	лед	— <i>мұздық</i>	ледник
<i>қондыр</i>	посадить, поселить	— <i>қондырма</i>	надстройка
<i>көр</i>	видеть, глядеть	— <i>көрме</i>	выставка
<i>басқар</i>	управлять	— <i>басқарма</i>	правление, учреждение (в значении учреждение)
<i>жарна</i>	разглашать, обнародовать	— <i>жарнама</i>	реклама
<i>отар</i>	отдаленное от аула застбище	— <i>отыршыл</i>	колонизатор
<i>халық</i>	парад (араб.)	— <i>халықшыл</i>	народник
<i>жаңа</i>	новый	— <i>жаңашыл</i>	новатор

<i>сайыс</i>	голоть друг друга	— <i>сайыскер</i>	борец
<i>көр</i>	видеть, глядеть	— <i>көгермен</i>	зритель
<i>көсем</i>	1) передовой барац; 2) глава общества, предводитель	— <i>көсемше</i>	деепричастие (грам.)
<i>кос</i>	соединить, сложить, прибавить	<i>қосынды</i>	слагаемое (матем.)

Как видно из приведенных примеров, наиболее продуктивными в процессе аффиксального словообразования в казахском языке советской эпохи являются такие суффиксы, как *-шы*, *-лық*, *-ма* и др.

Посредством присоединения аффикса *-лық* к словам, обозначающим конкретные понятия, образуются слова, обозначающие абстрактные понятия, например: *кен* 'широкий' — *кеңістік* 'пространство', *жексенбі* 'воскресенье' — *жексенбілік* 'воскресник' и т. д.

Путем присоединения к корням (основам) отдельных казахских слов аффикса *-шы* образуются слова, обозначающие профессии, например: *орман* 'лес' — *орманшы* 'лесник', *бұрғы* 'бурав' — *бұрғышы* 'бурильщик' и т. д.

С помощью аффикса *-ма* в казахском языке послеоктябрьского периода образовался целый ряд существительных от глаголов, например: *басқар* 'управлять' — *басқарма* 'управление', *міндет* 'обязанность' — *міндеттеме* 'обязательства' и т. д.

В составленном нами списке можно встретить не только производные слова, образованные от исконных слов тюркских языков, но и слова, образование которых произошло на базе заимствований из арабского и иранского языков, например: *халық* 'народ' — *халықшыл* 'народник', *сенбі* 'суббота' — *сенбілік* 'субботник' и т. д.

Процесс освоения этих слов казахами имеет очень длительную историю, и в настоящее время подавляющее большинство казахов при восприятии этих слов не отличают их от слов исконно тюркского корня.

Необходимо отметить, что в советский период большое количество производных слов сформировалось в результате использования слов из русского языка в качестве производящей основы, например: *министрлік* 'министерство', *электрик* 'электрик', *кандидаттық* 'кандидатский' и т. д.

Мы не рассматривали подобные случаи развития лексики казахского языка, потому, во-первых, что производящая основа этих слов, несомненно, находится за рам-

ками внутренних ресурсов казахского языка, во-вторых, отсутствие этих основ в «Опыте словаря тюркских наречий» делает невозможным изучение производных слов с основами из русского языка в плане сопоставления современных фактов с лексическими материалами по казахскому языку в словаре В. В. Радлова.

Таким образом, вышеприведенные примеры подтверждают, что в послеоктябрьский период обогащение лексики казахского языка происходило не только за счет заимствований из русского или через русский язык, но и за счет внутренних языковых ресурсов.

АРХАИЗМЫ И ИСТОРИЗМЫ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

«Уже давно было подмечено, что бурные исторические эпохи в жизни общества сопровождаются и значительными изменениями языка и, наоборот, исторические эпохи, не отмеченные значительными общественными событиями, характеризуются периодами относительной стабилизации языка»⁶⁰.

Справедливость этих слов подтверждается интенсивным развитием казахского языка в советскую эпоху. Оно выразилось в образовании множества новых слов за счет заимствований из русского или через русский язык и за счет внутренних языковых ресурсов.

Однако в каждом периоде развития живого языка можно выделить наряду с новообразованиями и формы, уходящие в историю, выходящие из употребления. Выпадая из языка, эти формы переходят в разряд архаизмов, которые, в свою очередь, делятся на лексические, грамматические, словообразовательные и семантические архаизмы⁶¹.

Кроме архаизмов в лексике каждого языка можно выделить определенную группу слов, которые в лингвистической литературе называют историзмами⁶².

Для выявления названных разрядов лексики казахского языка в качестве источника мы используем мате-

⁶⁰ Звезинцев В. А. Очерки по общему языкознанию. М.: Изд. МГУ, 1962, с. 182.

⁶¹ Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М., 1959, с. 309; Махмутов А. Архаизмы и историзмы в казахском языке. Автореф. Дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1963, с. 10.

⁶² См.: Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, см. слово *историзм*.

риалы из «Опыта словаря тюркских наречий» В. В. Радлова, так как в нем отражена лексика казахского языка прошлого столетия.

Но прежде чем перейти к выявлению архаизмов и историзмов, хотелось бы остановиться на принципах их определения.

Архаизмы — это такие слова, которые к настоящему моменту времени вышли из употребления, что было вызвано появлением (в силу самых различных причин) в этом языке новых слов с теми же значениями, что и старые. Следовательно, сущность превращения какого-либо слова в архаизм заключается в замене одного слова другим, но обязательно тождественным по значению⁶³.

Историзмы же можно рассматривать как устаревшие и вышедшие из употребления потому, что устарели и вышли из употребления предметы и понятия, которые ими обозначены⁶⁴. Историзмы, в отличие от архаизмов, в современном казахском языке синонимов не имеют и являются единственным выражением соответствующего понятия, относящегося к определенному периоду прошлого казахского народа. Например, казахские слова *от кеме* 'пароход' и *барымта* 'кража скота у враждующего рода' в настоящее время не употребляются (исключение, конечно, составляют исторические произведения, отражающие жизнь казахов в прошлом): *от кеме* в современном казахском языке вытеснено заимствованным словом *пароход*, а *барымта* 'разбойничий налет', однажды выпав из казахского языка, не оставило своего синонима, так как обозначаемое им понятие не характерно для современного казахского общества. Значит, *от кеме* — архаизм, а *барымта* — историзм.

Из архаизмов среди лексических материалов по казахскому языку в «Опыте словаря тюркских наречий» В. В. Радлова можно выделить следующие (см. табл.).

По сравнению с архаизмами среди лексических материалов по казахскому языку в «Опыте словаря тюркских

⁶³ Галкина-Федорук Е. Н. Современный русский язык: Лексика. М.: Изд. МГУ, 1954, с. 128. См. также: Шанский Н. М. Устаревшие слова в лексике современного русского литературного языка. — Русский язык в школе, 1954, № 3, с. 27—33.

⁶⁴ Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957, с. 272; Мусабаяев Г. Г. Современный казахский язык: Лексика. Алма-Ата, 1959, с. 81—82; Махлутов А. Архаизмы и историзмы в казахском языке. Алма-Ата, 1963, с. 6.

Арханзм	Значение	Современный синоним
<i>дөкет</i>	1) маленькие ножницы для стрижки усов; 2) большой кухонный нож	1) <i>қайшы</i> 2) <i>пышақ</i>
<i>елем сарт</i>	военное знамя сарты (тюркское племя в Средней Азии)	<i>әскери ту өзбек</i>
<i>уалайат</i>	страна, вокруг	<i>ел, аймак, округ, республика</i>
<i>шаңғыл</i>	винтовка	<i>винтовка, мылтык, бесатар</i>

наречий» В. В. Радлова историзмы встречаются чаще, например (переводы В. В. Радлова):

<i>алтын қабақ</i>	игра (стрельба по привешенным монетам)
<i>ату</i>	татарские ичиги
<i>алдыңйар</i>	почетное название князя (султана);
<i>алым</i>	подать, пошлина, подушный кибиточный сбор
<i>буламан</i>	маленький охотничий свисток
<i>дуан</i>	окружное правление
<i>долық</i>	1) кожаный мешок из целой, неразрезанной, шкуры (овцы, козы, теленка); 2) мешок, которым вытаскивают воду из колодца
<i>едіс</i>	кожаное ведро
<i>есепші</i>	человек, предсказывающий погоду
<i>жауаптама</i>	бумага с изречениями корана, которая кладется покойнику в могилу
<i>жайшы</i>	умеющий заговорить погоду
<i>кушыр</i>	десятина духовным лицам (из ста голов скота одна)
<i>дауылпаз</i>	охотничий барабанчик для призывания сокола
<i>дiлдэ</i>	бухарская золотая монета
<i>қаржымақыл</i>	род игры в бабки
<i>қойқын</i>	концовая китайка (материя)
<i>қойқын шыт,</i>	пазвивная китайка, московская китайка
<i>боз қойқын</i>	
<i>қастауыс</i>	краска (кровь, застывшая внутри аорты)
<i>мүйет</i>	сыр, который кладется на рану для того, чтобы не повредить ее при надавливании
<i>оқыра</i>	лента, сплетенная из двенадцати ремней

<i>елгей (елу+қой)</i>	китайская ямба (ценность в сто рублей = 50 овец)
<i>сақпан-сақман сарапшын</i>	инструмент для метания камней сетка из конских волос (для защиты глаз от солнца и пыли)
<i>сасыр телгей үдірім</i>	особая игра в бабки (сидя) кокандская шляпа расстояние в 20—25 верст, которое проходят, почуя на половине пути шест в кибитке для развешивания платья
<i>ілдірік</i>	
<i>шанаш</i>	старый кожаный мешок (из выделанной кожи)

В словаре В. В. Радлова встречаются историзмы уже для того времени. Их он, как правило, снабжает краткими пояснениями, например:

<i>тартыс</i>	оттягивание невесты (по прочтению муллой венчальной молитвы, что бывает в чужой кибитке, невесту защищают и не отпускают девицы и часть молодежи, а другая часть держит сторону жениха. Это называется «тартыс» — и оканчивается подарками молодым людям)
<i>тұлдап байлады</i>	он навязал траурный наряд (если кто умер в дороге, то на его лошадь кладут седло задом наперед и навязывают на него платье и шапку умершего и таким образом приводят лошадь домой)
<i>туды қандау</i>	окрашивание знамени кровью (древний казахский обычай перед отправлением на войну)

Таким образом, за сто с лишним лет, прошедших со времени регистрации ученым лексических материалов казахского языка, в последнем произошли изменения, которые и обусловили выпадение из языка указанной группы слов. Тематическая особенность выделенных архаизмов и особенно историзмов отражает конкретные факты процесса развития самых различных сторон жизни казахского народа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, рассмотрев концепцию В. В. Радлова об особенностях вокализма и сингармонизма казахского языка и сопоставив материалы по лексике казахского языка, содержащиеся в «Опыте словаря тюркских наречий», с лексикой современного казахского языка, мы приходим к следующим выводам:

1. В. В. Радлов, выделив в казахском языке девять гласных звуков: *a, ä, e, o, ö, y, i, u, ü*, — очень точно определил состав и количество казахских гласных.

2. Классификация гласных тюркских языков вообще и казахского в частности в изложении В. В. Радлова характеризуется некоторым своеобразием, сущность которого заключается в противопоставлении признаков ряда и огубленности не по активному участию какого-либо одного речевого органа, что лежит в основе современных классификаций гласных, а по положению органов речи у «передней или задней границы» рото-глоточного резонатора. Поэтому классификацию тюркских гласных В. В. Радлова, в принципе совпадающую с общепринятой современной классификацией, в наши дни можно считать устаревшей лишь по своей форме.

3. По В. В. Радлову, в казахском языке реализация гласного *e* в начальном положении носит дифтонгизированный характер. Справедливость данного положения в качестве одной из отличительных особенностей вокализма казахского языка впоследствии тюркологами была доказана как субъективными, так и объективными методами исследования и в настоящее время не вызывает сомнения. Что касается различия в произношении казах-

ского гласного *e* в инлауте и постлауте, на которое указывал В. В. Радлов, то, во-первых, аналогичные факты также были зарегистрированы современными языковедами; во-вторых, В. В. Радлов, на наш взгляд, вполне обоснованно не выделял варианты гласного *e* как самостоятельные члены состава гласных казахского языка.

4. В «Фонетике» В. В. Радлова впервые в истории изучения казахского языка рассматриваются дифтонги и трифтонги как фонетические сочетания двух или трех гласных звуков. Однако, правильно определяя компоненты дифтонговых соединений казахского языка в одних случаях (например, *aj, ej, uj, ij, ij, oj, oj*), В. В. Радлов ошибается при анализе состава аналогичных образований в других (*aw, ew, ow*), а дифтонг *ij* заменяет долгим гласным *i*. Основная же неточность В. В. Радлова в описании фонетических дифтонгов и трифтонгов казахского языка заключается в том, что он допускает возможность непосредственного соединения двух гласных в одном слове, вследствие чего там, где объективный анализ обнаруживает сочетание гласного с сонантом, В. В. Радлов находит соединение двух гласных или же долгий гласный.

5. Проанализировав различные сингармонические модели, характеризующие степень развития лабиальной аттракции в конкретных тюркских языках, В. В. Радлов приходит к выводу, что в казахском языке лабиальная гармония менее последовательна, чем в киргизском, причем губные гласные переднего ряда в казахском языке оказывают более сильное влияние на качество огласовки гласных неначальных слогов, чем губные гласные заднего ряда.

6. Палатальную гармонию гласных казахского языка В. В. Радлов рассматривал как весьма устойчивое явление, потому что в отличие от некоторых других тюркских языков, например узбекского и уйгурского, случаи нарушения этого вида гармонии гласных в казахском языке встречаются сравнительно редко.

7. Возможность признака раствора в тюркских языках служить для семантической дифференциации при вокализме неначальных гласных в исследовании В. В. Радлова не получает ясного и четкого определения, и поэтому случаи употребления широких или узких гласных в аффиксальных слогах отмечены им без определенной системы противопоставлений. Это означает, что, конста-

тируя «независимость» признака раствора в неначальных слогах, В. В. Радлов не раскрывает значения оппозиции широких и узких гласных в функциональном отношении.

8. Выделенные В. В. Радловым степени сингармонической сочетаемости гласных корневого слога с гласным аффиксов, аморфных элементов и образований, в своем развитии находящихся на пути от лексической единицы (слово) к грамматической (аффикс), представляют собой очень важные факты, анализ которых проливает свет на одну из главных особенностей тюркских языков — взаимосвязь закономерностей строения слова и сингармонизма.

9. Одним из явлений, способствующих образованию слитных слов в казахском языке, может быть как прогрессивная, так и регрессивная ассимиляция гласных. В. В. Радлов же, понимая процесс соединения двух самостоятельных слов в одно сложное слово как явление, которому **обязательно должна сопутствовать гармония гласных**, фактически к изучению данного вопроса подходит несколько односторонне. В казахском языке встречается целый ряд несомненных слитных слов с явно несингармонической последовательностью гласных, например: *esalaŋ, betaldy, šegara, äryšaŋ, ärtaman* и др.

10. Большое значение для изучения истории казахского языка имеет разработанное В. В. Радловым положение, по которому, если не все, то подавляющее большинство русизмов казахского языка, заимствованных во второй половине XIX в. и ранее, изменяясь, оказывались под влиянием гармонии гласных и состава казахских гласных, тогда как в настоящее время множество русских слов заимствуется в том фонетическом облике, в каком они известны в русском литературном языке.

11. Результаты исследований согласуются с утверждением В. В. Радлова о том, что казахский язык относится к той группе тюркских языков, в которой арabo-иранские заимствования в большинстве случаев подвергались фонетическим изменениям, в то время как в узбекском, уйгурском, азербайджанском и турецком подобные изменения чаще всего не наблюдаются. Более того, под влиянием большого количества арabo-иранских заимствований в этих языках произошло значительное ослабление сингармонизма.

12. Обнаружив определенную взаимосвязь между гармонией гласных и агглютинацией в тюркских языках, В. В. Радлов при определении сущности тюркской гармонии гласных следует за теоретическими положениями И. А. Бодуэна де Куртенэ и А. Шлейхера, которые еще в середине прошлого столетия утверждали, что основная функция гармонии гласных в урало-алтайских языках — это делимитативная, т. е. указывающая на границы слова и тем самым выделяющая слова в особые, относительно замкнутые фонетические комплексы. Сам процесс возникновения гармонии гласных в тюркских языках В. В. Радлов не проследживает, считая, что для этого необходимо обратиться к сопоставительному изучению фонетических и морфологических особенностей всех урало-алтайских языков.

13. Рассматривая гласные тюркских языков как физиолого-акустические величины, составляющие фактор речевой деятельности и не имеющие отношения к значению, т. е. как звуки, В. В. Радлов в отдельных случаях возводит их в постоянные члены языковой системы, фактор языка, т. е. фонемы. Это значит, что направленность сравнительного изучения тюркских языков в «Фонетике» В. В. Радлова в целом ограничена рамками исследования фонетических особенностей этих языков, причем только некоторые факты и явления анализируются им, скорее, с точки зрения фонологии, чем фонетики. В качестве примера можно привести выделенный В. В. Радловым состав гласных казахского языка, в котором фонетические варианты гласного *e* (*e* и *ä*) представлены лишь одним гласным *e*, хотя различие в произношении *e* в зависимости от положения в исследовании В. В. Радлова подчеркивается постоянно.

14. Исходя из анализа основных принципов составления и типологических особенностей словаря В. В. Радлова, проведенного в свете общей теории лексикографии Л. В. Щербы, «Опыт словаря тюркских наречий» можно определить как 1) переводный, 2) сравнительный, 3) частично этимологический и исторический словарь-справочник. Если до революции назначение словаря В. В. Радлова заключалось главным образом в объяснении значений незнакомых слов путем непосредственного перевода или на основе родственности тюркских языков, то в настоящее время в связи с созданием целой серии националь-

ных словарей основная функция радловского словаря несколько изменилась, и на первый план выступили его сравнительная, этимологическая и историческая характеристики.

15. Среди лексических материалов по казахскому языку, представленных в словаре В. В. Радлова, мы обнаружили около 20 русизмов (*купец, волостной, лавка, беревня* и т. д.). Фонетическая, морфологическая и синтаксическая структура казахского языка не претерпела глубоких изменений при их проникновении. Последнее, вероятнее всего, обусловлено отсутствием генетического родства и типологической общности между русским и казахским языками.

16. Основная масса арабо-иранских заимствований в казахском языке начала второй половины XIX в. была представлена существительными, далее идут прилагательные, а затем остальные части речи. За столетие, прошедшее с тех пор, часть арабо-иранских заимствований устарела либо сохранилась в пассивном словаре казахского языка (*айат* 'стих корана', *азан* 'призыв к молитве', *тақыт* 'трон' и т. д.), либо вовсе вышла из употребления (*казы* 'судья', *ықсан* 'милостыня', *нарқа* 'цена' и т. д.). В советскую эпоху заимствование из арабского и иранских языков почти прекратилось.

17. В послеоктябрьский период пополнение лексики казахского языка происходило не только за счет заимствований из русского или через русский язык, но и за счет внутренних языковых ресурсов, а именно путем расширения значения ранее употреблявшихся слов и аффиксации, например: *жазушы* 'писец' — *жазушы* 'писатель', *кесте* 'вышивка' — *кесте* 'таблица', *орман* 'лес' — *орманшы* 'лесник', *сенбі* 'суббота' — *сенбілік* 'субботник' и т. д. Освоение подобных неологизмов проходило значительно успешнее, чем освоение иноязычных слов.

18. За сто с лишним лет, прошедших со времени регистрации В. В. Радловым казахских слов в общественно-политической, экономической и культурной жизни Казахстана, произошли глубокие изменения, стимулировавшие интенсивное развитие казахского языка, в лексике которого наряду с множеством неологизмов выделилась определенная группа устаревших слов, т. е. архаизмов и историзмов, например: *елем* 'военное знамя', *шаңғыл*

'винтовка', есенші 'человек, предсказывающий погоду', атпақыл 'род игры в бабки' и т. д.

Данные выводы охватывают лишь часть вопросов, связанных с историей изучения казахского языка. Осветить последовательно и досконально все научные проблемы, которые исследовал В. В. Радлов — это значит проследить преемственность и развитие его идей в плане большинства отраслей современной тюркологии.

Наша задача была более скромной — определить роль В. В. Радлова в истории изучения казахского языка.

Дальнейшее изучение вопроса нам видится в исследовании более широкого круга проблем, связанных с зарождением, становлением и развитием казахского языкознания. При этом важно не то, какие вопросы рассматривались теми или иными учеными. Вопрос в том, как они рассматривались. И, конечно же, отдавая дань уважения своим предшественникам, необходимо четко определить значение их трудов для развития научной мысли в области казахского языкознания, указать, кому принадлежит приоритет в выдвижении той или иной идеи, что мы и попытались сделать в отношении В. В. Радлова.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

В. В. РАДЛОВ — ВЫДАЮЩИЙСЯ ТЮРКОЛОГ

Берлинский и барнаульский периоды	7
Казанский период	27
Петербургский период	33

В. В. РАДЛОВ О ВОКАЛИЗМЕ И СИНГАРМОНИЗМЕ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

Гласные звуки	67
Дифтонги и трифтонги	79
О некоторых явлениях гармонии гласных	88
Гармония гласных и словообразование	100
Сущность гармонии гласных	117

СЛОВАРЬ В. В. РАДЛОВА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДИАХРОНИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

«Опыт словаря тюркских наречий» В. В. Радлова с точки зрения общей теории лексикографии	125
К вопросу о заимствованиях в казахском языке	138
К вопросу об использовании внутренних ресурсов в качестве пополнения лексики казахского языка	155
Архаизмы и историзмы в казахском языке	162
Заключение	166

Кобей Шахметович Хусаинов

В. В. РАДЛОВ И КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК

*Утверждено к печати Ученым советом Института языкознания
Академии наук Казахской ССР*

Рецензенты: доктора филологических наук И. Исаев, Ш. Ш. Сарыбаев, Р. Сыздыкова

Редактор Л. Ф. Любенко. Худож. редактор А. Б. Мальцев. Оформление художника Л. И. Матвеева. Техн. редактор Е. М. Тахметова.
Корректор Л. Л. Михайлова.

ИБ № 957

Сдано в набор 19.03.81. Подписано в печать 24.06.81. УГ10074.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Типографская № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. п. л. 9. Уч.-изд. л. 9,4. Тираж 1200.
Заказ 58. Цена 1 р. 70 к.

Издательство «Наука» Казахской ССР.

Типография издательства «Наука» Казахской ССР.

Адрес издательства и типографии: 480021, г. Алма-Ата, Шевченко, 23.

